

ISSN: 3033-7569

eISSN: 3033-7577

DOI: 10.31833/sifk

УФИМСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Т. 3. № 2. 2026

UFA HUMANITARIAN JOURNAL

Vol. 3. No. 2. 2026

sifkufa.ru

**Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук**

**УФИМСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Т. 3. № 2. 2026

ISSN: 3033-7569
eISSN: 3033-7577
DOI: 10.31833/sifk

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Создан в 2024 г.

Редакция:

Савельева А.Г.
технический директор

Бускунбаева Л.А.
редактор

Ишегулова А.М.
редактор

Ишмухаметова А.Ш.
редактор

Нафикова С.Р.
редактор

Сулейманова А.С.
переводчик

Хисаметдинов А.У.
верстальщик

Адрес издателя и редакции: 450054,
г. Уфа, пр. Октября, д. 71, лит. У, У1

Утверждено к печати
Ученым Советом
ИИЯЛ УФИЦ РАН
(Протокол № 6 от 19.06.2026)

Учредитель: Федеральное
государственное бюджетное
научное учреждение
Уфимский федеральный
исследовательский центр
Российской академии наук

© УФИЦ РАН, 2026
© Редколлегия, 2026
© Авторы, 2026

E-mail: izv-i-f-c@mail.ru
<https://sifkufa.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рахматуллина Зугура
Ягануровна
главный редактор

доктор философских наук, профессор, ИИЯЛ
УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Ягафарова Гульназ
Нурфаезовна
заместитель главного
редактора

доктор филологических наук, доцент, ИИЯЛ
УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Азнабаев Булат Ахмерович
заместитель главного
редактора

доктор исторических наук, профессор, Уфимский
университет науки и технологий, Уфа, Россия

Бахтерева Анна Андреевна

кандидат филологических наук, Уральский
федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

Корнилов Геннадий
Егорович

доктор исторических наук, профессор, Институт
истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург,
Россия

Сундужева Дина Борисовна

доктор культурологии, доцент, Забайкальский
государственный университет, Чита, Россия

Ильясова Альбина
Янгалеевна

кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН,
Уфа, Россия

ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдрафикова Гульнара
Хависовна

кандидат филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ
РАН, Уфа, Россия

Алимаа Аюушжав

доктор культурологии, Институт языка и
литературы АН Монголии, Улан-Батор, Монголия

Беляков Андрей
Васильевич

доктор исторических наук, Институт российской
истории РАН, Москва, Россия

Биткеева Айса Николаевна

доктор филологических наук, Институт
языкознания РАН, Москва, Россия

Буканова Роза Гафаровна

доктор исторических наук, профессор, Уфимский
юридический институт МВД РФ, Уфа, Россия

Ван Цзясин

доктор филологических наук, профессор,
Нанкинский университет, Нанкин, Китай

Галиева Фарида
Габдулхаевна

доктор филологических наук, кандидат
исторических наук, доцент, Институт
этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
УФИЦ РАН, Уфа, Россия

Данилко Елена Сергеевна

доктор исторических наук, профессор РАН,
Институт этнологии и антропологии им.
Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Иващенко Яна Сергеевна

доктор культурологии, доцент, Русская
христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия

Кляус Владимир
Леонидович

доктор филологических наук, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН, Москва,
Россия

Коноплева Нина
Алексеевна

доктор культурологии, профессор,
Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Россия

Кузьмина Евгения
Николаевна

доктор филологических наук, профессор,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск,
Россия

Куфтерин Владимир Владимирович	доктор биологических наук, доцент, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
Лобанкова Инна Петровна	кандидат культурологии, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
Лычагина Евгения Леонидовна	доктор исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
Лю Куйли	кандидат филологических наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), академик, Академия общественных наук КНР, Пекин, Китай
Масуми Исогай	доктор философии, доцент, Государственный университет Чиба, Чиба, Япония
Надергулов Минлегали Хусаинович	доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Овсянников Владимир Владиславович	кандидат исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Ойноткинова Надежда Романовна	доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Побережников Игорь Васильевич	доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Псянчин Айбулат Валиевич	доктор географических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Сабитов Жаксалык	PhD, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Садиков Ранус Рафикович	доктор исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Салмин Антон Кириллович	доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
Серегин Николай Николаевич	доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Сиразитдинов Зиннур Амирович	кандидат филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Созина Елена Константиновна	доктор филологических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
Сокаева Диана Вайнеровна	доктор филологических наук, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия
Сулейманова Рима Нугамановна	доктор исторических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Тагирова Наила Фаридовна	доктор исторических наук, Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия
Таиров Александр Дмитриевич	доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
Урманчиева Анна Юрьевна	доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна	доктор филологических наук, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
Хабунова Евдокия Эрэндженовна	доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
Хусаинова Гульнур Равиловна	доктор филологических наук, ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа, Россия
Хусаинова Ляйля Мидхатовна	доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
Эрджан Алкайя	доктор филологии, профессор, Университет Фырат, Элязыг, Турция

ISSN: 3033-7569
eISSN: 3033-7577
DOI: 10.31833/sifk

SCIENTIFIC JOURNAL

Created in 2024

Technical editorial board:

Anna G. Saveleva
Director of the Technical Editorial Office

Liliya A. Buskunbaeva
editor

Alsya M. Ishegulova
editor

Anita Sh. Ishmukhametova
editor

Sulpan R. Nafikova
editor

Aigul S. Suleimanova
translator

Aisar U. Khisametdinov
layout

Publisher and editorial Office Address:
450054, Ufa, Oktyabrya Prospect, 71,
lit. U, U1

Approved for publication by the
Academic Council IHLL UFRC RAS
(Proceedings no. 6 dated 19 June 2026)

Founder: Ufa Federal Research Centre of
the Russian Academy of Sciences

© Ufa Federal Research Centre of the
Russian Academy of Sciences, 2026
© Editorial board, 2026
© Authors, 2026

E-mail: izv-i-f-c@mail.ru
<https://sifkufa.ru/>

EDITORIAL BOARD

Zugura Ya.
Rakhmatullina
Chief Editor

Gulnaz N. Yagafarova
Deputy Chief Editor

Bulat A. Aznabaev
Deputy Chief Editor

Anna A. Bakhtereva

Dina B. Sundueva

Gennady E. Kornilov

Albina Ya. Ilyasova
Executive Secretary

Dr. Sc. (Philosophy), Professor, IHLL UFRC RAS, Ufa,
Russia

Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

Dr. Sc. (History), Professor, Ufa University of Science and
Technology, Ufa, Russia

Cand. Sc. (Philology), Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia, The V.V. Vinogradov Russian
Language Institute, RAS, Moscow, Russia

Dr. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Zabaikalsky
State University, Chita, Russia

Dr. Sc. (History), Institute of History and Archaeology of
the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

Cand. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

EXECUTIVE EDITORS

Aysa N. Bitkeeva

Alexander D. Tairov

Alimaa Ayushzhav

Andrey V. Belyakov

Anna Yu.
Urmanchieva

Anton K. Salmin

Aybulat V. Psyanchin

Diana V. Sokaeva

Elena K. Sozina

Elena S. Danilko

Ercan Alkaya

Evdokia E.
Khabunova

Evgeniya L.
Lychagina

Evgeniya N. Kuzmina

Farida G. Galieva

Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics, RAS, Moscow,
Russia

Dr. Sc. (History), South Ural State University, Chelyabinsk,
Russia

PhD (Cultural Studies), Institute of Language and
Literature, Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar,
Mongolia

Dr. Sc. (History), Institute of Russian History, RAS,
Moscow, Russia

Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistic Research RAS,
St. Petersburg, Russia

Dr. Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg,
Russia

Dr. Sc. (Geography), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

Dr. Sc. (Philology), North Ossetian Institute of Humanities
and Social Studies by V.I. Abaev, Vladikavkaz Science
Center, RAS, Vladikavkaz, Russia

Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg,
Russia

Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, N.N. Miklukho-
Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS,
Moscow, Russia

Dr. Sc. (Philology), Professor, Firat University, Elazig,
Türkiye

Dr. Sc. (Philology), Professor, Kalmyk State University
named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Perm State National
Research University, Perm, Russia

Dr. Sc. (Philology), Professor, Institute of Philology,
Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Dr. Sc. (Philology), PhD (History), Associate Professor,
R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies UFRC RAS,
Ufa, Russia

Flyuza G. Fatkullina	Dr. Sc. (Philology), Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
Gulnara Kh. Abdrafikova	Cand. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Gulnur R. Husainova	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Igor V. Poberezhnikov	Dr. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia
Inna P. Lobankova	Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia
Layla M. Husainova	Dr. Sc. (Philology), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
Liu Kuili	PhD (Philology) MSU, Academician, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China, Beijing, China
Masumi Isogai	PhD (Culture and Society), Associate Professor, Chiba State University, Chiba, Japan
Minlegali H. Nadergulov	Dr. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Nadezhda R. Oinotkinova	Dr. Sc. (Philology), Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Nailya F. Tagirova	Dr. Sc. (History), Samara Federal Research Center, RAS, Samara, Russia
Nikolay N. Seregin	Dr. Sc. (History), Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Nina A. Konopleva	Dr. Sc. (Cultural Studies), Professor, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
Ranus R. Sadikov	Dr. Sc. (History), R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies UFRC RAS, Ufa, Russia
Rima N. Suleimanova	Dr. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Rosa G. Bukanova	Dr. Sc. (History), Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia
Vladimir L. Klyaus	Dr. Sc. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia
Vladimir V. Kufterin	Dr. Sc. (Biology), N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia
Vladimir V. Ovsyannikov	Cand. Sc. (History), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia
Wang Jiaying	Dr. Sc. (Philology), Professor, Nanjing University, Nanjing, China
Yana S. Ivaschenko	Dr. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, Russian Christian Humanitarian Academy of F.M. Dostoevsky, St. Petersburg, Russia
Zhaksalyk Sabitov	Dr. Sc. (Politics), L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
Zinnur A. Sirazitdinov	Cand. Sc. (Philology), IHLL UFRC RAS, Ufa, Russia

Содержание

Филология

Гирфанов А.М., Сулейманова А.С.

Функционально-семантический пересмотр грамматической классификации английского языка: предложение альтернативной модели для русскоязычных учащихся 144

Каменский К.В.

Между присутствием и отсутствием: интерплейслицитная природа образа Вергилия в игровой вселенной «Devil May Cry» 157

Кобыскан А.С.

Концептосфера регионального делового издания «Коммерсантъ-Башкортостан»: когнитивно-дискурсивный анализ интернет-паблика 171

Мукабенова Ж.А.

Семантика и символика цветообозначения «синий» в лингвокультуре калмыков и корейцев 180

Нафикова С.Р.

Обращения в аспекте сопоставительной лингвокультурологии (на материале русского и башкирского языков) 187

Ши Хуниэн

Исследование смыслообразующих функций «символического образа чая» в произведениях русской литературы 199

Яковлева Е.А.

Лингвистическое градоведение Уфы: комплексный анализ урботекста полиэтнического мегаполиса 214

История. Этнография

Ахмадиева Н.В.

Динамика молодежной политики, девиаций и институциональных трансформаций в Башкирской АССР в годы перестройки (1985–1991 гг.) 228

Булякова Г.В.

Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области: традиционные основы и причины устойчивости 236

Нигматуллина З.Ф.

Предметы из кожи в собрании Национального музея Республики Башкортостан: типология и культурное значение 244

Тугужекова В.Н., Печерский В.А.

Некоторые аспекты развития сельского хозяйства Хакасии в годы Великой Отечественной войны 256

Хужахметова Г.Н.

Историография возникновения нефтеперерабатывающего кластера «Второе Баку» в годы Великой Отечественной войны 267

Contents

Philology

Girfanov A.M., Suleimanova A.S.

Functional-semantic revision of the English grammar classification: proposing an alternative model for Russian-speaking students 144

Kamensky K.V.

Between presence and absence: interplaceslicial nature of Vergil's character in the "Devil May Cry" game universe 157

Kobyskan A.S.

Conceptual framework of the regional business media "Kommersant-Bashkortostan": a cognitive-discursive analysis of the public page 171

Mukabenova Z.A.

Semantics and symbolism of the color term "blue" in the linguoculture of Kalmyks and Koreans 180

Nafikova S.R.

Addresses from the perspective of comparative linguistic and cultural studies (based on the Russian and Bashkir languages) 187

Shi Hongsheng

A study of the meaning-conveying functions of the "symbolic image of tea" in works of Russian literature 199

Yakovleva E.A.

Linguistic urban studies of Ufa: a comprehensive analysis of the urban text of a multiethnic metropolis 214

History. Ethnography

Akhmadieva N.V.

Trends in youth policy, deviance and institutional transformations in the Bashkir ASSR during the perestroika era (1985–1991) 228

Bulyakova G.V.

Birthing and funeral-memorial rites of the Chelyabinsk region Bashkirs: traditional foundations and the causes of stability 236

Nigmatullina Z.F.

Leather objects in the collection of the national museum of the Republic of Bashkortostan: typology and cultural significance 244

Tuguzhekova V.N., Pechersky V.A.

Some aspects of the development of agriculture in Khakassia during the Great Patriotic War 256

Khuzhakhmetova G.N.

Historiography of the emergence of the "Second Baku" oil refining cluster during the Great Patriotic War 267

**Функционально-семантический пересмотр грамматической классификации
английского языка: предложение альтернативной модели
для русскоязычных учащихся**

Алимбек Маратович Гирфанов

Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: marikgirfanov@yandex.ru

Айгуль Салаватовна Сулейманова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: a.s.tutor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается новаторская функционально-семантическая модель классификации грамматических категорий английского языка, специально адаптированная для русскоязычных учащихся. Традиционные системы английской грамматики, разработанные преимущественно для целей описательной лингвистики, часто опираются на формальную систематику, что создает значительную когнитивную перегрузку и терминологическую путаницу для иностранных учащихся. Например, общепринятое деление глаголов на смысловые, вспомогательные, модальные и глаголы-связки лишено логической прозрачности при рассмотрении через призму русской грамматической интуиции. Кроме того, традиционная трактовка причастных форм (Participle I и Participle II) как неличных форм глагола часто стирает грань между определениями, герундием и компонентами сказуемого, тем самым препятствуя формированию устойчивых грамматических навыков. Для решения этих дидактических проблем в данном исследовании предлагается упрощенная бинарная классификация глаголов, в которой проводится различие только между вспомогательными глаголами (функциональными операторами, отвечающими за образование вопросов, отрицаний, времени и модальности) и основными глаголами (носителями ключевого лексического значения или состояния). За счет нейтрализации искусственных границ между модальными и вспомогательными глаголами, а также между смысловыми глаголами и связками, предлагаемая структура позволяет формулировать универсальные и легко предсказуемые синтаксические правила для всех времен. Кроме того, модель обосновывает необходимость переосмысления Participle I и Participle II как самостоятельных частей речи – действительного и страдательного причастий соответственно, – тем самым приводя английские грамматические концепты в соответствие со знакомыми русскими морфологическими категориями. Такое функциональное разделение позволяет учащимся механически конструировать сложные видовременные и залоговые формы, превращая абстрактные формулы в логический семантический конструктор. Сопоставительный анализ подчеркивает, как эта адаптированная номенклатура эффективно минимизирует межъязыковую интерференцию и способствует более глубокому когнитивному усвоению материала. В конечном итоге эта теоретическая и методологическая реструктуризация смещает фокус с механического заучивания исключений на осознанное понимание структурной логики. Предлагаемая модель представляет собой надежную основу для будущих прикладных исследований, разработки учебников и педагогических экспериментов в сфере преподавания английского языка как иностранного.

Ключевые слова: грамматика английского языка, лингводидактика, функционально-семантический подход, когнитивная лингвистика, межъязыковая интерференция, причастия, вспомогательные глаголы

Для цитирования: Гирфанов, А.М., Сулейманова, А.С., 2026. Функционально-семантический пересмотр грамматической классификации английского языка: предложение альтернативной модели для русскоязычных учащихся, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 144–156. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.13>

Functional-semantic revision of the English grammar classification: proposing an alternative model for Russian-speaking students

Alimbek M. Girfanov

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation
E-mail: marikgirfanov@yandex.ru

Aigul S. Suleimanova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature UFRC RAS,
Ufa, Russian Federation
E-mail: a.s.tutor@mail.ru

Abstract. This article examines an innovative functional-semantic model for classifying grammatical categories in the English language, specifically adapted for Russian-speaking learners. Traditional systems of English grammar, developed primarily for the purposes of descriptive linguistics, often rely on formal systematics, which creates significant cognitive overload and terminological confusion for foreign learners. For example, the conventional division of verbs into main verbs, auxiliary verbs, modal verbs and linking verbs lacks logical transparency when viewed through the lens of Russian grammatical intuition. Furthermore, the traditional interpretation of participle forms (Participle 1 and Participle 2) as impersonal verb forms often blurs the line between modifiers, gerunds, and predicate components, thereby hindering the development of solid grammatical skills. To address these didactic challenges, this study proposes a simplified binary classification of verbs, distinguishing only between auxiliary verbs (functional operators responsible for forming questions, negations, tense, and modality) and main verbs (carriers of key lexical meaning or state). By neutralizing artificial boundaries between modal and auxiliary verbs, as well as between semantic and linking verbs, the proposed structure allows for the formulation of universal and easily predictable syntactic rules for all tenses. Furthermore, the model justifies the need to reinterpret Participle 1 and Participle 2 as independent parts of speech—active and passive participles, respectively—thereby aligning English grammatical concepts with familiar Russian morphological categories. This functional division allows students to mechanically construct complex tense-aspect and voice forms, transforming abstract formulas into a logical semantic constructor. A comparative analysis highlights how this adapted nomenclature effectively minimizes cross-linguistic interference and promotes deeper cognitive assimilation of the material. Ultimately, this theoretical and methodological restructuring shifts the focus from the rote memorization of exceptions to a conscious understanding of structural logic. The proposed model provides a solid foundation for future applied research, the development of textbooks, and pedagogical experiments in the field of teaching English as a foreign language.

Keywords: English grammar, language pedagogy, the functional-semantic approach, cognitive linguistics, cross-linguistic interference, participles, auxiliary verbs

For citation: Girfanov, A.M., Suleimanova, A.S., 2026, Functional-semantic revision of the English grammar classification: proposing an alternative model for Russian-speaking students, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 144–156. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.13>

Введение

Предлагаемая модель не претендует на описание устройства английского языка как такового, а представляет собой методически адаптированную метаязыковую систему, облегчающую первичное усвоение грамматики русскоязычными учащимися определенного возраста, и не является универсальным решением для всех категорий учащихся.

Актуальность темы обусловлена необходимостью оптимизации процесса преподавания английского языка русскоязычным учащимся [Тер-Минасова, 2000] в условиях возрастающей

потребности в быстром и качественном овладении иностранным языком. Современные образовательные стандарты требуют отхода от механического заучивания правил в пользу осознанного усвоения грамматических структур, что вызывает потребность в обновлении и адаптации существующих лингводидактических подходов.

Научная проблема заключается в противоречии между традиционной, формально-описательной системой классификации английской грамматики (в частности, глагольной парадигмы и неличных форм), заимствованной из академической англоязычной традиции, и когнитивными механизмами восприятия этой системы носителями русского языка. Существующая терминология создает избыточную когнитивную перегрузку и провоцирует устойчивую межъязыковую интерференцию.

Историография вопроса. Проблема адаптации грамматического материала для иностранных учащихся традиционно находится в фокусе внимания лингводидактики. Фундаментальные основы грамматического строя английского языка заложены в работах Р. Квирка, Н. Хомского и А.И. Смирницкого. Вопросы психологии усвоения иностранного языка, преодоления интерференции и когнитивной нагрузки глубоко освещались в трудах И.А. Зимней, С. Гасса и Л. Селинкера, а основы коммуникативной и понятийной методики – в работах Е.И. Пассова [Пассов, 1989]. Тем не менее функционально-семантическая модификация базовой классификации частей речи именно в дидактических целях, с опорой на русскоязычную грамматическую интуицию, остается недостаточно изученной.

Важно подчеркнуть, что описанное выше противоречие между традиционной грамматической классификацией и когнитивными механизмами русскоязычного учащегося составляет лишь часть более широкой проблемы методики. Овладение иностранным языком не сводится к усвоению грамматических правил: в структуру коммуникативной компетенции входят также фонетические навыки (слуховое восприятие и произношение), словарный запас, умение порождать связное устное и письменное высказывание, а также социокультурная адаптация. Грамматика – важный, но не единственный инструмент изучения иностранного языка. Более того, для ряда обучающихся она может даже не являться приоритетным каналом вхождения в язык.

Современное обучение иностранному языку признает существование различных типов языковой социализации и индивидуальных методов усвоения. В связи с этим необходимо учитывать, что предлагаемая в настоящей статье функционально-семантическая модель, перестраивающая грамматическую классификацию, не является универсальным решением для всех категорий учащихся. Ее эффективность и уместность зависят от целей, стиля восприятия и образовательного контекста конкретного обучающегося.

Целевая аудитория предлагаемой модели. Разработанная бинарная система глаголов и переосмысление причастных форм в первую очередь адресованы следующим категориям учащихся:

- русскоязычные учащиеся начального и среднего уровня подготовки (A1–B1), которые испытывают устойчивые трудности с построением вопросов, отрицаний и различением временных форм. Для таких студентов характерна высокая познавательная нагрузка при работе с традиционными таблицами времен. Предлагаемая модель снижает эту нагрузку за счет сокращения числа запоминаемых категорий;

- учащиеся, предпочитающие аналитический метод изучения, то есть те, кто предпочитает понимать внутреннюю логику системы перед тем, как приступить к практике. Для таких студентов объяснение «почему вопрос строится именно так» через бинарную классификацию оказывается более эффективным, чем запоминание частных формул;

- студенты языковых и переводческих направлений, которым требуется не только практическое владение языком, но и способность анализировать грамматическое устройство высказывания. Предлагаемая модель дает прозрачный и непротиворечивый аналитический инструментарий;

- учащиеся, для которых русский язык является единственным или доминирующим языком внутренней речи, а языковедческий опыт сформирован именно на русской грамматической традиции (например, школьники, студенты неязыковых вузов). Для таких обучающихся когнитивные «якоря» в виде знакомых категорий («действительное причастие», «страдательное причастие», различение основного и вспомогательного глагола) критически важны для преодоления межъязыковой интерференции.

Ограничения применимости модели. Напротив, существуют контексты и категории учащихся, для которых предлагаемая модель не подходит или требует существенной адаптации:

- учащиеся с коммуникативно-интуитивным стилем обучения (например, участники языковых погружений, дети в билингвальной среде, студенты, осваивающие язык преимущественно через устное общение). Для таких обучающихся избыточное метаязыковое объяснение может даже замедлить естественное усвоение грамматических паттернов;

– взрослые учащиеся с прагматическими целями, не требующими грамматической рефлексии (например, туристический или базовый деловой английский для ограниченного круга ситуаций). Если целью является лишь способность понять вывеску, сделать заказ в ресторане или ответить на простые вопросы, детальное освоение глагольной парадигмы через бинарную классификацию будет избыточным. Для таких случаев более адекватны лексико-фразовые подходы;

– учащиеся, уже успешно освоившие традиционную грамматическую систему (уровень B2 и выше). Переучивание и смена метода изучения могут принести больше вреда, чем пользы, создавая ложные когнитивные конфликты между уже автоматизированными навыками и новой номенклатурой;

– учащиеся, ориентированные исключительно на чтение и перевод письменных текстов (например, исследователи, работающие с англоязычной литературой только в письменной форме). Для этой категории рецептивные навыки могут развиваться без активного порождения устных грамматических конструкций; погрешности в различении вспомогательных и основных глаголов при чтении редко ведут к непониманию смысла, а следовательно, потребность в перестройке грамматической интуиции не возникает.

Таким образом, настоящая статья адресована в первую очередь тем, кто учит английский системно, с опорой на правила и объяснения, и при этом говорит по-русски как на родном языке. Модель не претендует на универсальность, но предлагает эффективный инструмент для одной из самых массовых и при этом методически уязвимых категорий учащихся – русскоязычных новичков, застревающих в грамматических трудностях.

С учетом изложенных выше ограничений и уточнения целевой аудитории, *целью исследования* является разработка и концептуализация альтернативной модели грамматических категорий английского языка, основанной на логико-семантическом и функциональном подходах, для повышения эффективности обучения русскоязычной аудитории.

Основные вопросы исследования включают анализ дидактических недостатков традиционной глагольной парадигмы, обоснование бинарной классификации глаголов (основной / вспомогательный) и переосмысление грамматического статуса причастных форм.

Методы исследования. В работе применяются методы структурно-семантического анализа, сопоставительного (контрастивного) анализа английского и русского языков, а также метод лингвометодического моделирования грамматических конструкций.

1. Проблемы традиционной классификации

В англоязычной методике принято выделять четыре типа глаголов: смысловые (*lexical verbs*), модальные (*modal verbs*), вспомогательные (*auxiliary verbs*) и глаголы-связки (*copulas*). Такая классификация укоренилась в академической англоязычной традиции, ориентированной на описательную систематизацию языка как объекта [Quirk et al., 1985; Плоткин, 1989; Chomsky, 1965]. Однако в условиях преподавания английского языка как иностранного, особенно русскоязычной аудитории, подобная система демонстрирует целый ряд дидактических и когнитивных ограничений.

Во-первых, структура классификации оказывается избыточной для обучающегося: наличие нескольких формально различающихся, но функционально пересекающихся групп глаголов приводит к терминологической перегрузке [Смирницкий, 1959]. Особенно это проявляется при освоении модальных и вспомогательных глаголов, которые занимают одну и ту же синтаксическую позицию и выполняют близкие грамматические функции: выражают вопрос, отрицание, время, аспект или модальность. Например, конструкции *Do you know?* и *Can you swim?* внешне сходны по структуре, однако требуют различного терминологического объяснения, что затрудняет осознанное усвоение материала. Это нередко приводит к типичным ошибкам русскоязычных учащихся: *I will be running* заменяется на *I will running*, *She is a doctor* – на *She doctor*, *I want to go* – на *I want go*, *I can swim* – на *I can to swim*.

Во-вторых, многие из этих категорий, в частности глаголы-связки и вспомогательные глаголы, не представлены в системе преподавания русского языка в школьной программе. Русские школьники не проходят специальных тем, посвященных глаголам-связкам или вспомогательным глаголам как отдельным категориям, несмотря на их наличие в языке (*быть, являться, становиться*). Следовательно, попытка ввести аналогичные категории в преподавание английского языка вызывает дополнительную когнитивную нагрузку, не подкрепленную ни школьной практикой, ни метаязыковым опытом ученика [Swan, 2016].

В-третьих, традиционная классификация английских глаголов в учебниках, используемых в странах постсоветского пространства, как правило, заимствована из англоязычной грамматической традиции без учета специфики русскоязычного восприятия и без адаптации терминологии под родной язык обучающегося [Алимов, 2005]. Это принципиально отличается от практики преподавания,

например, японского языка в русской методической традиции. В учебниках по японскому языку не используется оригинальная японская терминология: вместо этого применяется система понятий, заимствованных из русской грамматики – «деепричастие», «падеж» и т.д. Так, в русскоязычной методике преподавания японского языка падежная частица で (de) часто интерпретируется как творительный падеж – например, в предложении 鋏で紙を切 (*ножницами бумагу резать*) частица указывает на орудие действия, аналогичное творительному падежу в русском языке. Однако в конструкции 学校で勉強する (*в школе учиться*) та же частица で отвечает на вопрос «где?» и обозначает место действия, что ближе к предложному падежу или обстоятельству места.

Несмотря на такую неоднозначность, в русскоязычной грамматической традиции японского языка сознательно используется термин «творительный падеж», поскольку он облегчает первичное понимание за счет опоры на родную языковую систему, даже если он не охватывает всех функций частицы. Такая практика служит примером того, как в методических целях допускается определенная семантическая неточность или неполнота, если она способствует лучшему усвоению материала и более быстрой ориентации в грамматике изучаемого языка.

Несмотря на то, что такая терминология не всегда точно отражает структуру японского языка, она облегчает процесс усвоения благодаря уже знакомым понятиям, служащим когнитивными «якорями» [Langacker, 2008].

Таким образом, русскоязычное преподавание английской грамматики могло бы извлечь пользу из аналогичной адаптации: использовать не калькированную англоязычную систему, а термины и категории, близкие к структурам и интуиции родного языка учащегося. В этом контексте представляется целесообразным не просто переводить термины (*modal verb* → «модальный глагол»), а перестраивать классификацию с учетом когнитивной и дидактической логики, как это уже было реализовано в других лингводидактических традициях.

Также вызывает трудности трактовка причастий. Формы *Participle I* и *Participle II* рассматриваются в грамматике как формы глагола, но фактически выполняют функции ближе к атрибутивным элементам. Их также нередко смешивают с герундием или классифицируют через категорию времени (причастие настоящего или прошедшего времени), что порождает терминологическую путаницу. Русскоязычные обучающиеся не всегда способны интуитивно различать форму *reading* в конструкциях *She is reading* и *Reading is important*, поскольку терминологически обе могут быть описаны как *-ing form*, но выполняют абсолютно разные синтаксические и семантические функции.

В свете вышеизложенного можно заключить, что традиционная система классификации глагольных форм и категорий, как она представлена в англоязычной грамматике и воспроизводится в отечественных учебниках, не является оптимальной для целей преподавания английского языка русскоязычным учащимся [Тер-Минасова, 2000]. Ее адаптация или переосмысление представляется актуальной задачей лингводидактики.

2. Предлагаемая альтернатива: логико-семантическая модель

2.1. Глаголы

Предлагается объединение вспомогательных и модальных глаголов в единую категорию, поскольку они обладают схожим синтаксическим поведением: 1) занимают позицию между подлежащим и основным глаголом; 2) выражают грамматическое значение (вопрос, отрицание, время, модальность), но не несут лексической нагрузки.

В рамках предлагаемой модели такие глаголы рассматриваются как вспомогательные глаголы, выполняющие роль операторов грамматической структуры, обслуживающих основной глагол.

Такое объединение отражает естественную логику английской конструкции: *Can he swim? Does she work? Will they come?* – все эти предложения структурно идентичны, несмотря на различие между вспомогательными и модальными глаголами в традиционной грамматике. С позиции синтаксиса и семантики эти глаголы функционируют как операторы предикативной рамки, модифицирующие основное действие, но не выражающие его. Главным основанием для объединения данных единиц выступает их идентичное синтаксическое поведение в структуре предложения. Вспомогательные и модальные глаголы занимают одну и ту же позицию в предикативной конструкции и подчиняются сходным правилам функционирования. В связи с этим их жесткое разграничение в рамках традиционной классификации представляется методически неоправданным, поскольку усложняет формулирование прозрачных и понятных правил для обучающихся. В дидактическом отношении для учащегося существенно не столько различие между вспомогательными и модальными глаголами как отдельными частями речи, сколько понимание принципов их употребления и роли в построении предложения.

Еще одной важной особенностью вспомогательного глагола в рамках предлагаемой модели является то, что он берет на себя все грамматические маркеры, обычно ассоциируемые с основным глаголом. Это касается не только выражения времени и модальности, но также позиции в предложении (вопрос, инверсия); отрицания (через *not*); флексии третьего лица единственного числа (окончание *-s*).

Так, в конструкции *He works every day* глагол *works* содержит флексию *-s*, но в аналогичной структуре с вспомогательным глаголом *can*, как в *He can work every day*, флексия исчезает – она не находится в основном глаголе, но и не реализуется на вспомогательном, так как формы *cans* не существует. А в случае с *do* такая форма есть – и мы получаем *She does work*, где окончание *-s* уже реализовано во вспомогательном элементе.

Это подтверждает, что вспомогательный глагол выполняет не просто формальную функцию, а активно структурирует предикат, становясь носителем всех формально-грамматических признаков, тогда как основной глагол остается лексически нагруженным и семантически независимым.

Также предлагается объединить традиционные категории смыслового глагола (*lexical verb*) и глагола-связки (*copula*) в единую категорию – «основной глагол». В обоих случаях глагол является центром смысловой структуры высказывания; предикативно связан с подлежащим; вносит в предложение лексическое значение или ключевую грамматическую опору (например, категорию состояния, бытия, принадлежности). Как и в первом случае, обладает схожим синтаксическим поведением.

Так, в предложениях *She walks to school* (*walks* – смысловой глагол); *She is happy* (*is* – глагол-связка) оба глагола, несмотря на различие в лексической насыщенности, выполняют функцию предиката, вокруг которого строится высказывание. В первом случае глагол выражает действие, во втором – состояние, но в обоих случаях он является главной смысловой осью предложения.

Разделение глаголов на «смысловые» и «связки» в дидактическом аспекте представляется избыточным и затрудняет усвоение грамматики, особенно с учетом того, что в русском языке категория глагола-связки в школьной программе не формализуется: предложение «*Она счастлива*» воспринимается как полное и грамматически корректное, без необходимости вставки вспомогательной связки. Напротив, в английском языке для выражения того же состояния требуется структурное включение глагола *to be*, что и порождает путаницу у учеников.

В основе предлагаемой грамматической системы лежит принцип терминологической унификации и логической прозрачности. Грамматическая единица классифицируется не по традиции или теоретической принадлежности, а по функции, которую она выполняет в синтаксической конструкции, и по семантической нагрузке, которую она несет [Halliday, 2014]. Одной из ключевых задач является замена терминов, не отражающих функциональную суть явлений [Jespersen, 1924], на более понятные и интуитивные обозначения, опирающиеся на русскоязычную грамматическую традицию. Это позволяет снизить когнитивную нагрузку при обучении [Зимняя, 1991] и обеспечить межъязыковую сопоставимость понятий [Гак, 1989].

Так, вместо терминов «модальный глагол», «вспомогательный глагол», «глагол-связка» вводится упрощенная бинарная система: вспомогательный глагол занимает вторую позицию перед основным глаголом, не вносит лексического значения, а лишь обслуживает грамматические функции (образует вопрос, отрицание, время, модальность); основной глагол централизует предикативную структуру высказывания, лексически или категориально нагружен (действие, состояние, бытие) и занимает вторую позицию, если является единственным глаголом-предикатом.

Подобное деление логически объясняет, почему в предложении может быть несколько глаголов: один – вспомогательный (структурный), другой – основной. Такая трактовка позволяет ученикам интуитивно различать роли глаголов в предложении.

Объединение традиционных глагольных категорий в предлагаемой модели основано прежде всего на их различном синтаксическом функционировании и позиционной роли в предложении, тогда как семантическое различие между ними сохраняется. Следовательно, сокращение числа категорий с четырех до двух не означает семантического отождествления, а отражает функционально-синтаксическую унификацию, удобную для дидактического описания.

Важно отметить, что в русской грамматике, несмотря на наличие связок и вспомогательных конструкций (например, «*быть*» в будущем времени), учащиеся редко сталкиваются с их системным изучением. Следовательно, нет необходимости сохранять терминологическую избыточность и в английской грамматике.

Одним из основных преимуществ предлагаемой модели является то, что она позволяет сформулировать универсальные синтаксические правила, которые применимы на всех временных уровнях и во всех типах предложений. Такие правила логически следуют из функционального разграничения глаголов на вспомогательные и основные.

2.1.1. Образование отрицания и наречия

Образование отрицания

1. Если в предложении используется только основной глагол, отрицательная частица *not* ставится после него:

She is not tired. Она не устала

They have not arrived. Они не приехали

The cat was not here. Кот не был там

2. Если в предложении присутствует вспомогательный глагол, частица *not* ставится после него:

She does not work. Она не работает

He will not go. Он не пойдёт

You can not swim. Вы не умеете плавать

Таким образом, правило построения отрицания можно свести к следующему:

Отрицательная частица not всегда ставится после ближайшего глагольного элемента.

В ряде случаев функцию отрицания может выполнять наречие, которое занимает то же место в структуре предложения, что и *not*.

Рассмотрим пример: *I have never been to London.* В этом случае глагол *have* выступает как основной глагол, а форма *been* – как страдательное причастие. Отрицание – *not* или *never* – занимает позицию сразу после основного глагола, что подтверждает структурную устойчивость правила: отрицательный элемент всегда следует за главным глагольным компонентом в предложении.

Лингвисты называют такие слова негативными наречиями (*negative adverbs*) [Swan, 2016], поэтому они иногда могут занимать то же место, что и *not*.

При этом *never* – это наречие с отрицательной семантикой, а не грамматическая частица. Оно может варьировать по позиции и не всегда может быть взаимозаменяемо с *not*, однако в ряде типичных конструкций оно функционально замещает *not* и занимает ту же позицию, как, например, в *She has never tried sushi. They are never on time.*

Таким образом, отрицательные наречия частотности (*never, rarely, hardly*) могут встраиваться в предикатную структуру и занимать позицию, идентичную *not*, что подтверждает устойчивость синтаксической логики предлагаемой модели, однако в случае с наречиями это работает не всегда так.

Английский язык, являясь аналитическим, опирается на фиксированный порядок слов, прежде всего в структуре простого предложения. Согласно базовой схеме SVO (подлежащее – сказуемое – дополнение), вторую позицию в предложении стабильно занимает глагол, реализующий предикатную функцию. Это свойство лежит в основе предлагаемой модели бинарной классификации глаголов – вспомогательных и основных – и позволяет выстраивать единые универсальные правила для образования вопроса и отрицания. Однако даже при высокой степени предсказуемости синтаксической структуры в современном английском языке наблюдаются определенные тенденции к ее варьированию, особенно в области позиционирования наречий.

Одним из характерных примеров служит конструкция: *He never came back.*

Формально здесь на второй позиции оказывается не глагол, а наречие *never*. Согласно строгому пониманию структуры SVO, это может показаться нарушением грамматической логики. Однако, как показывает анализ, подобная конструкция сохраняет внутреннюю структурную логику в рамках предлагаемой модели: в предложении только один глагол – *came*, следовательно, он выполняет основную (предикативную) функцию; вспомогательный глагол отсутствует, так как временная категория (Past Simple) выражена морфологически через форму глагола (вторая форма); отрицание реализовано не через грамматическую частицу *not*, а через семантически отрицательное наречие *never*.

В таком случае структура предложения может быть интерпретирована как утверждение с вложенной лексической отрицательностью, аналогичное по значению более формальной конструкции: *He did not come back ever.*

Таким образом, *never* в данном контексте не подчиняется грамматическому правилу построения отрицания, но и не нарушает его, поскольку не требует появления вспомогательного глагола. Он остается единственным основным глаголом, а отрицание выражается на уровне лексики. Этот тип конструкции, не входя в «ядро» предлагаемой модели, не противоречит ее принципам, а лишь демонстрирует допустимые пределы языковой гибкости.

Другими словами, *never* модифицирует семантически глагол, добавляя значение абсолютного отрицания. Такое поведение не нарушает синтаксической логики: *never* не замещает глагол, не «занимает» его позицию, а логически вплетается в предикат, усиливая или уточняя значение действия. Эта структура воспринимается как естественная носителями языка, поскольку соответствует интуитивному порядку информации: отрицание → действие.

Подобное явление подтверждает важный принцип предлагаемой модели: функционально важен не только грамматический статус элемента, но и его позиционное и семантическое взаимодействие с основным глаголом. Наречия отрицательности (*never, hardly, rarely*) могут предварять глагол без разрушения структуры, поскольку сохраняется неизменным предикативный центр высказывания.

Подобная ситуация наблюдается и в случае наречий, встраивающихся внутрь инфинитивной группы, как, например: *This software allows my team to quickly solve problems*. В этой конструкции наречие *quickly* разрывает инфинитивную связку (*to solve*), что ранее считалось стилистически и грамматически нежелательным. В классической нормативной грамматике учебники рекомендуют следующую структуру: *This software allows my team to solve problems quickly* [Зубко, Мирибян, 2025].

Однако современная англоязычная грамматическая традиция допускает вставку наречия между *to* и инфинитивом, если она оправдана ритмом высказывания, актуализацией действия или прагматической функцией. Как указывается в исследовательской публикации [Зубко, Мирибян, 2025], правило о неделимости инфинитива носит исторический характер: оно возникло в XVII веке под влиянием латинской грамматики, где инфинитив оформлялся неделимой формой (например, *legere, scribere*), а значит, не мог быть «разорван» наречием. Перенос этого правила в английскую традицию был скорее отражением нормативного пуризма, чем следствием внутренних закономерностей самого языка.

Сегодня же английский язык демонстрирует явную тенденцию к функциональному приоритету: если наречие усиливает смысл глагола и не мешает пониманию, оно может быть помещено внутрь инфинитивной конструкции. Таким образом, предложение *to quickly solve problems* считается грамматически допустимым и даже стилистически предпочтительным в определенных контекстах, особенно в научно-деловом и техническом регистре [Зубко, Мирибян, 2025].

При этом важно подчеркнуть: приведенные выше конструкции – такие как *He never came back* или *to quickly solve problems* – являются нормативными для современного английского языка и не нарушают его синтаксической системы. Тем не менее с методической точки зрения подобные случаи целесообразно вводить после усвоения базовых принципов – в частности, бинарной классификации глаголов и фиксированного порядка слов. Это обусловлено не их маргинальностью, а необходимостью предварительного формирования устойчивой грамматической базы. Таким образом, они представляют собой расширение системы, а не ее исключение или нарушение.

Следовательно, модель, основанная на различении вспомогательного и основного глагола, сохраняет свою актуальность и объяснительную силу. Более того, наличие предсказуемой синтаксической базы позволяет проще интерпретировать и потенциальные отклонения, такие как передвижение наречия или разделение инфинитива. Таким образом, грамматика английского языка остается структурно упорядоченной, а отклонения от базового порядка представляют собой допустимую стилистическую вариативность, а не нарушение логики.

2.1.2. Образование вопроса

Образование вопроса

Если в предложении используется только основной глагол, он выносится на первое место:

She is happy → *Is she happy?*

They have arrived → *Have they arrived?*

Если в предложении есть вспомогательный глагол, именно он выносится на первое место:

She does work → *Does she work?*

You will come → *Will you come?*

He can swim → *Can he swim?*

Таким образом, вопросительная структура выстраивается по следующей логике:

Если есть вспомогательный глагол – он идет первым; если нет – на первое место выходит основной.

Всего два простых правила – одно для построения отрицания и одно для образования вопроса – оказываются достаточными для описания всех времен и типов высказываний в английском языке. Эта компактность становится возможной благодаря введенной бинарной классификации глаголов, которая устраняет необходимость различать десятки частных конструкций, опираясь лишь на роль глагола: основной или вспомогательный.

Важно отметить, что логика образования отрицания и вопроса основана на одном и том же принципе: определении ключевого глагольного элемента предиката и его позиции. Если он один – с ним взаимодействует частица или инверсия. Если их два – взаимодействие происходит с первым (вспомогательным) элементом. Это делает грамматическую структуру симметричной и предсказуемой, а не фрагментированной, как в традиционных объяснениях.

Такое обобщение позволяет рассматривать все 12 временных форм английского языка в рамках единой логической схемы. Времена больше не существуют как изолированные «вселенные» с собственными исключениями и правилами: они подчиняются одной общей системе, где структура высказывания регулируется типом глагола и его функцией в предложении.

2.1.3. Инфинитив и изменения статуса многих конструкций

Одним из преимуществ предлагаемой модели является возможность логически объяснить ранее непрозрачные конструкции, в частности, структуры с инфинитивом. В традиционном подходе учащиеся испытывают трудности с определением: использовать ли инфинитив с частицей *to* или без нее. Предлагаемая система позволяет сформулировать простое и универсальное правило:

Если глагол занимает позицию основного глагола в предикате (то есть после вспомогательного глагола), он употребляется без частицы *to*:

She can go.

They should stay.

Если глагол стоит в позиции дополнения (или является частью объекта), он употребляется с *to*:

I want to leave.

She hopes to study abroad.

Такая логика особенно ясно проявляется в конструкциях с *have to*, где: *have* – основной глагол, выражающий необходимость; *to* + инфинитив – часть смыслового дополнения; вспомогательным становится *do*, так как *have* – основной:

She has to work.

She does not have to work.

Do you have to go?

Предлагаемое правило охватывает большинство случаев употребления инфинитива в позиции объекта при глаголах желания, намерения и необходимости (*want, hope, have, need*). Конструкции с глаголами восприятия и причинно-следственной связи (*see, make, let*) подчиняются иной логике и требуют отдельного рассмотрения.

2.2. Причастия

В традиционной английской грамматике формы *Participle I* (V4) и *Participle II* (V3) трактуются как неличные формы глагола, или его «особые» формы, выполняющие функции прилагательного, обстоятельства или части сказуемого [Блох, 2000]. Однако подобная трактовка, при всей ее формальной корректности, порождает ряд терминологических и дидактических затруднений, особенно для русскоязычных учащихся. В рамках предлагаемой модели рассматривается возможность переосмысления этих форм как отдельных частей речи – соответственно, *Действительного причастия* (V4) и *Страдательного причастия* (V3), по аналогии с русской терминологией. Это решение диктуется как дидактическими, так и когнитивными соображениями.

Во-первых, несмотря на то что в академической традиции *Participle I* и *Participle II* называются причастиями, в реальной методике обучения они зачастую рассматриваются как формы глагола, подчиненные тем же правилам, что и основные формы (V1, V2). Так, учащиеся нередко сталкиваются с ситуацией, когда одна и та же форма трактуется как герундий, причастие или часть сказуемого – в зависимости от позиции и контекста. Например:

She is reading. – здесь *reading* – часть глагольной формы Present Continuous.

Reading is important. – здесь *reading* – подлежащее, интерпретируемое как герундий.

The reading girl smiled. – здесь *reading* – причастие, выполняющее роль определения.

Такая множественность функций при одинаковой форме приводит к когнитивной перегрузке и мешает формированию устойчивых грамматических ассоциаций. В русской же грамматике аналогичные конструкции трактуются отдельно: причастие, деепричастие, существительное. Именно такой подход – разведение формально совпадающих, но функционально различных явлений – лежит в основе предлагаемой системы.

Во-вторых, в рамках бинарной системы глаголов, где ясно разграничены вспомогательный и основной глагол, формы V3 и V4 не могут занимать ту же позицию, что и V1, и V2. Они не могут быть единственным предикатом (без оператора); не принимают флексий (*-s, -ed, -ing*) самостоятельно; выполняют атрибутивную, обстоятельственную или номинализированную функцию, но не глагольную.

Из этого логически вытекает, что V3 и V4 не являются глаголами, а только формально производны от них. Следовательно, они могут и должны трактоваться как самостоятельные части речи, обладающие своей семантикой и функцией.

Так, форма V3 (например, *done, gone, taken*) может быть названа Страдательным причастием, так как передает результат действия над субъектом; в пассивных конструкциях всегда стоит после оператора *be*:

The book was written.

She has been seen.

Аналогично форма V4 (*doing, going, reading*) – Действительное причастие, так как обозначает процесс, выполняемый субъектом; часто используется в позициях определения или обстоятельства:

The crying baby.

Walking down the street, he saw her.

В предлагаемой системе все, что модифицирует существительное и выражает действие, называется Действительным причастием. А все, что выражает результат или состояние, испытанное субъектом, – Страдательным причастием.

Такой подход приближает англоязычную терминологию к русскоязычной модели, создавая когнитивные якоря – устойчивые соответствия между системами.

2.2.1. Конструктор, а не формулы

Одним из ключевых преимуществ предлагаемой модели является возможность логически и последовательно конструировать любые грамматические времена и формы английского языка без необходимости запоминания формул или таблиц времен. Это достигается за счет жесткой бинарной структуры глаголов (вспомогательный и основной) и выделения причастий как самостоятельных частей речи – Страдательного и Действительного.

В результате формируется система, в которой каждая временная и залоговая конструкция объясняется через набор семантических признаков, отражающихся в форме:

Страдательный залог → указывает на необходимость страдательного причастия (V3) (*The wall was painted – painted* = страдательное причастие);

Продолжительность (Continuous) → требует действительного причастия (*She is working – working* = действительное причастие);

Страдательная перфектность (Perfect) → также требует формы Have/Has + страдательное причастие и еще одно страдательное причастие, так как это страдательный залог (*He has been tired*).

Таким образом, сложные конструкции объясняются не как исключения, а как механически складываемые элементы [Goldberg, 2006].

Например, предложение *The wall is being painted* можно проанализировать так: *is* – основной глагол, указывает на настоящее время; *being* – действительное причастие от *be*, указывает на длительность (Continuous); *painted* – страдательное причастие от *paint*, указывает на пассив (Passive).

В результате мы имеем конструкцию Present Continuous Passive, которую можно буквально собрать по названию:

«Настоящее время» → *is*

«Длительность» → *being*

«Пассив» → *painted* = *is being painted*

Эта же логика распространяется на сложные времена, например:

Present Perfect Continuous

Present → *have/has* (требует настоящее время)

Perfect → требует *have/has* и страдательное причастие *been*

Continuous → требует действительного причастия (*working, living, doing*)

Пример: *She has been working.*

Здесь *has* – основной глагол настоящего времени; *been* – страдательное причастие от *be*, обязательное для Perfect; *working* – действительное причастие, обязательное для Continuous.

Таким образом, грамматическое время и залоговая форма перестают быть непредсказуемыми «формулами», а превращаются в набор логически сочетаемых грамматических признаков, каждый из которых требует своей морфологической реализации.

2.2.2. Герундий

В предлагаемой модели сохраняется герундий как отдельная часть речи, отличная от причастия V4, с четким разграничением по синтаксическим функциям: причастие – это признак, а герундий – объект или субъект действия.

Подобное явление – когда одна и та же форма получает разную интерпретацию в зависимости от позиции в предложении – не уникально для *-ing* форм. Оно наблюдается, например, и в случае с глаголом *will*, который может быть модальным вспомогательным глаголом (*He will come tomorrow*) или существительным (*She has a strong will*).

Аналогично *like* может быть как глаголом (*нравиться*), так и предлогом (*как, подобно*). Поэтому различие между герундием и причастием, несмотря на формальное совпадение, является необходимым и оправданным с точки зрения функциональной семантики.

В предложениях типа *Reading is important* – та же форма *reading* выступает уже в роли подлежащего, т. е. выполняет номинативную функцию и переводится как существительное. В этом случае она должна классифицироваться как герундий – отдельная часть речи, несмотря на полное морфологическое совпадение с причастием.

Подобное разделение соответствует логике русскоязычной грамматики, где форма *читающий* (причастие) и *чтение* (отглагольное существительное) считаются разными частями речи, даже если в английском языке они выражаются формой *-ing*. Таким образом, в предлагаемой модели сохраняется герундий как отдельная часть речи, отличная от причастия V4, с четким разграничением по синтаксическим функциям: причастие – это признак, а герундий – это объект или субъект действия.

2.2.3. Перевод

Следует отдельно подчеркнуть, что в рамках предлагаемой модели перевод с английского языка на русский носит не художественный, а аналитико-обучающий характер. Его задача – не в стилистической точности, а в максимальной ясности грамматических и логических связей между элементами предложения. Например, конструкция *She is reading* может быть переведена как *Она является читающей*, что нехарактерно для естественного русского языка, но точно отражает логику английского синтаксиса: *is* – основной глагол-связка, *reading* – действительное причастие, выражающее состояние субъекта.

Такой подход позволяет ученику увидеть скрытую структуру предложения, разобраться в функции каждого элемента и тем самым перейти от запоминания к осмысленному овладению языком. В этом смысле перевод в учебной системе – это не результат, а средство, направленное на формирование осознанной грамматической интуиции.

Дословный перевод в рамках данной системы играет вспомогательную роль. На раннем этапе он помогает понять структуру предложения:

I have done → *У меня сделано* (*have* – основной глагол, *done* – страдательное причастие).

Однако не все предложения можно перевести дословно:

I have come → *Я имею пришедшее* – звучит неестественно.

В таких случаях учащийся должен опираться на структуру и логику, а не на буквальный перевод. Именно поэтому дословный перевод полезен только на начальном этапе, как, например, с глаголом *to be*. На следующем этапе учащийся осваивает понятийное восприятие структуры.

2.2.4. Особые случаи

Некоторые конструкции могут формально выглядеть как страдательные, но не выражают страдательности. Пример: *She is gone*. Здесь форма *gone* имеет вид V3, но семантически указывает на состояние субъекта, а не на результат внешнего воздействия.

Данный случай не противоречит логике модели, а иллюстрирует ее гибкость. В русской грамматике подобные явления также допускаются: например, слово *пошедший* может быть и причастием, и прилагательным. В японском языке термины вроде «творительный падеж» (для частицы *ㇿ*) также используются не строго, а для создания понятийной опоры – даже если они не покрывают всех функций.

Так и *gone* – это чистое причастие прошедшего времени, не обязательно страдательное. Это подтверждает: предлагаемая модель не отвергает существующую грамматику, а лишь дает более прозрачную и понятную трактовку.

Заключение

В ходе проведенного исследования были получены следующие обобщенные результаты. Предложена и обоснована бинарная система классификации английских глаголов, нивелирующая

избыточное деление на смысловые, вспомогательные, модальные и глаголы-связки. Доказано, что выделение единой категории «вспомогательный глагол» как структурного оператора и «основной глагол» как смыслового центра предиката позволяет свести образование всех типов вопросов и отрицаний к универсальным алгоритмам. Кроме того, аргументирована необходимость перевода форм Participle I и Participle II в статус самостоятельных частей речи (действительное и страдательное причастия), что изоморфно русской грамматической традиции в данном аспекте и устраняет путаницу с герундием и видовременными глагольными формами.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии положений подобного подхода в лингводидактике и когнитивной лингвистике. Предложенная модель вносит существенный вклад в теорию сопоставительного языкознания, демонстрируя конкретные механизмы минимизации межъязыковой интерференции [Gass, Selinker, 2008] за счет адаптации метаязыка грамматического описания.

Практическая значимость работы состоит в том, что разработанная логико-синтаксическая модель (формат «грамматического конструктора») может быть непосредственно внедрена в практику преподавания английского языка. Данный подход позволяет существенно снизить когнитивную нагрузку на учащихся и сократить время на освоение сложных синтаксических конструкций и системы английских времен.

Перспективы дальнейшего изучения проблематики видятся в проведении масштабного педагогического эксперимента для количественной и качественной оценки эффективности предложенной системы по сравнению с традиционными методиками. Кроме того, перспективным направлением является создание на базе данной концептуальной модели полноценных учебно-методических комплексов (УМК) и цифровых интерактивных образовательных ресурсов, ориентированных на русскоязычных учащихся начального и среднего уровней.

В настоящей статье предлагается теоретическое обоснование модели; эмпирическая верификация ее эффективности методом педагогического эксперимента составляет цель последующих публикаций.

Список литературы

- Алимов, В.В., 2005. *Интерференция в переводе*. М.: КомКнига, 232 с.
- Блох, М.Я., 2000. *Теоретическая грамматика английского языка*. М.: Высшая школа, 381 с.
- Гак, В.Г., 1989. *Сравнительная типология французского и русского языков*. М.: Просвещение, 288 с.
- Зимняя, И.А., 1991. *Психология обучения иностранным языкам в школе*. М.: Просвещение, 222 с.
- Зубко, Д.Д., Мирибян, Э.Р., 2025. *Грамматические изменения в английском языке*. URL: <https://modsc.ru/archive/grammaticheskie-izmeneniya-v-angliyskom/> (дата обращения: 18.09.2025).
- Плоткин, В.Я., 1989. *Строй английского языка*. М.: Высшая школа, 239 с.
- Смирницкий, А.И., 1959. *Морфология английского языка*. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 440 с.
- Тер-Минасова, С.Г., 2000. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 624 с.
- Chomsky, N., 1965. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge: MIT Press, 251 p. (на англ. яз.)
- Gass, S.M., Selinker, L., 2008. *Second Language Acquisition: An Introductory Course*. New York: Routledge, 594 p. (на англ. яз.)
- Goldberg, A.E., 2006. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford: Oxford University Press, 280 p. (на англ. яз.)
- Halliday, M.A.K., 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. London: Routledge, 808 p. (на англ. яз.)
- Jespersen, O., 1924. *The Philosophy of Grammar*. London: George Allen & Unwin, 359 p. (на англ. яз.)
- Langacker, R.W., 2008. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 562 p. (на англ. яз.)
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G.N., Svartvik, J., 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman, 1779 p. (на англ. яз.)
- Swan, M., 2016. *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press, 656 p. (на англ. яз.)

References

- Alimov, V.V., 2005, *Interference in translation*. KomKniga, Moscow, 232 p. (In Russ.).
- Blokh, M.Ya., 2000, *Theoretical grammar of the English language*. Vysshaya shkola, Moscow, 381 p. (In Russ.).

- Gak, V.G., 1989, *Comparative typology of French and Russian languages*. Prosveshcheniye, Moscow, 288 p. (In Russ.).
- Zimnyaya, I.A., 1991, *Psychology of teaching foreign languages at school*. Prosveshcheniye, Moscow, 222 p. (In Russ.).
- Zubko, D.D., Miribyan, E.R., 2025, *Grammatical changes in the English language*. URL: <https://modsc.ru/archive/grammaticheskie-izmeneniya-v-angliyskom/> (accessed: 18.09.2025). (In Russ.).
- Plotkin, V.Ya., 1989, *The structure of the English language*. Vysshaya shkola, Moscow, 239 p. (In Russ.).
- Smirnit'skiy, A.I., 1959, *Morphology of the English language*. Izdatel'stvo Literatury na Inostrannykh Yazykakh, Moscow, 440 p. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S.G., 2000, *Language and intercultural communication*. Slovo, Moscow, 624 p. (In Russ.).
- Chomsky, N., 1965, *Aspects of the Theory of Syntax*. MIT Press, Cambridge, 251 p. (In Eng.).
- Gass, S.M., Selinker, L., 2008, *Second Language Acquisition: An Introductory Course*. Routledge, New York, 594 p. (In Eng.).
- Goldberg, A.E., 2006, *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford University Press, Oxford, 280 p. (In Eng.).
- Halliday, M.A.K., 2014, *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. Routledge, London, 808 p. (In Eng.).
- Jespersen, O., 1924, *The Philosophy of Grammar*. George Allen & Unwin, London, 359 p. (In Eng.).
- Langacker, R.W., 2008, *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford University Press, Oxford, 562 p. (In Eng.).
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G.N., Svartvik, J., 1985, *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Longman, London, 1779 p. (In Eng.).
- Swan, M., 2016, *Practical English Usage*. Oxford University Press, Oxford, 656 p. (In Eng.).

Заявление о раскрытии информации

Для подготовки данной рукописи инструменты искусственного интеллекта не использовались.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declares no conflict of interests.

Информация об авторах

Алимбек Маратович Гирфанов, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация; e-mail: marikgirfanov@yandex.ru

Айгуль Салаватовна Сулейманова, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация; e-mail: a.s.tutor@mail.ru

Information about the authors

Alimbek M. Girfanov, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; e-mail: marikgirfanov@yandex.ru

Aigul S. Suleimanova, Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation; e-mail: a.s.tutor@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 05.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 02.06.2026

Принята к публикации / Accepted 05.06.2026

**Между присутствием и отсутствием:
интерплейслицитная природа образа Вергилия
в игровой вселенной «Devil May Cry»**

Кирилл Владимирович Каменский

Курский государственный университет,

Курск, Российская Федерация

E-mail: deconstruction@internet.ru

Аннотация. В статье на материале игровой серии «Devil May Cry» (2001, 2005, 2015, 2019) с привлечением манги и новеллы по данной серии анализируется образ Вергилия. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью филологических методов анализа персонажей видеоигр как сложных нарративных систем, а также необходимостью апробации нового интерплейслицитного подхода («междуместного» анализа). В отличие от традиционного интертекстуального анализа, интерплейслицитный подход целенаправленно фокусируется на лакунах, умолчаниях, разрывах и граничных зонах между явным и скрытым, рассматривая их как основные смыслонесущие механизмы. Образ Вергилия рассматривается не как линейно развертывающаяся биография, а как репрезентативная модель «междуместного» персонажа, идентичность которого конструируется через смысловые лакуны, трансформации и интертекстуальные связи. Уникальность исследования заключается в комплексном применении структурно-семиотического, герменевтического и нарратологического методов в сочетании с интерплейслицитным анализом, что позволяет выявить неявные механизмы смыслопорождения в видеоигровом нарративе. Научный вклад автора состоит в реконструкции хронологии Вергилия как последовательности кризисов идентичности (травма детства, цикл поражений, раскол личности), в систематизации типов «междуместий» (лакуны, трансформации, феномен «присутствия-в-отсутствии») применительно к исследуемому материалу, а также в установлении аллюзивных связей образа с поэзией Уильяма Блейка и «Божественной комедией» Данте Алигьери. В результате проведенного исследования показано, что многочисленные нарративные пропуски (ненаблюдаемые сражения, неописанные периоды) функционируют в качестве активных «не-мест», провоцирующих интерпретационную активность. Основной вывод статьи состоит в том, что семантическая сложность Вергилия обусловлена его принципиальной незавершенностью и неустойчивостью: он существует не столько в событиях, сколько между ними, а многочисленные нарративные пропуски в его истории функционируют как продуктивные зоны смыслопорождения. Научная значимость работы заключается в демонстрации эвристического потенциала междуместного подхода применительно к видеоигровым персонажам, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области филологии цифровых нарративов.

Ключевые слова: интерплейслицитность, видеоигровой нарратив, «Devil May Cry», Вергилий, Уильям Блейк, Данте Алигьери, лакуны, трансформация идентичности, междуместия, аллюзия

Для цитирования: Каменский, К.В., 2026. Между присутствием и отсутствием: интерплейслицитная природа образа Вергилия в игровой вселенной «Devil May Cry», *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 157–170. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.14>

Between presence and absence: interplaceslicial nature of Vergil's character in the "Devil May Cry" game universe

Kirill V. Kamensky

Kursk State University,

Kursk, Russian Federation

E-mail: deconstruction@internet.ru

Abstract. In an article on the material of the game series "Devil May Cry" (2001, 2005, 2015, 2019) the image of Virgil is analyzed using manga and short stories based on this series. The relevance of the research is due to the lack of development of philological methods for analyzing video game characters as complex narrative systems, as well as the need to test a new interplaceslicial approach. In contrast to traditional intertextual analysis, the interplaceslicial approach purposefully focuses on gaps, omissions and boundary zones between the explicit and the hidden, considering them as the main semantic mechanisms. The image of Virgil is considered not as a linearly unfolding biography, but as a representative model of an "interpersonal" character, whose identity is constructed through semantic gaps, transformations and intertextual connections. The uniqueness of the research lies in the complex application of structural-semiotic, hermeneutical and narratological methods in combination with an interplaceslicial analysis, which makes it possible to identify the implicit mechanisms of meaning generation in the video game narrative. The author's scientific contribution consists in reconstructing Virgil's chronology as a sequence of identity crises (childhood trauma, cycle of defeats, split personality), in systematizing the types of "interpersonal spaces" (gaps, transformations, the phenomenon of "presence-in-absence") in relation to the studied material, as well as in establishing allusive links of the image with the poetry of William Blake and *The Divine Comedy* by Dante Alighieri. As a result of the conducted research, it is shown that numerous narrative omissions (unobserved battles, undescribed periods) function as active "non-places" provoking interpretative activity. The main conclusion of the article is that the semantic complexity of Virgil is due to its fundamental incompleteness and instability: it exists not so much in events as between them, and numerous narrative gaps in its history function as productive zones of semantic generation. The scientific significance of the work lies in demonstrating the heuristic potential of an interplaceslicial approach in relation to video game characters, which opens up prospects for further research in the field of the philology of digital narratives.

Keywords: interplaceslicity, video game narrative, Devil May Cry, Vergil, William Blake, Dante Alighieri, lacunae, identity transformation, interplaces, allusion

For citation: Kamensky, K.V., 2026, Between presence and absence: the interplaceslicity nature of Vergil's character in the "Devil May Cry" game universe, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.14>

Введение

В современных медиаисследованиях видеоигры признаются сложными нарративными системами [Терехов, 2025; Ключев, 2022; Самойлова, Шаев, 2016; Jenkins, 2004], к исследованию которых в силу их объективных особенностей (ризоматичности, полидискурсивности, интермедальности, эклектизма, иммерсивного характера [Курносков, 2025; Галанина, Шаев, 2020]) необходим особый подход. В (пост)постмодернистской парадигме правомерно рассматривать видеоигры как особые виртуальные/игровые нарративы [Самойлова, Шаев, 2016; Jenkins, 2004], то есть художественные медиатексты, которые могут быть объектами культурологических, философских, психологических и филологических исследований.

Одним из влиятельных и перспективных для гуманитарного изучения видеоигровых объектов, на наш взгляд, является серия «Devil May Cry», стоящая у истоков слэшера, представляющего собой «жанр видеоигр, основу геймплея которых составляют сражения с использованием оружия ближнего боя. Характерной особенностью является применение пользователями комбинаций, или "комбо". Они представлены связками, сочетающими в себе легкие и сильные атаки по врагам» [Колесникова, 2024]. На современном этапе имеется сравнительно небольшое количество исследований указанного объекта, охватывающее такие узкие аспекты игровой серии и ее восприятия, как концепт «загробный мир» [Беляев, Лукашина, Тезина, 2022: 116], теократия в

«Devil May Cry 4» [Самтенко, 2020], перевод игры и проблема его политкорректности [Киреева, 2020; Киреева, 2021; Киреева, 2022], интертекстуальные связи «Devil May Cry 5» с творчеством У. Блейка [Штейнбрехер, Савельев, 2022], психология неуверенности Неро [Thong, Widianingtyas, 2023]. Рассмотрение видеоигрового сюжета и мира, отдельных механик, персонажей при этом в отечественном научном поле на данный момент отсутствует. Данное исследование призвано отчасти восполнить этот пробел посредством обращения к литературоведческому рассмотрению образа Вергилия, одного из центральных героев серии «Devil May Cry».

Несмотря на растущее число работ по виртуальному нарративу, филологический анализ видеоигрового персонажа как сложной смысловой структуры, конструируемой не только через прямые высказывания и действия, но и через лакуны, сюжетные пропуски и неявные связи, остается недостаточно разработанным. Выбор серии «Devil May Cry» в качестве объекта анализа не случаен. Жанр слэшера, к которому принадлежат игры серии, характеризуется повторяющимися схватками и высокой степенью нарративной дискретности: история зачастую разворачивается не линейно, а подаётся фрагментарно, через заставки, внутриигровые диалоги и геймплейные маркеры. Это может создавать множество смысловых разрывов и пустот между игровыми уровнями и не представленными в сюжете периодами жизни персонажей. Именно поэтому образ Вергилия, чья биография в серии состоит из ряда исчезновений и трансформаций, оказывается идеальным объектом для междуместного анализа, нацеленного на реконструкцию смыслов в зонах неопределенности.

Важно подчеркнуть, что интерплейслицитный (междуместный) подход, разрабатываемый К.А. Хабировым и С.В. Рудаковой [Хабиров, Рудакова, 2025] на материале постмодернистской прозы, переносится на видеоигровую нарратив впервые. В отличие от литературных произведений, где лакуны порождаются исключительно авторским замыслом и текстовой структурой, в видеоиграх смысловые пустоты дополнительно создаются игровыми механиками: повторяемостью схваток, нелинейным прохождением, возможностью «быстрых концовок», а также выбором игрока (напр., прохождение за разных персонажей или на разной сложности). Эти особенности обогащают традиционную читательскую интерпретацию посредством интерактивного участия в раскрытии сложного повествовательного целого.

Исходя из описанного, новизна работы обусловлена, во-первых, отсутствием в современной отечественной науке развернутых филологических исследований образа Вергилия¹ в серии «Devil May Cry»; во-вторых, апробацией интерплейслицитного анализа на видеоигровом материале – метода, направленного на выявление имплицитных смыслов в зонах лакун, умолчаний и «не-мест». В отличие от интертекстуального анализа, который фокусируется на явных отсылках к другим текстам, и от нарратологического анализа, изучающего структуру повествования и временную организацию, интерплейслицитный подход целенаправленно исследует промежуточные зоны (пропуски, трансформации, границы между данным и отсутствующим), рассматривая их как самостоятельные смыслопорождающие механизмы.

Концепция интерплейслицитности (от англ. «inter» – ‘между’, ‘посреди’ и «place» – ‘место’) выступает современным аналитическим инструментом, возникшим на пересечении постмодернистской и метамодернистской практики толкования текста (в широком смысле, т. е. в том числе видеоигрового). Методология интерплейслицитного (междуместного) анализа разрабатывается К.А. Хабировым совместно с С.В. Рудаковой и используется при исследовании произведений литературы второй половины XX – начала XXI в.: в частности, романов «Люди в голом» А.А. Аствацатурова, «Между собакой и волком» С. Соколова, «Радуга земного тяготения» Т. Пинчона, «Бесконечная шутка» Д.Ф. Уоллеса, «Дом листьев» М.З. Данилевского [Khabirov, 2025: 55–61; Хабиров, Рудакова, 2025: 2179–2187]. Данный тип анализа применяется с целью «максимально полного выявления авторских смыслов» и представляет собой «метод филологического исследования, направленный на выявление, реконструкцию и интерпретацию имплицитных, скрытых межтекстовых взаимодействий в художественном произведении, в том числе в сфере мифопоэтики, мотивных, культурных и иных коннотациях» [Хабиров, Рудакова, 2025: 2178]. Главная методологическая инновация подхода заключается в переносе научного фокуса на те элементы, которые традиционно оставались на периферии филологической науки: лакуны, намеки, умолчания, размытые контуры, сознательные недосказанности, литературные «тени», разрывы, зоны неопределенности и др. С опорой на концепцию «не-мест»² М. Оже интерплейслицитный анализ «позволяет рассматривать художественный текст как пространство

¹ Стоит оговориться, что образ Вергилия частично рассматривается в исследовании [Цицер, 2025]. В нем, однако, основной темой является содержание музыкальной темы персонажа («Casey Edwards feat. Victor Borba – Bury the Light»), в то время как сам Вергилий представлен достаточно поверхностно.

² «Не-места» представляют собой пространства «без устойчивой идентичности и исторических привязок, где знаковые системы постоянно трансформируются» [Хабиров, Рудакова, 2025: 2179].

взаимодействия фиксированных элементов и пространств недосказанности» [Хабилов, Рудакова, 2025: 2180]. Центральным объектом такого анализа становятся «междуместия» – смысловые фрагменты произведения, в которых стирается четкое разграничение между определенным и неизвестным, явным и сокрытым, произнесенным и невысказанным и т. д. Подобные участки отнюдь не являются смысловым вакуумом – они работают как концентрированные носители скрытых значений, требующих дешифровки: «...Промежуточные зоны могут быть как физическими пустотами текстового носителя (пробелы, интервалы, поля), так и концептуальными областями, воспринимаемыми читателем как семиотически не насыщенные, но способные порождать новые смыслы» [Хабилов, Рудакова, 2025: 2178].

Целью данной работы является демонстрация того, что взаимодействие «мест» и «не-мест» в истории Вергилия, а также его аллюзивные связи составляют основу семантической сложности образа, превращая его в продуктивную зону интерпретации. Исследование характеризуется комплексным подходом, сочетающим несколько литературоведческих методов. Элементы интерплейслицитного анализа позволяют выявить и интерпретировать «междуместия» – смысловые зоны на границе данного и отсутствующего. Структурно-семиотический метод используется для анализа бинарных оппозиций (человек/демон, разум/воображение и др.) и инвариантных схем трансформации персонажа. Герменевтический подход направлен на понимание лакун и умолчаний как осмысленных «не-мест», провоцирующих интерпретационную активность, а также на интерпретацию отдельных граней образа персонажа и фактов его истории. Нарратологический анализ применяется для изучения временных скачков, «пустот» и роли игровых механик как повествовательных коллапсов, (пере)определяющих онтологию игрового мира.

Апробация описанного подхода на материале видеоигр жанра «слэшер» (в частности, серии «Devil May Cry») методологически обоснована. В отличие от линейного литературного текста, игровой нарратив обладает интерактивной природой: лакуны здесь часто носят не только текстуальный, но и лудонарративный характер (пропущенные кат-сцены, необъяснимые переходы между уровнями, «закадровые» события и др.). Серия «Devil May Cry», будучи эталоном жанра, активно использует мифологизированный сюжет, где смыслы рождаются не столько в эксплицитных диалогах, сколько в игровых умолчаниях, трансмедийных отсылках и пространстве интерпретации игрока, определяющих специфику произведения виртуального нарратива [Галанина, Ветушинский, 2019; Jenkins, 2004]. Переход от постмодернистской литературы к видеоиграм сохраняет фокус на соотношении «мест» и «не-мест», но дополняет его измерением иммерсивности: игрок сам становится соавтором заполнения «междуместий» через выбор маршрута, стиль прохождения или обращение к лору за пределами основной игры. Стоит отметить, что фокус исследовательского внимания в данной статье будет направлен не на жанровые особенности слэшера на примере серии «Devil May Cry», а на образ конкретного героя (Вергилия), существующего в границах данной франшизы. Этот выбор позволяет максимально детально проследить, как именно «междуместия» работают на уровне индивидуального персонажа, и тем самым предложить модель анализа, применимую к другим героям интерактивных нарративов.

Материалом исследования служат практически все игры классической серии «Devil May Cry» [DMC 1, 2001; DMC 3, 2005; DMC 4, 2015; DMC 5, 2019] (кроме второй части и перезапуска «DmC: Devil May Cry»), но основной упор делается на работу с «Devil May Cry 5» [DMC 5, 2019]. Кроме того, упоминаются такие дополнительные источники, как манга и новелла по игровой серии.

Основная часть

Вергилий в том или ином виде присутствует почти в каждой части «Devil May Cry», за исключением второй: в «Devil May Cry» (2001) в виде Нело Анджело (Темного Ангела), в «Devil May Cry 3: Dante's Awakening» (2005) и «Devil May Cry 4: Special Edition» (2015) в виде стандартного брата-близнеца Данте, в «Devil May Cry 5» (2019) сразу в трех ипостасях: таинственного любителя поэзии V (Ви), могущественного демона Уризена и их синтеза, представленного непосредственно Вергилием. Кроме того, персонаж появляется в манге по первой, третьей и пятой частям «Devil May Cry», а его двойник Гилвер – также в новелле «Devil May Cry. Vol. 1» Г. Синьи. В соответствии с хронологией серии краткую фабулу персонажа можно представить следующим образом (см. табл.).

Хронологию присутствия Вергилия в серии можно свести к нескольким ключевым точкам, каждая из которых маркирована нарративным пропуском: появление персонажа в Фортуне ограничено двумя кат-сценами, представляющими в качестве «не-места» весь период его пребывания в городе; падение в бездну после финала «Devil May Cry 3: Dante's Awakening» и факт последующей битвы с Мундусом показаны лишь в секретной сцене, а сам процесс обращения в Нело Анджело и период между первой и пятой частями остаются «незаполненными». В «Devil May Cry 5» этот прием достигает апогея: Вергилий в своей истинной форме появляется только в

прологе и эпилоге, а основное игровое время его «присутствия» делегировано двум производным сущностям – V и Уризену.

Таблица. Лакуны в биографии Вергилия

Table. Gaps in Virgil's biography

<i>Временные границы</i>	<i>Содержание событий</i>	<i>Повествовательные лакуны</i>
Детство (отдельные сцены «Devil May Cry 5» и манги по этой части)	На семью совсем юных Данте и Вергилия нападают демоны. Ева, их мать, успевает спрятать первого близнеца в шкаф и, отправляясь на поиски второго, погибает. Вергилий, понимая, что никто не придет на помощь, вынужден сражаться с армией демонов в одиночку, чувствуя себя брошенным и одиноким.	Данное событие представлено фрагментарно. Не освящен существенный отрезок жизни героя после (его взросление и становление).
«Devil May Cry 4: Special Edition»	Вергилий посещает Фортуна с целью разыскать Орден Меча предположительно в надежде на то, что сможет узнать какую-либо информацию о своем отце – Спарде. В ходе посещения города Вергилий вступает в любовную связь с некоей женщиной, от которой впоследствии рождается Неро.	Неизвестны подробности пребывания Вергилия в Фортуна. Не раскрывается то, кем была мать Неро и что с ней произошло далее.
«Devil May Cry 3: Dante's Awakening»	В библиотеке некоего города Вергилий знакомится с Аркхэмом, сотрудничает с ним, чтобы провести обряд, в результате которого сможет получить силу Спарды. В рамках игры персонаж трижды сражается с Данте. Проиграв в последней схватке, отказывается вернуться в мир людей и вступает в бой с королём демонов Мундусом.	Сама битва с Мундусом не показана. В секретной сцене после титров обозначен лишь факт боя.
«Devil May Cry»	Вергилий был обращён Мундусом в Нело Анджело. В этой форме герой трижды сталкивается в поединке с Данте. Потерпев поражение в последнем бою, Нело Анджело растворяется в воздухе, оставляя амулет, благодаря которому Данте понимает, что сражался со своим братом Вергилием.	Не описываются обстоятельства подчинения Вергилия Мундусом, процесс трансформации героя в Нело Анджело, а также его дальнейшая судьба после поражения от Данте.
«Devil May Cry 5» и манга по этой части	Ослабленный Вергилий отрывает демоническую руку Неро, превращает ее в Ямато (меч, подаренный Вергилию отцом) и исчезает. Пронзая себя Ямато, распадается на две части: человека-загадку V и могущественного демона Уризена (главного босса игры). Когда Данте окончательно побеждает Уризена, V соединяет две разделенные сущности Вергилия в одну. После нескольких боев с Данте и Неро Вергилий отправляется совместно с братом-близнецом в ад, чтобы закрыть врата, ведущие в мир людей.	Не объясняются причины предельного ослабления Вергилия. Не раскрываются обстоятельства, предшествующие нахождению Неро. Пребывание Вергилия и Данте в мире демонов изображается только в общих чертах.

Таким образом, биография персонажа выстроена не как линейная цепь событий, а как последовательность смысловых разрывов, провоцирующих интерпретационную активность. С точки зрения интерплейслицитного подхода, историю Вергилия можно представить в качестве череды сменяющих друг друга кризисов идентичности, каждый из которых маркирует переход в новое «не-место» и оставляет за собой семантическую лакуну. Нападение демонов в детстве знаменует первичную «пустоту» (гибель матери, чувство брошенности), формирующую императив силы как компенсацию утраченной безопасности.

Стоит отметить, что поражения от Данте и Мундуса каждый раз разрешаются не смертью, но таинственным исчезновением и/или трансформацией (падением в бездну, испарением, перевоплощением). Эти моменты – ключевые нарративные лакуны: неизвестность судьбы персонажа после боя с Данте, неопределенность существования в период между обращением в Нело Анджело и возвращением в пятой части серии и т. д.

В ходе радикального самоотрицания Вергилий разделяется на чистую демоническую волю (Уризена) и постепенно слабеющую человеческую сущность (V). Данный акт – буквальное воплощение «междуместности» как существования в разрыве, при котором ни одна часть героя не является целостной. Таким образом, история персонажа представляется не набором биографических фактов, а пространством тотальной недосказанности, формирующим продуктивный потенциал смыслопорождения.

Главной целью Вергилия является поиск абсолютной мощи, силы таких масштабов, против которой не смог бы устоять никто. Девизом персонажа служат слова: «I need more power» [DMC 3, 2005], переводящиеся как «Мне нужно больше силы». Зацикленность на данном аспекте развития проистекает из травмы ребенка, который оказался один в окружении орды демонических созданий и был вынужден самостоятельно с ними сражаться. Преодолев смерть, Вергилий понял, что, будучи слабым, не сможет защитить ни себя, ни кого-либо другого. Он старался отринуть все «человеческое, слишком человеческое» по Ф. Ницше, то есть ту часть, которую воспринимал как несовершенную и отдаляющую от достижения истинной силы. В «Devil May Cry 5» указанное стремление реализуется не только на мета-, но и на просто физическом уровне. В духе ницшеанской философии Вергилий осознает несовершенство и слабость человека, видит в нем лишь переходное звено, путь к сверхсуществу (ср. со словами из сочинения «Так говорил Заратустра»: «Человек – это канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [Ницше, 2007: 15]). Разделяя единую сущность надвое, Вергилий, как ему кажется, обретает настоящее могущество в форме Уризена. Сила демона в рамках игры, действительно, впечатляет. Уже в «Прологе» игрок, привыкший к тому, что Данте расправляется со своими противниками шутя, играючи, видит, как легендарного охотника на демонов запросто побеждает некое дьявольское создание. V, Неро и, должно быть, сам игрок некоторое время считают, что Данте вовсе погиб после этого сражения.

В ходе сюжетного действия Уризен постепенно наращивает мощь посредством крови, поглощаемой демоническим деревом Клипот, а ближе к концу игры – с помощью плода данного дерева. Абсолют Уризена настолько показателен, что в «Прологе» и восьмой миссии игры канонично именно поражение. В случае победы над боссом в самом начале игры (или в ходе восьмой миссии) он с сожалением спрашивает самого себя: «Это все... на что я способен?»³ [DMC 5, 2019], а сама игра заканчивается (т. е. игрок получает быструю концовку). Любопытным фактом внутриигровой механики в этом случае является то, что победа над Уризенем в указанных сегментах игры открывает следующий режим сложности (то есть если игрок изначально проходил игру в рамках среднего «Охотника на демонов», то по достижении быстрой концовки ему моментально откроется сложный уровень «Сын Спарды»; если игрок проходил игру на «Сыне Спарды», то ему откроется самый сложный режим «Данте должен умереть»). Данную особенность прохождения можно интерпретировать как перезагрузку самого мира «Devil May Cry 5», после которой игроку предлагается сразиться со все более и более могущественной версией босса. Этот геймплейный прием – возможность «неканоничной» победы – создает онтологическое «междуместие»: игрок одновременно знает, что канон требует поражения, но может эмпирически пережить победу. Таким образом, внутриигровая реальность расщепляется на две версии, а Вергилий (в образе Уризена) предстает как существо, которое можно одолеть, но нельзя окончательно уничтожить в рамках основного сюжета. Такая механика превращает каждое сражение с ним в пограничную зону между поражением и победой, что коррелирует с экзистенциальной «не-локализуемостью» самого персонажа.

Рассматривая «Devil May Cry 5» под углом интерплейслицитного анализа, стоит отметить структурообразующее противопоставление «мест» и «не-мест» в сюжете игры. Сущность Вергилия, как уже отмечалось, здесь воплощается в трех персонажах, из которых в нарративной ткани наиболее активно присутствуют V и Уризен. Вергилий, как цельный герой, появляется лишь в начале и конце видеоигрового произведения, обрамляя пространство своего отсутствия. Хотя Уризен и V являются соответственно демонической и человеческой частями Вергилия, они все же к нему не сводятся, поскольку представляют собой разделенную сумму его особенностей, а не их интеграцию. Тем не менее через серию намеков, умолчаний и разрывов образ Вергилия формируется и в основной части игры. Следовательно, прямо не артикулированный и не представленный облик персонажа пронизывает «Devil May Cry 5» насквозь, создавая уникальный конструкт

³ Здесь и далее цитаты из видеоигр приводятся в соответствии с официальной локализацией.

«присутствия-в-отсутствии» (или «мнимого присутствия»). С целью установления предельных черт личности Вергилия обратимся к рассмотрению Уризена и V, через которых в рамках основного видеоигрового процесса воплощаются определенные характеристики исследуемого персонажа.

Говоря о семантике образа главного босса, следует отметить, что Уризен репрезентирует дьявольский (во всех смыслах) расчет Вергилия на достижение всемогущества. При этом демон становится заложником своей жажды силы, упуская за стремлением к ней и обыденность, и поэзию жизни, и обычные ее радости, и многое другое «слишком человеческое» – все то, что в качестве «балласта» осталось у V.

V представляет собой загадочную личность, способную управлять отрядом из трех демонов и поглощать силу других адских созданий с помощью трости. Поведение утонченного V, его изысканность и романтический флер разительно отличают данного героя и от брутального трикстера Данте, и от юного охотника на демонов Неро. Экцентричность образа V проявляется, например, в том, что, даже находясь в пылу сражения, он не упускает ни одной возможности процитировать стихи английского поэта У. Блейка. Так, «будучи “человеческой” ипостасью Вергилия, V перед тем, как ответить на вопрос Данте о его имени, произносит строки из стихотворения “Infant joy”:

“I have no name I am but two days old. Нет у меня имени, мне всего лишь два дня отроду” <...>. Здесь цитата Блейка вплетена в речь героя как нельзя органично, так как V было действительно только два дня отроду, судя по фабуле игры» [Штейнбрехер, Савельев, 2022: 158]. Если Уризен воплощает замкнутую в себе и своей могущественности самость, полностью полагается на собственную силу, то V осознает свою слабость и сражается не сам, а посредством фамильяров. Ближе к концу игры Уризен, воплощая максимум Вергилия, становится все сильнее и сильнее, в то время как V начинает постепенно слабеть, буквально рассыпаться. Так ярко противопоставляя персонажей, «Сарсом» наводит эрудированного игрока на мысль, что V представляет собой сознательное, аполлоническое, светлое и созидательное начало, в то время как Уризен соотносится с бессознательной, дионисийской, темной и разрушительной стихией.

Разработчики игры неслучайно называют одного из персонажей Уризенем, а в уста другого вкладывают слова английского романтика. Разделение Вергилия на две ипостаси, стихи о дьявольском дереве как эпиграф к игре («Рос он ночью, рос он днем / Зрело яблочко на нем»), пристрастие V к поэзии, образ могущественной сущности тиранического типа – все это вдохновлено творчеством У. Блейка. Имя центрального босса видеоигры отсылает к персонажу ряда произведений поэта, а именно: к «[Первой] Книге Уризена», «Песни Лоса», «Америке», «Видению Дочерей Альбиона» и др. Как пишет В.В. Сердечная, «Уризен – важнейшая фигура авторской мифологии Блейка, одна из энергий человека – разум, рассудок. Он также творец законов, пахарь, строитель и возница солнечной колесницы. Его металл – золото. Его имя, как правило, возводят к сочетанию Your Reason или к греческому οὐρίξειν (ограничивать), от которого происходит слово “горизонт”» [Сердечная, 2017: 36]. Этимология этого имени обыгрывается в сцене знакомства Данте и V, в которой последний, имея в виду Уризена, произносит: «This demon is **your “reason”**... **Your reason for fighting**» («Демона этого можно приравнять к **твоему «резону»**... **резону** или **причине**, по которой ты сражаешься») [DMC 5, 2019]. То есть в рамках игры номинация главного босса производится посредством этого каламбура.

Уризен, обозначенный на одной из гравюр Блейка (рис. 1) как Ветхий днями (или Великий архитектор), олицетворяет, по мнению автора, ветхозаветного Бога-ревнителя, ограничителя чувственности и творческого воображения, голую рациональность, дающую оковы законов: «Уризен в книге Блейка – это демиург рассудка, ограничивающий энергию и запирающий ее в строгих формах, сковывающий мир “оковами из серебра и меди” (“with rivets of iron & brass”...)» [Тарабанова, 2023: 181].

У Блейка образ данного персонажа сопровождается негативной коннотацией тирана, не принимающего никакой неопределенности и неравновесности: «Уризен хочет уничтожить противоположности, разрешить мучающий его конфликт жизни и смерти, радости и боли, избавиться от всего колеблющегося, неустойчивого. Он насаждает единую норму, правило, закон и этим, по мысли Блейка, лишает мир необходимой жизненной энергии, сковывает и поработачивает его» [Там же]. Как замечают исследователи, неслучайно «в игре антагонист главных героев носит именно такое имя. Уризен по сюжету – демоническая сторона Вергилия, жаждущая божественной силы» [Штейнбрехер, Савельев, 2022: 159]. Важно отметить, что сам У. Блейк задумывал свою «Книгу Уризена» как часть цикла «Пророческие книги», который остался незавершенным. Многие гравюры к этому тексту сохранились лишь в набросках, а некоторые сюжетные линии обрываются. Эта незавершенность блейковского замысла удивительным образом резонирует с природой образа Вергилия: ни одна из его трансформаций не дает окончательного ответа о его истинной сущности.

Рис. 1. Гравюра У. Блейка «Великий архитектор» («Ветхий днями») (1794)

Fig 1. Etching by W. Blake “Ancient of Days” (1794)

В мифологии У. Блейка Уризен имеет несколько эманаций, среди которых центральное место отведено кузнецу Лосу, символизирующему конструктивное созидание и творческую фантазию. В соответствии с содержанием «[Первой] Книги Уризена» и «Песни Лоса», Лос, отделенный от Уризена, стал творцом его материального тела. Закончив свою работу, Лос пришел от нее в ужас: «Рядом с демоном темным рыдая, / Лос судьбу проклинал... – Острайкер <...> поясняет: “Лос является силой поэтического воображения. Если воображение отделяется от Разума, то это серьезно ранит обоих. Лос страдает, поскольку потерял свой Рассудок”» [цит. по: Книга Уризена]. Интертекстуальное сопоставление оригинальных образов Блейка и двух ипостасей Вергилия позволяет установить существенные семантические корреляции между ними. Уризен-Вергилий, в сущности, выступает в качестве прямого продолжения узурпаторской линии своего прототипа. Игровой персонаж в ходе осуществления непререкаемой воли, направленной на порабощение мира и увеличение могущества, исходит из той же чистой рациональности, напроочь лишенной сочувственности, что и блейковский Великий архитектор, который сковывает саму реальность книгами нерушимых законов. В то же время V, как более энигматичное воплощение другого персонажа поэта – Лоса, репрезентирует поэтическую энергию и по-настоящему творящее начало.

Примечательно, что через V в видеоигровой серии наконец-то реализуется и получает развитие аллюзивная семантика имени одного из братьев. Известно, что «имена протагонистов, Данте и Вергилия, вдохновлены героями “Божественной Комедии” Данте Алигьери» [Колесникова, 2023]. Прототипом Вергилия в контексте «Божественной комедии» был известный древнеримский поэт Публий Вергилий Марон. В культуре он «считался носителем священного знания: его произведения, подобно Библии, подвергались аллегорич[ским] толкованиям; Данте в своей “Божественной комедии” избрал В[ергилия] проводником по аду и чистилищу» [Голубков, Левинская, 2023]. V, несмотря на экспликацию связи с другим поэтом (У. Блейком), воплощает поэтическое начало, заложенное в имени одного из основных героев, и, можно сказать, становится автором собственной «поэмы» о том, кто жаждет силы (в определенной мере частью этого условного текста можно считать иносказательную исповедь перед Триш). V сохраняет такие человеческие качества, как сочувствие и тяга к прекрасному, и в ходе саморефлексии (ярче всего представленной в упомянутой сцене с Триш) осознает ошибочность разделения единой сущности на неспособные быть цельными в отделенности друг от друга части. В этой связи стоит отметить, что У. Блейк работал над иллюстрациями к «Божественной комедии» (напр., рис. 2), которые не смог закончить ввиду смерти. Тем не менее подобный диалог двух поэтов становится дополнительной «литературной тенью» для образа Вергилия в игре. Из описанного следует, что выбор разработчиками именно У. Блейка не случайная аллюзия, а продуманная отсылка к мифопоэтике, в центре которой стоит конфликт тиранического разума и освободительного воображения, разделение и мучительное воссоединение.

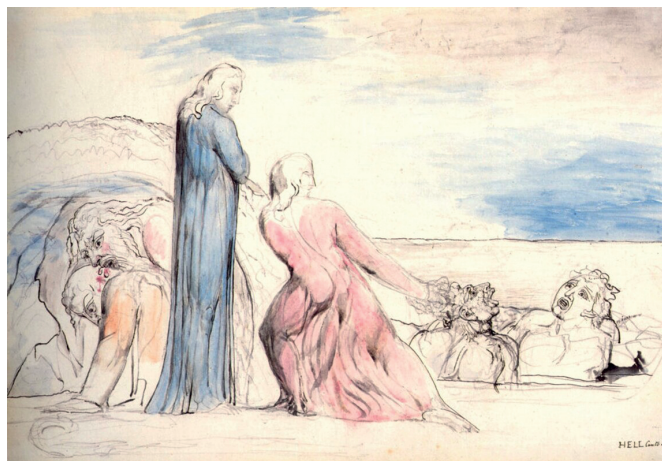

Рис. 2. Данте тянет за волосы Бокку.
Иллюстрация У. Блейка к «Божественной комедии» (1827)

Fig. 2. Dante pulls Bokka's hair.
W. Blake's illustration of the "Divine Comedy" (1827)

Помня о формуле «Nomen est omen» (лат. 'Имя есть знак'), необходимо обратить внимание на то, что именно V дает имя Уризену: сам демон ни разу не сообщает о том, как его зовут. Оптика У. Блейка позволяет персонажу в процессе номинации сообщить образу определенное направление интерпретации, которое, впрочем, является скрытым и ненавязчивым, рассчитанным на подготовленного и любопытного «читателя» видеоигрового текста. Здесь кроется важное отличие персонажей, символизирующих поэтическое воображение в оригинальной мифологии У. Блейка и в контексте «Devil May Cry 5». Если оригинальный Лос создал для имени тело, то V даровал существу имя. Говоря на языке семиотики, герой У. Блейка заключил некое содержание в определенную форму, в то время как персонаж «Сарсом» наполнил форму интерплейслицитным содержанием. Имплицитно-интерактивный характер семантики здесь обуславливается мотивно-аллюзивной связью, установление которой требует выхода во внешнее культурное поле, к чему готов не каждый любитель игр в жанре приключенческого экшена. Однако в игровом сообществе интерес к глубинной семантике имен «Devil May Cry» все же проявляется (см., напр., статью пользователя «Ganter13», размещенную на Stopgame.ru⁴). Стоит отметить, что считывание интертекста для понимания происходящего в контексте видеоигры необязательно. Сюжет «Devil May Cry 5» сообщает достаточно информации для того, чтобы понять главный конфликт и проникнуть в суть истории. Однако отдельное аналитическое внимание к именам персонажей и их образам обуславливает необходимость именно интерплейслицитного подхода, выявляющего описанную выше цепочку пустот и аллюзивной недосказанности. Данный метод позволяет углубить и окончательно сформировать представление о ключевых образах внутриигрового текста.

В аспекте семантики целостного образа Вергилия важно, что именно V в конце восемнадцатой миссии, отвечая на заявления Уризена о том, что ему нужно больше силы, говорит: «Знаю. Ведь мы с тобой – две стороны одной монеты. Но ты лишился меня, а я лишился тебя. И все же мы связаны единым чувством. "Если ветви мы сошьем, мы согласие обретем"» [DMC 5, 2019]. V провозглашает необходимость интегративного сосуществования частей единой сущности: человека и демона, рациональности и воображения, силы и слабости, разума и чувства... Таким образом, только в дуальной междуместности Вергилий обретает свою целостность. Аналогичен диалог и прецедентных персонажей У. Блейка. Так, Д. Смирнов-Садомский, комментируя одну из строчек «[Первой] Книги Уризена» («Но Уризен не мог исцелиться» [Книга Уризена]) замечает, что «для исцеления Уризен (разум) нуждается в помощи Лоса, пророка, обладающего творческой силой» [цит. по: Книга Уризена].

Очередное пере- или воз-рождение Вергилия⁵ в каком-то смысле завершает путь его духовных исканий, заставляет размышлять над тем, как могла бы сложиться жизнь братьев, если бы в день нападения демонов Ева спрятала в шкафу Вергилия, а не Данте (рис. 3).

⁴ Статья «Ипостаси Вергилия [Краткий разбор символизма в сюжете Dmc5]» пользователя «Ganter13» доступна по следующему адресу: https://stopgame.ru/blogs/topic/94993/ipostasi_vergiliya_kratkiy_razbor_simvolizma_v_syuzhete_dmc5?ysclid=mke1bq8zfg975796198

⁵ Имеется в виду цепочка следующих переходов: Вергилий – Нело Анджело – Вергилий – Уризен и V – Вергилий.

Рис. 3. Рефлексия Вергилия. Кадр из кат-сцены «Devil May Cry 5»

Fig. 3. Reflection of Virgil. A shot from the “Devil May Cry 5” cut scene

Полагаем, герой начинает переосмысливать значение и роль «силы», к которой стремился всю жизнь. Категорического отказа от убеждений не происходит, но они подвергаются определенной корректировке и критическому анализу. Сражения с братом и сыном в конце игры выступают в качестве способа окончательного разрешения разногласий. Так, битва с Данте начинается со взаимной улыбки, символизирующей несерьезный характер предстоящей схватки, а спарринг с Неро, вероятно, используется Вергилием для оценки возможностей сына. Конец «Devil May Cry 5» манифестирует примирение двух крайностей рассматриваемого героя, которые в том числе составляют его междуместийную суть: с одной стороны, Вергилий все еще ценит грубую силу, а с другой – понимает, что в природе человека тоже заключена некая мощь.

Сюжет «Devil May Cry 5» позволяет наглядно увидеть эволюцию персонажа и расширить смысловой объем его образа. Если ранее Вергилий был репрезентирован как сугубый прагматик с маниакальной жадой могущества, то в последней части, во-первых, подтвердившей родство с Неро, во-вторых, сообщившей о пристрастии героя к английской поэзии, а в-третьих, позволившей ему переосмыслить свой путь, Вергилий представляется титаническим персонажем романтического типа, неким Чайльд-Гарольдом в междуместийном мире людей и демонов. Что будет с Вергилием дальше, на данный момент неизвестно, но в любом случае пятая часть задает многообещающий вектор развития.

В процессе анализа пути Вергилия обнаруживается большое количество «не-мест» и «междуместий», организующих единое пространство смыслоценной недосказанности. Метасюжетные лакуны характерны для серии «Devil May Cry» в целом⁶, но в случае с Вергилием они манифестируют колоссальный семантический потенциал. С Данте, главным протагонистом серии, игрок знакомится в течение пяти частей серии, играя в основной компании либо исключительно за этого персонажа, либо параллельно с другими. Неро, центральному протагонисту четвертой части и одному из главных героев пятой, уделяется в сумме меньше «экранного времени», чем Данте, но, начиная с «Devil May Cry 4», именно этот персонаж является важнейшим действующим лицом в мире «Дьявола, который может плакать». Вергилий, хотя и появляется в большей части игр, представлен более периферийно. В «Devil May Cry» наравне с другими он является одним из боссов (к тому же в неосновной форме – как Нело Анджело). В оригинальной «Devil May Cry 4» Вергилий отсутствует и появляется лишь в специальном издании игры, при этом отдельной компании за данного персонажа не предусмотрено, а его нарратив обогащается лишь двумя небольшими кат-сценами, обозначающими пришествие в Фортуну и отбытие из нее, т.е. пребывание в самом городе оказывается «не-местом», которое провоцирует игрока на интерпретацию содержания временного отрезка, проведенного Вергилием в Фортуне. По-настоящему важным, влиятельным и прописанным персонажем Вергилий оказывается только в «Devil May Cry 3: Dante's Awakening» (2005) и «Devil May Cry 5» (2019) (в сюжете данных игр он выполняет роль ключевого антагониста, но при этом отдельные самостоятельные компании за данного персонажа также отсутствуют).

⁶ До сих пор неизвестны подробности биографии Спарды и существенная часть биографии всех основных персонажей (Куда пропал Спарда? Что происходило с Данте и Вергилием между частями серии? Как именно Вергилий жил в Фортуне?) и многое другое.

Таким образом, если сюжет видеоигр «Devil May Cry» в целом позволяет реконструировать более-менее последовательные и обстоятельные нарративы Данте и Неро, то в биографии Вергилия содержится слишком много белых пятен, пробелов, смысловых пропастей. Как именно проходила битва между Вергилием и Мундусом? Куда пропал Нело Анджело после того, как Данте его одолел? Где Вергилий находился между событиями первой и пятой частей? Почему в начале «Devil May Cry 5» он ослаб настолько, что буквально разрушался на глазах?..

С целью восполнения данных и иных пробелов, «Capcom» могла бы задуматься над тем, чтобы создать отдельное DLC, посвященное непосредственно Вергилию и его скитаниям. Это помогло бы прояснить не только частности биографии персонажа, но и метасюжет серии. Показательно, что в перезапуске игры, версии под названием «DmC: Devil May Cry» (2013), которая разрабатывалась студией «Ninja Theory», имелась отдельная небольшая компания за Вергилия – «Vergil's Downfall» («Падение Вергилия»). Однако она: 1) относится к неоригинальной вселенной «Devil May Cry»; 2) выступает как послесловие, а не предыстория (хотя элементы биографии в форме воспоминаний присутствуют).

Заключение

В настоящее время Вергилий представляет собой образ, семантика которого формируется посредством интеграции «пустот» и «междуместий»: нарративных, экзистенциальных, онтологических. Пробелы в истории персонажа становятся продуктивными зонами смыслообразования, позволяющими фанатам серии строить собственные теории. Для более полного раскрытия образа героя необходимы дальнейшие исследования, учитывающие текущие результаты анализа, рассматривающие игровую механику (геймплей непосредственно за Вергилия) и музыкальную тему персонажа – «Casey Edwards feat. Victor Borba – Bury the Light», которая, по мнению Д.А. Цицера, представляет собой не просто фоновую композицию, «а полноценный элемент геймдизайна. Через мощное сведение, продуманный текст, гармонию и динамическую адаптацию в игре, он делает бои с Вергилием запоминающимися, передавая глубину его характера» [Цицер, 2025: 197].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Вергилий в серии «Devil May Cry» представляет собой не просто сложного героя, но репрезентативную модель «междуместного» персонажа в современной культуре. Его идентичность принципиально нестабильна и строится в пространстве смысловых переходов между бинарными оппозициями: человек / демон, разум / воображение, сила / слабость, поэт / воин, присутствие / отсутствие. Эта неустойчивость материализована в сюжетной структуре через серию исчезновений, превращений и разделений, каждое из которых маркирует не окончательное состояние, а этап в непрерывном процессе поиска утраченной целостности и самости.

Центральными механизмами конструирования этого образа выступают «пустоты», «междуместия» и «литературные тени». Многочисленные лакуны в биографии персонажа (пропущенные сражения, неизвестные периоды) не являются нарративными недочетами. Напротив, они функционируют как активные «не-места», которые, будучи семантически незаполненными, становятся источниками смыслового напряжения и провоцируют интерпретационную активность. Отсылки к У. Блейку (Уризен, Лос) и Д. Алигьери выступают в роли классических «литературных теней» – подразумеваемых, но неразвернутых интертекстов, которые проецируют на героя целые пласты культурной семантики (конфликт тиранического разума и творческого воображения, мотив проводника по темным сферам бытия). При этом в игре осуществляется трансформация этих прототипов: имя «Уризен» становится не прямым заимствованием, а инструментом для наполнения демонической ипостаси Вергилия сложным культурным кодом, доступным для дешифровки подготовленному игроку.

Путь Вергилия можно описать как движение через череду кризисов идентичности, каждый из которых разрешается не синтезом, а новой утратой. Даже финальное «воссоединение» в «Devil May Cry 5» оказывается амбивалентным: обретение целостности совпадает с добровольным изгнанием в ад и вечным соперничеством-сражением с братом. Этот финал можно рассматривать как элемент «самоуничтожающегося» текста, в котором разрешение конфликта одновременно является его отрицанием, а персонаж фиксируется в состоянии постоянной междуместности – существования между миром людей и демонов, между окончательной победой и окончательным поражением.

Сила и сложность образа Вергилия коренятся именно в его незавершенности и принципиальной «нелокализуемости». Он существует не *в* событиях, а *между ними*; его сущность определяется не только явными поступками, но и скрытыми травмами, аллюзиями и нарративными пропусками. Такой персонаж становится идеальным объектом для междуместного анализа, демонстрируя,

как художественный смысл в современной культуре рождается и функционирует в зонах неопределенности, на границах явного и подразумеваемого, в динамичном диалоге между текстом и интерпретатором. Дальнейшее исследование может быть направлено на сравнение этой модели с другими «междуместными» персонажами в современных медиа, а также на изучение того, как игровые элементы (геймплей за V и Уризена, стиль боя, оружие, музыкальная тема, взаимодействие с другими героями и др.) помогают формировать и выражать семантику образа Вергилия.

Источники и материалы

DMC 1, 2001 – Devil May Cry [Видеоигра], 2001. *Capcom. PlayStation.*

DMC 3, 2005 – Devil May Cry 3: Dante's Awakening [Видеоигра], 2005. *Capcom. PlayStation 2, PlayStation 3, Xbox 360, PlayStation 4, Xbox One, Nintendo Switch.*

DMC 4, 2015 – Devil May Cry 4: Special Edition [Видеоигра], 2015. *Capcom. PlayStation 4, Windows, Xbox One.*

DMC 5, 2019 – Devil May Cry 5 [Видеоигра], 2019. *Capcom. PlayStation 4, Windows, Xbox One, PlayStation 5, Xbox Series X/S.*

Блейк, У., Книга Уризена, *Wikilivres.ru*, пер. Д. Смирнов-Садовский: сайт. URL: https://wikilivres.ru/Книга_Уризена (дата обращения: 15.03.2026).

Голубков, А.В., Левинская, О.Л., 2023. Вергилий Марон Публий, *Большая российская энциклопедия*: сайт. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1908386> (дата обращения: 15.01.2026).

Колесникова, В.Е., 2023. «Devil May Cry» (серия видеоигр), *Большая российская энциклопедия*: сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/devil-may-cry-franshiza-6e9ed9/?v=7389070> (дата обращения: 12.03.2026).

Колесникова, В.Е., 2024. Слэшер (жанр видеоигр), *Большая российская энциклопедия*: сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/slesher-videoigry-877f5f/?v=10374324> (дата обращения: 12.03.2026).

Список литературы

Беляев, Д.А., Лукашина, В.Д., Тезина, Е.А., 2022. Культурный концепт «загробный мир» в видеоиграх: практики визуальной адаптации и эстетика образов, *Культура и цивилизация*, т. 12. № 1А, с. 113–119.

Галанина, Е.В., Ветушинский, А.С., 2019. Измерение героического и мономифа в видеоиграх, *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, № 33, с. 34–46. <https://doi.org/10.17223/22220836/33/3>

Галанина, Е.В., Шаев, Ю.М., 2020. Видеоигры в контексте постнеклассической культуры, *Векторы благополучия: экономика и социум*, № 1 (36), с. 22–35. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1\(36\)/1017](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1(36)/1017)

Киреева, М.А., 2020. К вопросу о понятиях «перевод» и «локализация» (на примере видеоигры «Devil May Cry 5»), *Молодежь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности: Материалы VIII Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. Году памяти и славы и 500-летию возведения Тульского кремля*, Тула: Тульский гос. пед. университет им. Л.Н. Толстого, с. 127–131.

Киреева, М.А., 2021. О проблеме политкорректности в переводе лексики (на материале видеоигры Devil May Cry 5), *Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Материалы XVII Регион. науч.-практич. конф. магистрантов, аспирантов и молодых ученых*, Тула: Тульский гос. пед. университет им. Л.Н. Толстого, с. 91–95.

Киреева, М.А., 2022. Отношение фанатов видеоигры к официальной локализации (на примере серии видеоигр Devil May Cry), *Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее. Материалы XVIII Регион. науч.-практич. конф. магистрантов, аспирантов и молодых ученых*, Тула: Тульский гос. пед. университет им. Л.Н. Толстого, с. 85–89.

Клюев, А.А., 2022. Статус нарратологического анализа видеоигр в контексте современной полидискурсивной постмедиальной критики, *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*, № 2 (20), с. 53–63.

Курносов, Д.А., 2025. Иммерсия как часть нарратива в виртуальной реальности видеоигр, *КиноКультура*, № 2, с. 69–79.

Ницше, Ф., 2007. *Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого*, пер. Ю.М. Антоновского. Москва: Культурная революция. 432 с.

Самойлова, Е.О., Шаев, Ю.М., 2016. Компьютерные игры как виртуальный нарратив, *Манускрипт*, № 2 (64), с. 171–173.

Самтенко, А.Г., 2020. Теократия как форма правления на примере игры «Devil May Cry 4», *Студенческая наука. Сборник работ областного конкурса студентов высших учебных заведений*, Саратов, Изд-во «Саратовский источник», с. 23–25.

Сердечная, В.В., 2017. «Песнь Лоса» Уильяма Блейка как воплощение литературных принципов поэта-романтика, *Язык. Словесность. Культура*, т. 7, № 1-2, с. 31–45.

Тарабанова, Д.Д., 2023. «Книга Уризена» У. Блейка как видение: традиция и новаторство, *Stephanos*, № 2 (58), с. 177–184. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2023-58-2-177-184>

Терехов, Д.А., 2025. *Видеоигры со сложной повествовательной структурой: оформление новых элементов нарратива и расщепление текста*. Дис. ... канд. культурологии. Москва, 187 с.

Хабилов, К.А., Рудакова, С.В., 2025. Интерплейслицитность мифопоэтики романа Саши Соколова «Между собакой и волком», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 18, вып. 5, с. 2177–2188. <https://doi.org/10.30853/phil20250306>

Цицер, Д.А., 2025. Саундтрек как инструмент повествования: продакшн и влияние Bury the Light на восприятие геймплея в Devil May Cry 5, *Искусство глазами молодых. Материалы XVII Междунар. науч. конф.*, Красноярск, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, с. 191–199.

Штейнбрехер, А.В., Савельев, К.Н., 2022. Блейковские мотивы в современном медиапространстве (на примере компьютерной игры Devil May Cry 5» и анимационного сериала «Патриотизм Мориарти»), *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. Материалы VIII междунар. молодежной науч.-практич. конф.*, Магнитогорск, Магнитогорский гос. техн. унив. им. Г.И. Носова, с. 157–162.

Jenkins, H., 2004. Game Design as Narrative Architecture, *Computer*, no. 44 (3), pp. 118–130.

Khabirov, K.A., 2025. The depth of emptiness, or interplacality, which has become a key to understanding metamodern literature, *Global perspectives in science, education and applied research: Proceedings of the International Science Conference*, Delhi, pp. 52–62.

Thong, K.G., Widianingtyas, N., 2023. Analysis of Nero's Insecurities in the Devil May Cry Series, *English Language and Education Spectrum*, vol. 3, no. 2, pp. 24–38. <https://doi.org/10.53416/electrum.v3i2.148>

References

Belyaev, D.A., Lukashina, V.D., Tezina, E.A., 2022, The cultural concept of “the underworld” in video games: visual adaptation practices and image aesthetics, *Culture and civilization*, vol. 12, no. 1A, pp. 113–119. (In Russ.)

Galanina, E.V., Vetushinsky, A.S., 2019, Heroic dimension and monomyth in video games, *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, no. 33, pp. 34–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22220836/33/3>

Galanina, E.V., Shaev Yu.M., 2020, Video games in the context of post-non-classical culture, *Journal of Wellbeing Technologies*, no. 1 (36), pp. 22–35. (In Russ.) [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1\(36\)/1017](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1(36)/1017)

Kireeva, M.A., 2020, On the question of the concepts of “translation” and “localization” (on the example of the video game “Devil May Cry 5”), *Youth and the spiritual heritage of the era: culture, artifacts, values: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Memory and Glory and the 500th Anniversary of the Construction of the Tula Kremlin*, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, pp. 127–131. (In Russ.)

Kireeva, M.A., 2021, On the problem of political correctness in the translation of vocabulary (based on the material of the video game Devil May Cry 5), *The research potential of young scientists: a look into the future: Proceedings of the 17th Regional Scientific and Practical Conference of Master's, Postgraduate and Young Scientists*, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, pp. 91–95. (In Russ.)

Kireeva, M.A., 2022, The attitude of video game fans to official localization (using the example of the Devil May Cry video game series), *Research potential of young scientists: a look into the future: Proceedings of the 18th Regional Scientific and Practical Conference of Master's, Postgraduate and Young Scientists*, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, pp. 85–89. (In Russ.)

Klyuev, A.A., 2022, The status of narratological analysis of video games in the context of modern polydiscursive postmedial criticism, *Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology)*, no. 2 (20), pp. 53–63. (In Russ.)

Kurnosov, D.A., 2025, Immersion as the part of narrative in virtual reality of video game, *Film culture*, no. 2, pp. 69–79. (In Russ.)

Nietzsche F., 2007, *The complete works. In 13 volumes. Vol. 4. Thus spoke Zarathustra. A book for everyone and for no one*, trans. Yu.M. Antonovsky, Kulturnaya Revolyutsiya, Moscow, 432 p. (In Russ.)

Samoilova, E.O., Shaev, Yu.M., 2016, Computer games as virtual narrative, *Manuscript*, no. 2 (64), pp. 171–173. (In Russ.)

Samtenko, A.G., 2020, Theocracy as a form of government on the example of the game “Devil May Cry 4”, *Studencheskaya nauka: Sbornik rabot oblastnogo konkursa studentov vysshih uchebnyh zavedenij*, “Saratov source” publ., Saratov, pp. 23–25. (In Russ.)

Serdechnaya, V.V., 2017, “The song of Los” by William Blake as the embodiment of the author’s literary principles, *Language. Philology. Culture*, vol. 7, Is. 1-2, pp. 31–45. (In Russ.)

Tarabanova, D.D., 2023, William Blake’s “The book of urizen” as a vision: tradition and innovation, *Stephanos*, no. 2 (58), pp. 177–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2023-58-2-177-184>

Terekhov, D.A., 2025, *Video games with a complex narrative structure: designing new narrative elements and splitting the text*. Dissertation ... Candidate of Cultural Studies. Moscow, 187 p. (In Russ.)

Khabirov, K.A., Rudakova, S.V., 2025, Interplacelity in the mythopoetics of Sasha Sokolov’s novel “Between dog and wolf”, *Philology. Theory & Practice*, vol. 18, Is. 5, pp. 2177–2188. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20250306>

Tsitser, D.A., 2025, Soundtrack as a narrative tool: production and the impact of Bury the Light on the perception of gameplay in Devil May Cry 5, *Art through the eyes of the young: Proceedings of the 17th International Scientific Conference*, Dmitri Hovorostovsky Siberian State Academy of Arts, Krasnoyarsk, pp. 191–199. (In Russ.)

Shtejnbrekher, A.V., Savel’ev, K.N., 2022, Blake’s motives in the modern media space (as exemplified by the computer game “Devil May Cry 5” and the animated series “Patriotism of Moriarty”), *World Literature through the eyes of modern youth. The digital age: A collection of materials from the 8th International Youth Scientific and Practical Conference*, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, pp. 157–162. (In Russ.)

Jenkins, H., 2004, Game Design as Narrative Architecture. *Computer*, no. 44 (3), pp. 118–130. (In Eng.)

Khabirov, K.A., 2025, The depth of emptiness, or interplacelity, which has become a key to understanding metamodern literature, *Global perspectives in science, education and applied research: Proceedings of the International Science Conference*, Delhi, pp. 52–62. (In Eng.)

Thong, K.G., Widianingtyas, N., 2023, Analysis of Nero’s insecurities in the Devil May Cry series, *English Language and Education Spectrum*, vol. 3, no. 2, pp. 24–38. (In Eng.) <https://doi.org/10.53416/electrum.v3i2.148>

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Кирилл Владимирович Каменский, Курский государственный университет, Курская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, г. Курск, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0007-3354-5233>; e-mail: deconstruction@internet.ru

Information about the author

Kirill V. Kamensky, Kursk State University, Kursk Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Kursk, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0007-3354-5233>; e-mail: deconstruction@internet.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 17.04.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 12.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026

**Концептосфера регионального делового издания
«Коммерсантъ-Башкортостан»:
когнитивно-дискурсивный анализ интернет-паблика**

Александр Степанович Кобыскан

Институт башкирской энциклопедии государственного бюджетного научного учреждения
«Академия наук Республики Башкортостан»,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: sgtpepper1989@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен когнитивно-дискурсивный анализ концептосферы официального паблика ВКонтакте «Коммерсантъ-Башкортостан». Выбор платформы ВКонтакте обусловлен ее статусом отечественной социальной сети, рекомендованной для использования в российском медиапространстве в рамках политики импортозамещения. Эмпирическую базу составили сообщения, опубликованные в паблике с 27 января по 1 июля 2021 г. (более 1500 единиц), а также последующие публикации (2022–2024 гг.), отражающие динамику концептуальной структуры в период большой общественно-политической трансформации. Цель исследования – выявить и описать ключевые концепты, их структуру, иерархию и языковую репрезентацию, проследить изменения в них в связи с современной геополитической ситуацией. Методология базируется на концептуальном, когнитивно-дискурсивном, контекстуальном и количественном анализе. В рамках обзора литературы проанализированы 17 научных работ по проблемам медиадискурса, региональных СМИ, концептов «власть», «справедливость», а также типологии каналов в мессенджерах и соцсетях. Установлено, что центральное место в концептосфере занимают концепты «власть», «закон / суд / справедливость». Концепт «власть» характеризуется дихотомической репрезентацией (легитимный институт, распределяющий ресурсы и орган, обеспечивающий соблюдение законодательства и правопорядка). Концепт «закон / суд / справедливость» демонстрирует асимметрию в пользу репрезентации ситуаций, воспринимаемых участниками как несправедливые, что соответствует общей тенденции медиадискурса. В условиях современной геополитической ситуации активизируются репрезентанты концепта «солидарность / единство» (лексемы «Донбасс», «беженцы», «гуманитарная помощь»). Показано, что значимым приемом формирования медиаобраза региона выступает контрастное сопоставление локальных проблем (экология, ЖКХ, коррупция) и действий региональной власти по их разрешению. Делается вывод о специфике регионального делового издания, формирующего образ региона через локальные конфликты (экологические, градостроительные) и персонифицированную репрезентацию власти. Стратегия независимости реализуется через дистанцирование от оценок, цитирование официальных источников и обеспечение эффекта объективности. Полученные результаты могут быть использованы в курсах медиалингвистики и региональной журналистики, а также в проектах по медиаграмотности и воспитательной работе со студенческой аудиторией.

Ключевые слова: концептосфера, медиадискурс, региональное СМИ, паблик ВКонтакте, когнитивно-дискурсивный анализ, концепт «Власть», «Коммерсантъ-Башкортостан»

Для цитирования: Кобыскан, А.С., 2026. Концептосфера регионального делового издания «Коммерсантъ-Башкортостан»: когнитивно-дискурсивный анализ интернет-паблика, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 171–179. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.15>

Conceptual framework of the regional business media “Kommersant-Bashkortostan”: a cognitive-discursive analysis of the public page

Alexander S. Kobyskan

Institute of Bashkir Encyclopedia of the state budgetary scientific institution
“Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan”,
Ufa, Russian Federation
E-mail: sgtpepper1989@yandex.ru

Abstract. This article presents a cognitive-discursive analysis of the conceptual framework of the official VKontakte public page “Kommersant-Bashkortostan.” VKontakte was chosen as the platform due to its status as a domestic social network recommended for use in the Russian media landscape as part of the import substitution policy. The empirical basis consists of posts published on the page from January 27 to July 1, 2021 (more than 1,500 entries), as well as subsequent posts (2022–2024), reflecting the dynamics of the conceptual structure during a period of major socio-political transformation. The aim of the study is to identify and describe key concepts, their structure, hierarchy, and linguistic representation as well as to trace changes in them in connection with the current geopolitical situation. The methodology is based on conceptual, cognitive-discursive, contextual, and quantitative analysis. As part of the literature review, 17 scholarly works were analyzed on issues related to media discourse, regional media, the concepts of “power” and “justice,” as well as the typology of channels in messaging apps and social media. It was found that the concepts of “power,” “law/court/justice” occupy a central place in the conceptual framework. The concept of “power” is characterized by a dichotomous representation (a legitimate institution that distributes resources and a body that ensures compliance with legislation and the rule of law). The concept of “law/court/justice” exhibits an asymmetry favoring the representation of situations perceived by participants as unjust, which corresponds to the general trend of media discourse. During the period of the current geopolitical situation, the representatives of the concept “solidarity / unity” (the lexemes “Donbass”, “refugees”, “humanitarian aid”) become more active. It is shown that a significant technique for forming the media image of the region is the contrastive comparison of local problems (ecology, housing and communal services, corruption) and the actions of regional authorities to resolve them. A conclusion is drawn about the specificity of a regional business publication that shapes the image of the region through local conflicts (ecological, urban planning) and personalized representation of power (the figure of the head of the republic). The strategy of independence is realized through distancing from evaluations, quoting official sources, and ensuring an effect of objectivity. The obtained results can be used in courses on media linguistics and regional journalism, as well as in projects on media literacy and educational work with student audiences.

Keywords: conceptual framework, media discourse, regional media, VK public page, cognitive-discursive analysis, concept “power”, “Kommersant-Bashkortostan”

For citation: Kobyskan, A.S., 2026, Conceptual framework of the regional business media “Kommersant-Bashkortostan”: a cognitive-discursive analysis of the public page, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 171–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.15>

Введение

Концептосфера региональных средств массовой информации представляет собой одну из наиболее актуальных проблем современной медиалингвистики. Как отмечает Ю.Е. Русакова, «топонимические и регионально маркированные концепты, представляющие собой динамические когнитивные единицы, существующие в подвижной, идеологически маркированной медиадискурсивной среде, можно рассматривать в качестве концептов-идеологем» [Русакова, 2024: 114], что предполагает проведение комплексного поэтапного исследования, поскольку речь идет о многоуровневой единице особого типа. В этом контексте анализ концептосферы делового издания «Коммерсантъ-Башкортостан» приобретает особую значимость: «старшее» издание позиционируется как первое частное деловое издание в России, один из старейших издательских домов и одна из самых авторитетных и влиятельных медиаструктур страны. Нам же интересна специфика его регионального подразделения. Настоящее исследование представляет собой когнитивно-дискурсивный анализ концептосферы официального паблика ВКонтакте

«Коммерсантъ-Башкортостан» (<https://vk.com/kommersantufa>). Выбор платформы ВКонтакте обусловлен необходимостью использования отечественных социальных сетей в научных исследованиях, что соответствует рекомендациям по импортозамещению в цифровой среде и требованиям российского законодательства о предпочтительном использовании национальных интернет-ресурсов. Эмпирической базой исследования послужил корпус текстов, опубликованных в паблике в период с 27 января по 1 июля 2021 г., включающий более 1 500 сообщений, а также последующие публикации, отражающие динамику концептуальной структуры издания. Период 2021 г. выбран как «традиционный» этап работы издания до значительной трансформации медиадискурса в 2022 г. Для количественного сопоставления дополнительно проанализирован корпус публикаций за первый квартал 2024 г. (январь–июнь, 1 482 сообщения), что позволило выявить реальную частотную динамику ключевых лексем. Выбор паблика ВКонтакте в качестве объекта исследования обусловлен его высокой ролью в современной медиасреде: как отмечают исследователи региональных интернет-СМИ, их роль в системе средств массовой информации постоянно возрастает, они «предстают как новый компонент системы средств массовой информации, становясь все более популярными и востребованными среди различных групп потребителей информации» [Лободенко, 2015: 3]. Цель исследования – выявить и описать ключевые концепты, формирующие концептосферу паблика «Коммерсантъ-Башкортостан» в данной сети, определить их структуру, иерархию и способы языковой репрезентации, а также проследить изменения в ключевых концептах после начала СВО.

Основная часть

В современной лингвистике концепт понимается как «многоуровневая иерархическая структура с конвенционализированными репрезентантами каждого из своих пластов, при этом изменение данной структуры может происходить посредством переосмысления отдельных компонентов на основе поиска новых вербализаторов» [Борисова, 2023: 514]. Концептосфера, в свою очередь, представляет собой совокупность концептов, формирующих картину мира определенного дискурсивного пространства. Применительно к медиадискурсу особое значение приобретает понятие «медиаконцепт», под которым О.В. Орловой понимается вербально-ментальный феномен особого рода, отличающийся «медийной дискурсивно-стилистической природой» [цит. по: Русакова, 2024: 112].

В рамках исследований региональной концептосферы выделяются такие понятия, как «медиаобраз региона», «топонимический концепт» и «регионально маркированный концепт». Концепция содержания печатного издания, как отмечает В.А. Евдокимов, представляет собой «систему тематически разнообразных публикаций, располагающихся на высших или низших уровнях совокупностей взаимосвязанных элементов» [Евдокимов, 2024: 122]. Проблеме «регионализации» печатных СМИ посвящены работы Ф.Б. Бешуковой и Д.И. Куфановой, которые на примере Адыгеи показывают трансформацию местной прессы под влиянием общероссийских трендов [Бешукова, Куфанова, 2010]. Типологический обзор региональных газет представлен в коллективной статье Н.Г. Иншаковой, Н.Н. Замотиной, Ж.Н. Хорошиловой и В.Н. Бойко [Иншакова и др., 2019]. Специфику функционирования региональных интернет-СМИ и их концептуальные модели анализирует Л.К. Лободенко [Лободенко, 2015]. В.Р. Музафаров рассматривает общественно-политические условия развития российских СМИ в 2012–2023 гг., включая факторы, влияющие на региональные медиа [Музафаров, 2023].

Политический медиадискурс характеризуется наличием ключевых концептов, образующих ядро концептосферы. Как показывают исследования, «ядерные» концепты политического дискурса включают «власть», «политик», «политика», «народ». При этом отмечается важность изучения «политически нейтральных концептов» (таких, например, как «путь») наряду с институционально маркированными, поскольку именно они «обеспечивают понимание между политиками и всеми слоями населения» [Рябкова, 2016: 181]. Концептуальная структура политического дискурса, как показано в работе О.И. Уланович и Н.А. Сокола, организована по принципу триады «демократия – народ – власть», а ядерные элементы концептуальной структуры – противостояние и солидарность – образуют дихотомическую оппозицию концептов [Сокол, Уланович, 2013]. Политический дискурс, являясь знаковой системой, представляет участников коммуникации через категорию «свой – чужие», которая признается одной из важнейших в этой сфере [Здановская, 2022].

В контексте российского медиадискурса особую значимость приобретает концепт «власть». Власть в медиадискурсивном пространстве, как отмечается в лингвоконцептуальном исследовании А.В. Гусликовой, «иерархична, статична, персонифицирована; вызывает противоречивые эмоционально-экспрессивные реакции в обществе», при этом «власть и медиадискурс есть единый целый организм, существующий и функционирующий в собственной гармонии и постоянстве»

[Гуслякова, 2019: 117]. Концепт «справедливость / несправедливость» также занимает важное место в современном медиадискурсе. Н.Б. Руженцева, исследуя речевое представление этой аксиологической диады, установила, что «в разных форматах медиадискурса данная аксиологическая диада имеет различную смысловую природу, но общую оппозитивную представленность, которая обусловлена общей полемичностью СМИ» [Руженцева, 2022: 52]. При этом «антиценность «несправедливость» репрезентирована в текстах более широко и разнообразно, чем ценность «справедливость».

Особого внимания заслуживают работы, посвященные анализу оперативных новостных каналов в социальных сетях и мессенджерах. К.В. Дементьева на примере Telegram-каналов Республики Мордовия разрабатывает типологию и выявляет перспективы развития этого сегмента, подчеркивая, что подобные платформы удобны для распространения и потребления новостной информации [Дементьева, 2021: 134]. Хотя указанное исследование выполнено на материале Telegram, его выводы о специфике контента, механизмах вовлечения читателей и региональной повестке полностью применимы к пабликам ВКонтакте, поскольку обе платформы (Telegram-каналы и сообщества ВКонтакте) используют сходные форматы: короткие новостные сообщения, репосты, комментарии, гиперссылки, мультимедийные вложения. Более того, многие региональные издания дублируют свой контент одновременно в Telegram и ВКонтакте, что подтверждает функциональную эквивалентность этих каналов с точки зрения медиадискурсивного анализа. С.В. Гуськова, анализируя тамбовские масс-медиа, отмечает возрастающую роль интернет-СМИ и предполагает, что «региональные масс-медиа, вероятно, всегда будут находить свою аудиторию» [Гуськова, 2017: 191]; эти положения также экстраполируются на сообщества ВКонтакте как одну из форм интернет-СМИ.

В целом, теоретико-методологическая база настоящего исследования опирается на комплексный подход, сочетающий концептуальный, когнитивно-дискурсивный, контекстуальный и количественный анализы. При этом «медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт. Сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан» [Русакова, 2013: 152].

Анализ эмпирического материала показал, что концепт «власть» является центральным в концептосфере анализируемого паблика. Его репрезентация характеризуется отчетливой дихотомией, что соответствует теоретическим положениям И.В. Ерофеевой о том, что репрезентация данного концепта в СМИ «основывается на ключевых идеях национальной философии и представляет собой ряд антонимичных утверждений» [Ерофеева, 2009: 167]. Ядерными репрезентантами концепта «власть» выступают лексемы, номинирующие высших должностных лиц и государственные органы, которые являются наиболее частотными номинациями с положительной или нейтральной коннотацией в официально-деловом контексте, однако при освещении коррупционных скандалов появляются контексты, в которых власть предстает как орган, обеспечивающий соблюдение законодательства и правопорядка: «правительство», «администрация», «мэрия», «Курултай» – институциональные репрезентанты, употребляемые как в официальных сообщениях о деятельности органов власти, так и в критических контекстах; «прокуратура», «суд», «СКР», «МВД», «УФСБ» – номинации правоохранительных и судебных органов, выступающих в качестве инструментов властного воздействия. Периферийные репрезентанты включают такие лексемы, как «чиновники», «власть», «руководство», «администрация», «органы», «силовики», «полиция». Эмпирический материал демонстрирует вертикальную модель властных отношений: в частности, руководство региона выступает в роли субъекта контроля и санкций по отношению к нижестоящим структурам или как распределитель ресурсов, принимающий решения на высшем уровне. Отсутствие оценочной лексики создает эффект объективной констатации факта, что соответствует деловому стилю издания.

Концепт «закон / суд / справедливость» занимает значительное место в концептосфере издания, что обусловлено его деловым статусом и ориентацией на объективное освещение юридически значимых событий. Ядерными репрезентантами выступают лексемы юридического дискурса: «суд», «дело», «приговор», «обвинение», «арест», «взыскание», «компенсация», «иск», «нарушение», «ущерб», «штраф».

В проанализированном корпусе текстов издание чаще фиксирует случаи предполагаемых нарушений и судебных споров, что соответствует жанру деловой прессы, ориентированной на проблемные ситуации. При этом репрезентация самой ценности «справедливость» (например, через восстановление прав) в целом уступает репрезентации ситуаций, квалифицируемых участниками как несправедливые. Данная асимметрия отражает общую тенденцию новостного дискурса к освещению конфликтов.

В исследуемых материалах можно выделить правоприменительный вариант (в качестве примера: в паблике приводится информация о решении суда: «Кировский райсуд Уфы признал общественника <...> виновным в публичных действиях, направленных на дискредитацию использования Вооруженных сил России (ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ)»), компенсаторный («Арбитражный суд Башкирии в два раза уменьшил сумму штрафа АО «Учалинский ГОК» за превышение объемов добычи руды») и «конфликтный» («Верховный суд Башкирии оставил в силе решение Орджоникидзевского районного суда Уфы по иску прокуратуры республики»). «Арбитражный суд Башкирии взыскал с мэрии Уфы 400 млн руб. по договору муниципальной гарантии возврата кредита со стороны МУП «Уфимские инженерные сети». В судах представитель администрации настаивал, что договор является недействительным, но его доводы не нашли поддержки» – имплицитно несправедливость неэффективного управления муниципальными финансами, однако судебное решение представлено как справедливое восстановление нарушенных прав кредитора. Таким образом, справедливость ассоциируется с исполнением закона, независимо от его содержания.

Как региональное издание, «Коммерсантъ-Башкортостан» активно формирует образ региона в медиапространстве. Ядерными репрезентантами концепта «регион / Башкирия / Уфа» выступают топонимы («Уфа», «Башкирия», «Республика Башкортостан», названия районов и городов) в сочетании с предикатами, описывающими социально-экономические, политические и культурные процессы.

Если до 2022 г. лексемы «Донбасс», «беженцы», «гуманитарная помощь» встречались в паблике эпизодически, то в 2024 г. они формируют самостоятельный концепт, занимающий периферийное, но устойчивое место в концептосфере. Для объективной верификации данного тезиса автором был проведен сплошной подсчет частотности ключевых репрезентантов концепта «солидарность / единство» в двух синхронных срезах:

- выборка периода 27 января – 1 июля 2021 г. (1587 сообщений);
- 1 января – 30 июня 2024 г. (1482 сообщения). Данные периоды были выбраны сознательно, когда еще/уже не было «всплеска» конца 2021 г. и на всем протяжении 2022 г. тематических материалов о дипломатической политике и новостях о ходе боевых действий. Результаты представлены в таблице.

Таблица. Частотность ключевых лексем – репрезентантов концепта «СОЛИДАРНОСТЬ / ЕДИНСТВО» в паблике «Коммерсантъ-Башкортостан»

Table. Frequency of key lexemes – representatives of the concept 'solidarity / unity' in the 'Kommersant-Bashkortostan' public page

<i>Лексема / словосочетание</i>	<i>27.01.2021–01.07.2021 (абс.)</i>	<i>27.01.2021–01.07.2021 (на 1000 постов)</i>	<i>01.01.2021–30.06.2024 (абс.)</i>	<i>01.01.2021–30.06.2024 (на 1000 постов)</i>	<i>Рост (раз)</i>
Донбасс	1	0,63	24	16,19	25,7
ЛНР / ДНР	0	0	18	12,15	–
беженцы	2	1,26	21	14,17	10,5
гуманитарная помощь	1	0,63	38	25,64	38
батальон им. Шаймуратова	0	0	9	6,07	–
конвой (гуманитарный)	0	0	11	7,42	–
добровольцы / волонтеры	3 (о волонтерах в Уфе)	1,89	27 (о помощи Донбассу)	18,22	9,0

Представленные данные подтверждают качественное наблюдение: частотность лексем, объективирующих солидарность с Донбассом и гуманитарную помощь, возрастает в 10–40 раз. Особенно показателен рост лексемы «гуманитарная помощь» (с 0,63 до 25,64 на 1000 постов), что свидетельствует о переходе данного фрагмента действительности из периферийной в регулярно

репрезентируемую зону концептосферы. Ядерными репрезентантами концепта «солидарность / единство» в 2024 г. выступают:

- топонимы и этнонимы: «Донбасс», «ЛНР», «ДНР», «Макеевка», «петровская школа»;
- акциональная лексика: «гуманитарная помощь», «конвой», «доставили», «отправили», «восстановление», «ремонт школы»;
- социальные акторы: «беженцы», «дети», «волонтеры», «добровольцы», «батальон имени Шаймуратова».

Анализ контекстов позволяет выделить следующие смысловые признаки данного концепта:

1. Регион-донор. Башкирия последовательно репрезентируется как субъект, оказывающий помощь. Это создает положительный образ республики. Пример: «Башкирия отправила в Луганскую народную республику 11 по счету гуманитарный конвой. В составе груза весом 146 тонн – пиломатериалы, теплоизоляция...» (2022). Обращает на себя внимание высокая степень детализации содержимого грузов, что придает сообщениям фактологическую достоверность и усиливает эффект «реальной помощи».

2. Инфраструктурное восстановление как символ солидарности. Акцент делается не на абстрактной поддержке, а на конкретных действиях по восстановлению мирной жизни. Пример: «Стройматериалы будут использованы для капитального ремонта школы № 22 имени генерал-майора Шаймуратова в городе Петровское» (2022). Упоминание имени национального героя Башкирии (Шаймуратова) здесь выполняет двойную функцию: маркирует помощь как «своим» и укрепляет региональную идентичность.

3. Военная солидарность (формирование батальонов). Публикации о батальонах имени Шаймуратова и Доставалова также относятся к данному концепту. Используется лексика, типичная для военно-патриотического дискурса: «добровольцы», «контракт», «боевое слаживание», «отправка».

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Концептосфера паблика ВКонтакте «Коммерсантъ-Башкортостан» представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой центральное место занимают концепты «власть», «закон / суд / справедливость», формирующие когнитивную модель издания как «эквивалента правды» и «медийного Третейского суда». Концепт «власть» характеризуется дихотомической репрезентацией: как легитимный институт, обеспечивающий порядок и распределяющий ресурсы, и как орган, выносящий наказание за нарушение законодательства. Анализ показывает, что оппозиция «свой – чужие» в российском политическом медиадискурсе актуализуется по-разному в зависимости от контекста. Концепт «закон / суд / справедливость» демонстрирует асимметрию в репрезентации справедливости и ситуаций, воспринимаемых их участниками как несправедливые, что соответствует общей тенденции современного медиадискурса к более широкой репрезентации антиценностей. При этом правоприменительный аспект юридического концепта доминирует над восстановительным и компенсаторным, после февраля 2022 г. происходит существенная трансформация концептосферы через активизацию концепта «солидарность». Количественный анализ (таблица) показывает, что частотность ключевых репрезентантов данного концепта возрастает в 10–40 раз: лексема «гуманитарная помощь» – с 0,63 до 25,64 на 1000 постов, «Донбасс» – с 0,63 до 16,19, «беженцы» – с 1,26 до 14,17. Это подтверждает теоретическое положение о том, что «политические и культурные концепты находятся в динамической эволюции». Методология концептуального анализа, основанная на когнитивно-дискурсивном подходе, позволяет выявить не только эксплицитные, но и имплицитные смыслы, маркирующие редакционную политику издания: стратегия независимости реализуется через дистанцирование от оценок, использование цитирования официальных источников и обеспечение эффекта объективности. Концептосфера регионального делового издания специфична по сравнению с федеральными аналогами: в ней значительное место занимает информация о локальных конфликтах (экологических, градостроительных, коммунальных), а также персонифицированная репрезентация региональной власти. Это подтверждает вывод о том, что топонимический и регионально маркированные концепты могут изучаться как концепты-идеологемы.

Все выводы в данном исследовании относятся исключительно к структуре и динамике языковых репрезентаций в исследуемом медиатексте и не являются оценочными суждениями автора о работе государственных институтов и издания «Коммерсантъ-Башкортостан».

Список литературы

Борисова, Т.Г., 2023. Конситуативная модификация структуры и содержания концепта в русском медиадискурсе, *Гуманитарные и юридические исследования*, т. 10, № 3, с. 514–520. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.20>

Бешукова, Ф.Б., Куфанова, Д.И., 2010. К вопросу о «регионализации» печатных СМИ (на примере газетных и журнальных СМИ Республики Адыгея), *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*, № 2, с. 57–61.

Гуслякова, А.В., 2019. Лингвоконцептуальное описание понятия «власть» в медиадискурсивном пространстве России и англоязычного мира, *Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов*. В 2 томах. Т. 1. Под ред. Д.Н. Новикова. Москва: МГИМО–Университет, с. 117–122.

Гуськова, С.В., 2017. Типология современных региональных средств массовой информации (на примере тамбовских масс-медиа), *Современные исследования социальных проблем*, т. 9, № 4, с. 181–197.

Дементьева, К.В., 2021. Развитие Telegram-каналов в медиaprостранстве российских регионов: специфика, типология, перспективы развития (на примере Telegram-каналов Республики Мордовия), *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, т. 20, № 6: Журналистика, с. 131–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-131-144>

Евдокимов, В.А., 2024. Формирование концепций содержания региональных газет, *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, № 2, с. 122–125.

Ерофеева, И.В., 2009. Концепт «власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации, *Вестник Читинского государственного университета*, № 1 (52). С. 167–171.

Здановская, Л.Б., 2022. Общие закономерности лингвокогнитивной репрезентации концептуальной оппозитивности (аспект: Созидание – Разрушение / Creation – Destruction), *Современные исследования социальных проблем*, т. 14, № 4, с. 357–371.

Иншакова, Н.Г., Замотина, Н.Н., Хорошилова, Ж.Н., Бойко, В.Н., 2019. Региональные газеты: типологический обзор, *Социально-гуманитарные знания*, № 8, с. 101–114.

Лободенко, Л.К., 2015. *Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты*. Дис. ... докт. филол. наук. М., 457 с.

Музафаров, В.Р., 2023. Общественно-политические условия функционирования и развития российских СМИ в 2012–2023 гг., *Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, с. 54–59.

Руженцева, Н.Б., 2022. Справедливость и несправедливость: речевое представление ценностей и антиценностей в современном медиадискурсе (на материале печатных СМИ), *Политическая лингвистика*, № 2 (92), с. 52–59. <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/55140/1/plin-2022-02-05.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

Русакова, О.Ф., 2013. Медиадискурс как концепт дисциплины «Политическая коммуникативистика», *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, № 27 (170), вып. 20, с. 150–160.

Русакова, Ю.Е., 2024. От медиаобраза региона к концепту-идеологеме: актуальный понятийный аппарат современных российских медиаисследований, *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, № 4 (45), с. 111–116. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-45-111-116>

Рябкова, И.П., 2016. Межкультурная политическая коммуникация и проблемы перевода: концептологический подход, *Политическая лингвистика*, № 1 (55), с. 181–186.

Сокол, Н.А., Уланович, О.И., 2013. Концептуальная структура политического дискурса, *Лингвистическая теория и образовательная практика*, отв. ред. О.И. Уланович. Минск: Издательский центр БГУ, с. 102–112.

References

Borisova, T.G., 2023, Consituative structure and content modification of the concept in Russian media discourse, *Humanities and law research*, vol. 10, no. 3, pp. 514–520. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.20> (In Russ.)

Beshukova, F.B., Kufanova, D.I., 2010, On the issue of “regionalisation” of print media (on the example of newspaper and magazine media of the republic of Adyghea), *Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and the Arts*, no. 2, pp. 57–61. (In Russ.)

Guslyakova, A.V., 2019, Linguistic and conceptual characteristics of the concept “power” in the media discourse space of Russia and the English-speaking world, *Magia INNO: integrative tendencies in linguistics and linguodidactics. Collection of scientific papers in 2 volumes*. Vol. 1. Ed. D.N. Novikov. MGIMO University, Moscow, pp. 117–122. (In Russ.)

Guskova, S.V., 2017, Typology of modern regional mass media: (the case of Tambov mass media), *Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values*, vol. 9, no. 4, pp. 181–197. (In Russ.)

Dementeva, K.V., 2021, Development of Telegram-Channels in the Media Space of Russian Regions: Specificity, Typology, Development Prospects (On the Example of Telegram Channels of the Republic of Mordovia), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 20, no. 6, pp. 131–144. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-131-144> (In Russ.)

Evdokimov, V.A., 2024, Formation of content concepts for regional newspapers, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 122–125. (In Russ.)

Erofeeva, I.V., 2009, Concept «power» in media discourse: dihotomia of representation, *Bulletin of Transbaikal State University*, no. 1 (52), pp. 167–171. (In Russ.)

Zdanovskaya, L.B., 2022, General regularities of linguo-cognitive representation of conceptual opposition (aspect: creation – destruction), *Modern Studies of Social Issues*, vol. 14, no. 4, pp. 357–371. (In Russ.)

Inshakova, N.G., Zamotina, N.N., Khoroshilova, Zh.N., Boyko, V.N., 2019, Regional Russian newspapers: typological study, *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 8, pp. 101–114. (In Russ.)

Lobodenko, L.K., 2015, *Conceptual model of regional online media: cross-communicative aspects*. Dissertation ... Doctor of Philology. Moscow, 457 p. (In Russ.)

Muzafarov, V.R., 2023, Socio-political conditions for the functioning and existence of the Russian media in 2000–2023, *Media as a factor of human adaptation to social, economic and political changes: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 20–22, 2023)*, Ural University publ., Yekaterinburg, pp. 54–59. (In Russ.)

Ruzhentseva, N.B., 2022, Justice and Injustice: Speech Representation of Values and Anti-values in Modern Media Discourse (Based on the Material of Print Media), *Political Linguistics*, no. 2 (92), pp. 52–59. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/55140/1/plin-2022-02-05.pdf> (accessed: 25.04.2026). (In Russ.)

Rusakova, O.F., 2013, Media discourse as the concept of the discipline “Political communicativistics”, *Scientific Bulletin of BelSU. Series: Humanities*, no. 27 (170), issue 20, pp. 150–160. (In Russ.)

Rusakova, Yu.E., 2024, From Media Image of the Region to Concept-Ideologeme: Actual Conceptual Apparatus of Modern Russian Media Research, *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*, no. 4 (45), pp. 111–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-45-111-116>

Ryabkova, I.P., 2016, Intercultural political communication and translation problems: a conceptological approach, *Political Linguistics*, no. 1 (55), pp. 181–186. (In Russ.)

Sokol, N.A., Ulanovich, O.I., 2013, Conceptual structure of political discourse, *Linguistic Theory and Educational Practice*, ed. O.I. Ulanovich. BSU Publishing Center, Minsk, pp. 102–112. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No artificial intelligence tools were used to create this manuscript.

Конфликт интересов

Конфликт интересов отсутствует.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest.

Заявление о финансировании

Исследование выполнено в рамках госзадания ИБЭ ГБНУ АН РБ в 2026 г. НИР «Современное языковое пространство Республики Башкортостан в аспекте полилингвизма и постграмотности».

Funding statement

The research was carried out within the state assignment of the Institute of Bashkir Encyclopedia, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, in 2026. Research project: “Modern language space of the Republic of Bashkortostan in the aspect of multilingualism and post-literacy”.

Информация об авторе

Александр Степанович Кобыскан, кандидат филологических наук, Институт башкирской энциклопедии государственного бюджетного научного учреждения «Академия наук Республики Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0001-6454-2659>; e-mail: sgtpepper1989@yandex.ru

Information about the author

Alexander S. Kobyskan, Cand. Sc. (Philology), Institute of Bashkir Encyclopedia of the state budgetary scientific institution "Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan", Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-6454-2659>; e-mail: sgtpepper1989@yandex.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 30.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 15.06.2026

Семантика и символика цветообозначения «синий» в лингвокультуре калмыков и корейцев

Жанна Алексеевна Мукабенова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу цветообозначения «синий» (калм. *көк*, кор. 푸르다 / 파랗다) в калмыцкой и корейской лингвокультурах. Цвет является универсальной категорией, однако его восприятие и символическая нагрузка глубоко специфичны для каждого этноса, отражая особенности мировоззрения, религиозных верований, географической среды и культурно-исторического развития. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления как универсальных, так и этноспецифических черт в языковой картине мира двух народов, принадлежащих к разным языковым семьям, но имеющих общие восточные культурные корни. На материале фольклорных текстов (поговорок, пословиц, загадок), фразеологизмов и лексикографических источников анализируются семантические особенности, сочетаемость и оценочные коннотации синего цвета. В ходе исследования установлено, что в обеих культурах лексема «синий» охватывает широкий спектр оттенков, включая синий, голубой и зеленый, что является типологической чертой. Выявлены глубинные сходства: символизм вечности, верности, молодости, надежды и спокойствия. Однако обнаружены и значимые различия: в калмыцкой культуре синий цвет (*көк*) сакрален, связан с культом Вечного Синего Неба (Тенгри), мужским началом и родиной, в то время как в корейской лингвокультуре синий цвет (푸르다), наряду с позитивной семантикой (образование, учёность, статус), может приобретать негативные коннотации, символизируя страх, холод, незрелость и даже невежество. Особое внимание уделяется концепту «синяя птица», который в корейской традиции имеет амбивалентное значение. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и теории перевода. Автором статьи самостоятельно выполнен сбор, систематизация и анализ языкового материала из лексикографических и фольклорных источников по калмыцкому и корейскому языкам. Проведен сопоставительный анализ семантики, символики и оценочных коннотаций цветообозначения «синий» в двух лингвокультурах. Сформулированы выводы об универсальных и этноспецифических чертах восприятия синего цвета в традиционной картине мира калмыков и корейцев.

Ключевые слова: цветообозначение, синий цвет, лингвокультурология, калмыцкий язык, корейский язык, языковая картина мира, символика цвета, символизм, семантическая особенность

Для цитирования: Мукабенова, Ж.А., 2026. Семантика и символика цветообозначения «синий» в лингвокультуре калмыков и корейцев, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 180–186. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.16>

Semantics and symbolism of the color term “blue” in the linguoculture of Kalmyks and Koreans

Zhanna A. Mukabenova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of the colour term ‘blue’ (Kalmyk: көк; Korean: 푸르다 / 파랗다) in Kalmyk and Korean linguistic and cultural contexts. Colour is a universal category; however, its perception and symbolic significance are deeply specific to each ethnic group, reflecting the distinctive features of their worldview, religious beliefs, geographical environment and cultural and historical development. The relevance of this study stems from the need to identify both universal and ethno-specific features in the linguistic worldview of two peoples who belong to different language families but share common Eastern cultural roots. Drawing on folkloric texts (proverbs, sayings and riddles), idiomatic expressions and lexicographical sources, this study analyses the semantic features, combinatorial patterns and evaluative connotations of the colour blue. The study has established that in both cultures, the lexeme ‘blue’ encompasses a wide spectrum of shades, including blue, light blue and green, which is a typological feature. Deep-seated similarities have been identified: symbolism of eternity, fidelity, youth, hope and tranquillity. However, significant differences have also been found: in Kalmyk culture, the colour blue (көк) is sacred, associated with the cult of the Eternal Blue Sky (Tengri), the masculine principle and the homeland, whilst in Korean linguoculture the colour blue (푸르다), alongside positive connotations (education, scholarship, status), can take on negative connotations, symbolising fear, cold, immaturity and even ignorance. Particular attention is paid to the concept of the ‘blue bird’, which has an ambivalent meaning in Korean tradition. The findings of this study may be used in courses on linguoculturology, intercultural communication and translation theory. The author of the article independently collected, systematised and analysed linguistic material from lexicographical and folklore sources on the Kalmyk and Korean languages. A comparative analysis has been carried out of the semantics, symbolism and evaluative connotations of the colour ‘blue’ in the two linguistic and cultural contexts. Conclusions have been drawn regarding the universal and ethno-specific features of the perception of the colour blue in the traditional worldviews of the Kalmyks and Koreans.

Keywords: color term, blue color, linguoculturology, the Kalmyk language, the Korean language, linguistic worldview, color symbolism, symbolism, semantic feature

For citation: Mukabenova, Zh.A., 2026, Semantics and symbolism of the color term “blue” in the linguoculture of Kalmyks and Koreans, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 180–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.16>

Введение

Изучение цветообозначений является одним из актуальных направлений современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Как справедливо отмечает В.Г. Кульпина, «лингвистическая цветология приобретает все более конкретные черты» [Кульпина, 2019: 7], формируя самостоятельную научную парадигму. Цветообозначения представляют собой особую лексико-семантическую категорию, в которой находят отражение как универсальные закономерности восприятия, так и этноспецифические особенности мирозидения. Классические работы Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969] заложили фундамент для понимания универсалий в системе цветообозначений, доказав существование ограниченного набора базовых цветовых терминов и эволюционной схемы их появления в языках мира. Вслед за ними А. Вежицкая подчеркивала, что «цветовое восприятие является, вообще говоря, одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах» [Вежицкая, 1996: 238].

Востоковедные исследования убедительно демонстрируют, что в азиатских культурах цветовая картина мира имеет глубокие философские основания, восходящие к конфуцианству, буддизму и древним шаманским верованиям [Ли Чжеман, 2005; Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014].

Объектом данного исследования является цветообозначение «синий» в двух лингвокультурах – калмыцкой (монгольская группа) и корейской (изолированный язык). Выбор именно синего цвета обусловлен его особой символической нагруженностью в обеих традициях, а также наличием типологической черты – совмещением в одной лексеме значений синего, голубого и зеленого цветов. Как отмечает Д.Д. Санжина, для монгольских языков это явление типологически значимо [Санжина, 2018], а в корейском языке, по наблюдениям Л.В. Шим и И.С. Львовой, также наблюдается семантическое слияние синего и зеленого [Шим, Львова, 2007].

Методологическую основу исследования составляют труды А.П. Василевича по психолингвистике цвета [Василевич, 1987], работы Е.В. Рахилиной по семантике цветовых прилагательных [Рахилина, 2007], а также монография Н.Л. Жуковской, посвященная символике цвета в культуре монгольских народов [Жуковская, 2002]. Материалом для анализа послужили фольклорные тексты (пословицы, поговорки, загадки), фразеологизмы и лексикографические

данные калмыцкого и корейского языков. В работе используются методы сопоставительного, семантического и лингвокультурологического анализа.

Синий көк в калмыцкой лингвокультуре

В калмыцкой культуре синий цвет, обозначаемый лексемой *көк*, занимает особое, сакральное место. Как убедительно показала Н.Л. Жуковская, у монгольских народов «цветовая геосимволика неразрывно связана с пятью сторонами света и восходит к древним космологическим представлениям» [Жуковская, 2002: 195]. Значимость синего цвета восходит к древним верованиям монгольских народов, для которых культ Вечного Синего Неба (Тенгри, Мөңкө Көк Теңгр) был центральным до принятия буддизма. Синее небо выступало как верховное божество, источник жизни, покровитель и прародитель. Эта глубинная архаическая семантика накладывает отпечаток на все аспекты функционирования цветообозначения *көк* в языке и культуре.

В «Калмыцко-русском словаре» под редакцией Б.Д. Муниева зафиксирована многозначность лексемы *көк*. Ее первое значение – ‘синий, голубой; зеленый’ (*көк теңгр* ‘голубое небо’, *көк теңгс* ‘синее море’, *көк ноһан* ‘зеленая трава’). Эта особенность, когда одна лексема объединяет синий и зеленый цвета, как отмечает Д.Д. Санжина, «характерна для многих тюркских и монгольских языков и указывает на архаичность цветовой категоризации» [Санжина, 2018: 45]. Второе значение – ‘серый, сивый’ (о масти животных: *көк бор мөрн* ‘сивый конь’). Третье значение – ‘зеленый, неспелый’ (о плодах: *көк алымн* ‘зеленое яблоко’). Таким образом, калмыцкое *көк* охватывает цветовой спектр от синего до зеленого и даже серого, что является его важной типологической характеристикой.

Сакральность синего цвета ярко проявляется в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Как отмечает Г.Ц. Пюрбеев, цветоопределение *көк* в названиях оружия эпических персонажей (*көк кивр саадг* ‘огромный синий лук’, *көк луһин сумн* ‘волшебная синяя стрела’) подчеркивает его «небесное происхождение» и «чудесные волшебные свойства» [Пюрбеев, 1993: 64–65]. Синий цвет здесь – маркер силы, сакральности и божественного покровительства. В более широком фольклорном контексте *көк* ‘синий’ символизирует верность, преданность Родине, постоянство и ассоциируется с водной синью.

Анализ фразеологического фонда и паремий калмыцкого языка показывает как позитивные, так и нейтральные коннотации синего цвета, практически лишенные негативной оценочности. Например, пословица «*Көк теңгр аһарарн сән, күүкн кун седкләрн сән*» (‘Синее небо прекрасно чистым воздухом, а девушка (женщина) – душой’) проводит параллель между красотой неба и внутренней красотой человека, актуализируя положительный образ. Устойчивое выражение «*толһаннь ораһарн көк теңгерт күрх*» (‘достать головой голубое небо’) означает ‘быть на седьмом небе’, т. е. испытывать высшую степень счастья. Данные примеры подтверждают тезис А.П. Василевича о том, что «психолингвистический эксперимент позволяет выявить глубинные ассоциативные связи цветообозначений в национальном сознании» [Василевич, 1987: 52].

В калмыцких загадках-триадах (гурвнтс) цветообозначение *көк* также занимает важное место. Например, в триаде «три синих» перечисляются: «*Үүлн уга оһтрһу көк*» (‘Небо без облаков синее’), «*Өвчн уга делун көк*» (‘Селезенка без болезней синяя’), «*Усн цегән дала көк*» (‘Океан с прозрачной водой синий’). Здесь синий цвет выступает как эталон здоровья, чистоты и природной гармонии. В сочетании с названиями растений *көк* передает значение ‘зеленый’, описывая красоту и жизненную силу природы («*Үвл зун көкрэд бәэдг харһа көк*» – ‘Зеленеющая зимой и летом сосна’).

Важно отметить, что негативные коннотации для *көк* практически нехарактерны. Даже в выражениях, описывающих неблагоприятные природные явления, цвет выступает скорее как маркер, лишенный собственно отрицательной оценки. Например, «*Киштрх теңгрин көвә көк, керүлч күүнә урл көк*» (‘Если края неба синеют – к холоду, если у человека синие губы – признак скандалиста’) – здесь синий цвет является симптомом или предвестником, но сам по себе не несет оценочности.

Синий 푸르다 в корейской лингвокультуре

В корейском языке цветообозначение «синий» представлено несколькими лексемами, наиболее употребительными из которых являются исконные 푸르다 (phureuda) и 파랗다 (pharatha), а также китайское заимствование 청색 (靑色) (cheongsack). Как убедительно показывают исследования Л.В. Шим и И.С. Львовой, «восприятие цвета в корейском языке имеет глубокую культурную специфику, связанную с традиционной цветовой символикой» [Шим, Львова, 2007: 55]. Как и в калмыцком, корейское 푸르다 может обозначать не только синий, но и зеленый цвет, особенно в отношении травы, листвы и незрелых плодов. Это свидетельствует об общих для восточных

языков процессах формирования цветовой категории «сине-зеленый», что подтверждается универсалиями, выделенными в работе Берлина и Кея [Berlin, Kay, 1969].

Семантика синего цвета в Корее является многогранной и амбивалентной. С одной стороны, 푸르다 традиционно символизирует молодость, надежду, спокойствие, чистоту, весну и восток (в рамках конфуцианской теории пяти элементов и пяти направлений). Как пишет корейский исследователь Ли Чжеман, «синий цвет в этой системе соответствует элементу Дерева, востоку и весне, олицетворяя начало жизни, созидание и гармонию» [Ли Чжеман, 2005: 38]. Этот цвет ассоциируется с ученостью и благородством: выражение 청운의 꿈 ('мечта о синих облаках') означает высокое стремление, а 청사진 ('синий чертеж') – план будущего. Устойчивое выражение 청출어람 ('синее рождается из индиго, но превосходит его') является аллюзией на превосходство ученика над учителем, где синий цвет символизирует знание и талант (ср. наблюдения над аналогичной китайской идиомой и паремиями в том же значении в других языках [Ягафарова, Хусаинова, Куланчин, 2022: 87–93]).

Позитивная оценочность синего цвета проявляется в пословицах, связанных с природой и моральными качествами. Например, «푸른 소나무 절개는 겨울이 되어야 안다» ('Преданность синей сосны познается зимой') – здесь синий (зеленый) цвет сосны выступает символом верности и непоколебимости. Пословица «푸른 옷을 입을 때는 해나무를 잊지 말라» ('Когда носишь синюю одежду, не забывай о дереве, из которого делали краску') напоминает о необходимости благодарности и уважения к истокам и учителям. Как отмечает Е.В. Рахилина, «прилагательные цвета часто развивают переносные значения, основанные на культурных ассоциациях» [Рахилина, 2007: 35], что наглядно демонстрируют приведенные примеры.

Вместе с тем, синий цвет в корейской лингвокультуре несет и ярко выраженные негативные коннотации. В первую очередь, 푸르다 / 파랗다 символизирует холод, страх и ужас. Выражения '새 파랗게 질리다' ('стать ярко-синим') означают сильно испугаться, а '명이 들다' ('посинеть') – получить сильный ушиб. Страх связывается с посиневшим лицом. Кроме того, синий цвет означает незрелость, неопытность и молодость как недостаток: '푸르다' о человеке может означать 'быть молодым и неопытным'. Также синий цвет ассоциируется с неурожаем, бедствием и болезнью.

Амбивалентность синего цвета ярко проявляется в паремиях. Пословица «칠년 가뭄에 푸른빛을 볼 수 있으나 석 달 장마에 푸른빛을 볼 수 없다» ('При семилетней засухе можно увидеть синеву, но при трехмесячном сезоне дождей – нет') использует образ синего неба как символа редкой и желанной надежды среди бедствия. Однако есть и прямо противоположный образ – 파랑새 ('синяя птица'). В отличие от европейской традиции, где синяя птица – символ счастья, в некоторых корейских регионах «синяя птица выступает символом несчастья и беды», а цветообозначение «синий» приобретает «отрицательный характер» (пословица «파랑새 보고 며늘아기 곡식 뒷박 기운다» – 'Увидев синюю птицу, невестка прячет зерно', предвидя засуху и голод). Этот пример особенно интересен в свете наблюдений В.Г. Кульпиной о том, что «цветовые концептосферы не являются застывшими, они развиваются и эволюционируют» [Кульпина, 2019: 10], что подтверждается изменением символики синей птицы в корейской традиции.

Интересна оппозиция синего и красного цветов в корейской культуре. Синий (мужское начало, Ян, благородство, ученость) противопоставляется красному (женское начало, Инь, страсть, но также и простонародье). Это отчетливо видно в идиоме «빨간 상놈 푸른 양반» ('Красный простолюдин, синий дворянин'), где цвет выступает маркером социального статуса и воспитания.

Заключение

Сопоставление цветообозначений «синий» в калмыцкой и корейской лингвокультурах, проведенное в рамках лингвокультурологического подхода, позволяет выявить как глубокие сходства, так и значимые различия.

Сходства:

1. Семантическое поле: В обоих языках лексема «синий» охватывает также спектр зеленого и голубого цветов, что является типологической чертой и может свидетельствовать об архаичных этапах формирования цветовой категоризации [Berlin, Kay, 1969; Санжина, 2018].

2. Позитивная символика: В обеих культурах синий цвет тесно связан с образом неба, воды (моря), символизирует вечность, простор, спокойствие, чистоту и здоровье. Он также ассоциируется с молодостью, надеждой и позитивным будущим (как *көк теңгiр* – «голубое небо» как источник жизни; 청운의 꿈 – «мечта о синих облаках» как высокое стремление).

3. Символ верности и постоянства: В калмыцком эпосе синий цвет – символ верности Родине, в корейских паремиях («푸른 소나무...») – символ непоколебимой преданности. Оба народа наделяют синий цвет семантикой устойчивости и верности [Жуковская, 2002; Пюрбеев, 1993].

Различия:

1. Сакральность и теизм: для калмыцкой культуры синий цвет обладает ярко выраженной сакральной, теистической символикой, восходящей к культу Тенгри (Вечное Синее Небо). Это придает колоритиву *көк* статус одного из самых священных цветов, связанных с высшим божеством [Жуковская, 2002]. В корейской культуре сакральность синего цвета опосредована через конфуцианскую и буддийскую традиции, где он символизирует скорее моральные категории (ученость, благородство, гармонию с природой).

2. Амбивалентность: Калмыцкое *көк* практически лишено негативных коннотаций. Даже в описаниях холода или болезней цвет выступает как нейтральный признак. Корейское же 푸르다 / 파랗다 глубоко амбивалентно: наряду с позитивной символикой, оно прочно ассоциируется с такими негативными понятиями, как страх, ужас, холод, незрелость и даже беда (образ синей птицы) [Шим, Львова, 2007].

3. Социальная стратификация: В корейской лингвокультуре синий цвет является маркером социального статуса и образования (благородный синий дворянин vs. красный простолюдин) [Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014]. В калмыцкой культуре эта функция закреплена скорее за белым (*цаһан яста кун* – «человек белой кости»).

Таким образом, цветообозначение «синий» в калмыцкой и корейской лингвокультурах демонстрирует универсальную связь с природными стихиями (небо, вода) и позитивными ценностями (вечность, надежда). Однако глубинное культурно-историческое наполнение этого образа различается: от сакрально-теистического почитания у калмыков до амбивалентного, сочетающего морально-этические и социальные смыслы, с элементами негативной оценки у корейцев. Как отмечает В.Г. Кульпина, «лингвистическая цветология позволяет реконструировать ментальные установки этноса и воссоздать мировоззренческую систему универсума в целом» [Кульпина, 2019: 12], что и было продемонстрировано в данном сопоставительном исследовании.

Источники и материалы

Калмыcko-русский словарь, 1977. Под ред. Б.Д. Муниева. Москва: Русский язык, 768 с.

Хальмг келнэ келц үгмүдин толь, 1990. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 142 х. [*Фразеологический словарь калмыцкого языка*, 1990. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 142 с.] (на калм. яз.)

Список литературы

Василевич, А.П., 1987. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем*. М.: Наука, 140 с.

Вежицкая, А., 1996. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия, *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, с. 231–291.

Жуковская, Н.Л., 2002. *Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика*: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 247 с.

곽은희. 속담속 색채어의 의미 연구. 2018. [Квак, Ынхи, 2018. Исследование цветолексемов в корейских пословицах] (на кор. яз.)

Кульпина, В.Г., 2019. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер*: монография. Отв. ред. В.А. Татаринцев. М.: МАКС Пресс, 288 с.

이재만, 한국의 색, 일진사. 2005. [Ли, Чжэман, 2005. Цвет Кореи. Ильджинса] (на кор. яз.)

Мукабенова, Ж.А., 2024. *Лингвокультурная специфика цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев*. Дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 245 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая, 2007. Составление, перевод Б.Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 839 с.

Пюрбеев, Г.Ц., 1993. *Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды)*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 127 с.

Рахилина, Е.В., 2007. О семантике прилагательных цвета, *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ*. Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, с. 29–39.

Санжина, Д.Д., 2018. *Цветообозначение в монгольских языках: лингвокультурологический аспект*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. 134 с.

장경현, 속담속 색채표현의 의미형성. 한국어의 의미학, 25, 187–222. 2008. [Чжан, Гёнхён, 2008. Формирование значения цветовых выражений в пословицах, *Корейская семантика*, № 25, с. 187–222] (на кор. яз.)

Шим, Л.В., Львова И.С., 2007. «Восприятие цвета» в корейском языке, *Известия корееведения в Центральной Азии*, 2007, т. 14, с. 29–39. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/s8s4.shtml (дата обращения: 03.04.2026)

Ягафарова, Г.Н., Хусаинова, Л.М., Куланчин, А.Ю., 2022. Да превзойдет учителя ученик! (к этнокультурной специфике паремий), *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*, № 1 (62), т. 2, с. 87–93. URL: <https://bspu.ru/files/116593> (дата обращения: 03.04.2026)

Berlin, B., Kay, P., 1969. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press, 178 p. (на англ. яз.)

김 상 미 · 권 영 숙 전통색의 의미와 현대적 활용 방안에 관한 연구. 2014. [Ким Сан Ми, Квон Ен Сук, 2014. Исследование значений традиционных корейских цветов и способов их современного применения, *Журнал корейского традиционного костюма*, № 3, т. 17, с. 109–112] (на кор. яз.)

References

Vasilevich, A.P., 1987, *A study of vocabulary in a psycholinguistic experiment*. Nauka, Moscow, 140 p. (In Russ.)

Vezhbitskaya, A., 1996, Color designations and universals of visual perception, *Language. Culture. Cognition*. Russian Dictionaries, Moscow, pp. 231–291. (In Russ.)

Zhukovskaya, N.L., 2002, *Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism: Textbook*. Vostochnaya Literatura, Moscow, 247 p. (In Russ.)

Kwak, Eunhee, 2018, *A Study of Color Lexicons in Korean Proverbs*. (In Korean)

Kulpina, V.G., 2019, *Linguistic colorology: from history to modernity of color concept spheres: monograph*. Ed. V.A. Tatarinov. MAKS Press, Moscow, 288 p. (In Russ.)

Lee, Jae-man, 2005, *The color of Korea*. Iljinsa. (In Korean)

Mukabenova, Zh.A., 2024, *Linguocultural specificity of color designations in the linguistic picture of the world of Kalmyks and Koreans*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Elista, 245 p. (In Russ.)

Proverbs, sayings, and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China, 2007. Compiled and translated by B.Kh. Todaeva. Dzhangar, Elista, 839 p. (In Russ.)

Pyrbeev, G.Ts., 1993, *The epic “Dzhangar”: Culture and language (Ethnolinguistic studies)*. Kalmykskoje Knizhnoe Izdatel'stvo, Elista, 127 p. (In Russ.)

Rakhilina, E.V., 2007, On the semantics of color adjectives, *Color names in Indo-European languages: Systematic and historical Analysis*. Ed. A.P. Vasilevich. KomKniga, Moscow, pp. 29–39. (In Russ.)

Sanzhina, D.D., 2018, *Color designation in Mongolian languages: linguocultural aspect*. Buryat State University Press, Ulan-Ude, 134 p. (In Russ.)

Jang, Kyung-hyun, 2008, Formation of color expression meanings in proverbs, *Korean Semantics*, no. 25, pp. 187–222. (In Korean)

Shim, L.V., Lvova, I.S., 2007, “Perception of color” in the Korean language, *Newsletter of Korean studies in Central Asia*, vol. 14, pp. 29–39. (In Russ.)

Yagafarova, G.N., Khusainova, L.M., Kulanchin, A.Yu., 2022, May the student surpass the teacher! (to the ethnocultural specificity of proverbs), *Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Aknulla*, no. 1 (62), vol. 2, pp. 87–93. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49286911_15801827.pdf (accessed: 03.04.2026) (In Russ.)

Berlin, B., Kay, P., 1969, *Basic color terms: Their universality and evolution*. University of California Press, Berkeley, 178 p. (In Eng.)

Kim Sang-Mi, Kwon Young-Suk, 2014. A Study on the Meanings and Modern Applications of Korean Traditional Colors, *Journal of Korean Traditional Costume*, vol. 17, no. 3, pp. 109–12. (In Korean)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Жанна Алексеевна Мукабенова, кандидат филологических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-7527-7990>; e-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Information about the author

Zhanna A. Mukabenova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-7527-7990>; e-mail: mukabenova.ja@gmail.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 22.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026

Обращения в аспекте сопоставительной лингвокультурологии (на материале русского и башкирского языков)

Сулпан Рамилевна Нафикова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Аннотация. Этикет развивался как свод правил поведения, система разрешений и запретов, обобщающих в целом морально-нравственные нормы, регулирующих нормы проявления в речи нравственных ценностей, предписывающих необходимость соответствия речи моральным законам общества, а также внутреннему миру человека, его восприятию других людей. Возникновение и функционирование этикета имеет строгую практическую и моральную обусловленность. Первоначально изучение этикета в отечественном и зарубежном языкознании проводилось в этнографическом аспекте. На современном этапе исследование этикета осуществляется в аспекте межкультурной коммуникации. В каждом языке закреплены этикетные речевые формулы, употребление которых полностью зависит от ситуации общения (приветствие, прощание, благодарность, извинение, поздравление, соболезнование, комплимент и т. п.). Речевой этикет – это совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми. Речевой этикет представляет собой функционально-семантическую универсалию, перечень формул в разных языках идентичен, особенности его – в способах языкового выражения, что связано с менталитетом, традициями и обычаями народов. Наиболее предпочтительным представляется лингвокультурологический подход к проблеме изучения национально-культурной специфики речевого этикета. Национальные особенности речевого этикета проявляются прежде всего в выборе форм обращения. Основная функция обращения – привлечь и поддержать внимание собеседника. В статье рассматривается специфика функционирования обращений в русском и башкирском языках в сопоставительном аспекте (трехчленная система наименования лица, *ты-/Вы-*формы обращения, обращения к старшим и молодым людям, к детям, родителям, супругам, вышестоящим по должности в официальной и неофициальной среде и т. д.). В результате исследования выявлено, что обширная система обращений языков основывается на терминологии родства, на личных именах и их различных способах употребления.

Ключевые слова: этикет, речевой этикет, этноэтикет, межкультурная коммуникация, речевая формула, этикетная ситуация, лингвокультурология, национально-культурная специфика, обращение

Для цитирования: Нафикова, С.Р., 2026. Обращения в аспекте сопоставительной лингвокультурологии (на материале русского и башкирского языков), *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 187–198. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.17>

Addresses from the perspective of comparative linguistic and cultural studies (based on the Russian and Bashkir languages)

Sulpan R. Nafikova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature UFRC RAS,
Ufa, Russian Federation
E-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Abstract. Etiquette has developed as a set of rules and guidelines for behavior, a system that encapsulates moral and ethical standards, regulates the expression of values in speech, and prescribes the need for language to conform to societal norms and a person's inner world. The emergence and maintenance of etiquette are based on practical and moral considerations. Initially, the study of etiquette in both domestic and foreign linguistics was conducted from an ethnographic perspective. At the present stage, research into etiquette is carried out within the context of intercultural communication. Every language has established polite speech formulas, the use of which depends entirely on the communicative situation (greetings, farewells, expressions of thanks, apologies, congratulations, condolences, compliments, etc.). Speech etiquette is a set of rules governing people's speech behaviour, determined by the relationships between speakers and reflecting polite interactions between people. Speech etiquette is a set of rules that govern people's speech behavior, determined by the relationship between speakers and reflecting polite interactions between individuals. It is a functional-semantic universal, with similar lists of phrases across different languages. However, its unique features lie in the ways it is expressed linguistically, which are influenced by the mentality, traditions, and customs of different cultures. A linguo-cultural approach to the study of the national and cultural specificity of speech etiquette appears to be the most preferable. National characteristics of speech etiquette are manifested primarily in the choice of forms of address. The primary function of forms of address is to attract and maintain the interlocutor's attention. This article examines the specific features of how forms of address function in Russian and Bashkir from a comparative perspective (the three-part system of personal designation, the 'ты' and 'Вы' forms of address, forms of address for older and younger people, for children, parents, spouses, and superiors in both formal and informal settings, etc.). The research has revealed that the extensive system of forms of address in these languages is based on kinship terminology, personal names and their various modes of usage.

Keywords: etiquette, speech etiquette, ethno-etiquette, intercultural communication, speech formula, etiquette situation, linguoculturology, national-cultural specificity, form of address

For citation: Nafikova, S.R., 2026, Addresses from the perspective of comparative linguistic and cultural studies (based on the Russian and Bashkir languages), *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 187–198. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.17>

Введение

Первоначально изучение этикета в отечественной и зарубежной филологии проводилось в этнографическом аспекте [Бгажноков, 1978; Байбурин, 1988; Байбурин, Топорков, 1990]. Исследованию подвергались ситуации повседневного общения с точки зрения отражения национальных обычаев, обрядов. Со временем в этикете стали выделять речевое общение, роль которого во всех системах культуры сделала его объектом изучения не только специалистов по теории коммуникации, лингвистики и семиотики, но и психологов, социологов, этнографов. Бурный прогресс в этой области привел к образованию новых субдисциплин и отраслей научного знания, таких как паралингвистика, этнография речи, психолингвистика, проксемика, кинесика и др. В области этнографии сформировалась так называемая «этнография общения», ориентированная на выявление национально-культурной специфики коммуникативного поведения [Байбурин, 1988:14].

Отправной точкой в изучении речевого этикета как самостоятельного лингвокультурного феномена стала статья В.Г. Костомарова «Русский речевой этикет» (1967), посвященная описанию особенностей функционирования некоторых этикетных речевых единиц (обращений, приветствий и прощаний) в советском обществе. Речевой этикет рассматривается в первую очередь в контексте лингвострановедения и дидактики, связанных с изучением иностранных языков (Е.М. Верещагин. В.Г. Костомаров). Серьезное изучение системы речевого этикета в русистике было начато в 1960–1970 гг. (см. работы А.А. Акишиной и Н.И. Формановской) с учетом семантики, функций, этикетных ситуаций и этикетных ролей. В 80-е гг. XX в. в связи с появлением новой антропоцентрической парадигмы он стал изучаться в аспекте лингвокультурологии (В.И. Карасик, Т.В. Ларина, И.А. Стернин и др.). Конец XX–начало XXI в. ознаменовался новым подходом к анализу этикетных единиц, связанных с проблемами межкультурной коммуникации. Предусматривался анализ русского и английского этикета [Ларина, 2009; Лежнева, 2001; Тырникова, 2003; Улимбашева, 2003; Рисинзон, 2010], русского и немецкого этикета [Газизов, 2001; Комарова, 2005], русского и французского этикета [Тамбиева, 2004], русского и арабского этикета [Калинина, 2022] и др. Таким образом, этнокультурное изучение речевого этикета сначала формируется в индоевропеистике,

затем методы изучения начинают активно использоваться на материале языков России [Чойдон, 1998; Артаев, 2001; Федорова, 2003; Абдуллин, 2006; Сынбулатова, 2011 и др.].

Речевой этикет башкирского языка относится к разряду малоизученных [Салыхова, 2004; Ураксин, 2006; Сынбулатова, 2011; Хурамшина, 2016], комплексные монографические исследования по нему отсутствуют. В башкирском языке единицы речевого этикета рассматриваются как неотъемлемая часть народных обычаев и обрядов [Султанов, 1982; Валеев, 1983; Рахматуллина, 2004, 2023; Султангареева, 2006; Баязитова, 2010], а не как самостоятельное лингвокультурное явление, поэтому актуальным для исследования этикетных форм представляется этнокультурный подход к их анализу.

На современном этапе изучение речевого этикета проводится в аспекте межкультурной коммуникации, так как его национально-культурная специфика наиболее ярко проявляется при сопоставительном анализе данных единиц в разноструктурных языках [Хисамова и др., 2025; Нафикова, 2026].

Речевой этикет – это «правила поведения, принятые в речевом общении между людьми» [Формановская, 2002]. Под этикетными формулами понимаются принятые в данном языковом коллективе устойчивые, равнозначные по структуре слову, словосочетанию или предложению высказывания, которые используются в типичных ситуациях вежливого контакта с собеседником. Этикетные формулы непосредственно связаны с ситуацией общения, имеющей стереотипный характер. Подобная ситуация общения определяется как этикетная, к которой относятся ситуации обращения, приветствия, прощания, просьбы, благодарности, извинения, поздравления и др. В отношении этикетных ситуаций важную роль играет принцип последовательности, т.е. этикетная формула является своеобразным стимулом, на который ожидается вполне определенная ответная реакция: на приветствие – приветствие, на вопрос – ответ, на просьбу – согласие или отказ и т.п. Несоблюдение принципа последовательности вызывает однозначно негативную реакцию собеседника и расценивается как грубость.

Исследователями этикетные формулы как средства реализации вежливости рассматриваются в двух направлениях: 1) в контексте общих стратегий речевого поведения; 2) с позиций теории речевых актов.

Несмотря на то, что описание речевого этикета в современном языкознании осуществляется весьма успешно, следует отметить, что статус этикетных высказываний остается неопределенным. Ученые используют для их обозначения разные термины: формулы речевого этикета (Н.И. Формановская), этикетные речевые акты (Н.И. Формановская), этикетные речевые единицы (Э.С. Ветрова), эмотивные речевые акты (А. Вежбицкая, Л.А. Пиотровская, М.Ю. Федосюк), оценочные речевые акты (Е.М. Вольф), ритуальные речевые жанры (Т.Т. Васильева, Т.В. Шмелева), глаголы этикетного поведения (А. Вежбицкая), этикетные жанры (Т.В. Тарасенко), эмоционально-оценочные речевые акты (В.Г. Гак), конвенционально этикетные формулы (Г. Золотова), экспрессивные речевые акты (Н.А. Трофимова), перформативы (Г.Г. Почепцов), социальные перформативы (Н.К. Рябцева), этикетные действия (В.И. Карасик), неинформативные речевые акты (В.Г. Гак), формулы социального этикета (Н.Д. Арутюнова), речевые ритуалы (Ю.Д. Апресян) и др. Такое терминологическое разнообразие свидетельствует о сложности и противоречивом характере изучаемого явления.

Поскольку речевой этикет представляет функционально-семантическую универсалию, то перечень таких формул в разных языках идентичен, особенности его – в способах языкового выражения, что связано с менталитетом, традициями и обычаями народов.

Обязательным этапом любой ситуации общения является привлечение внимания собеседника, поддержка контакта и регулирование отношений в течение всего взаимодействия общающихся. К речевым средствам реализации данных коммуникативных задач относятся обращения.

Статья посвящена актуальным проблемам изучения национально-культурной специфики речевого этикета русских и башкир в ситуации обращения. Объектом исследования является ситуация обращения, предметом – формулы, используемые в ситуации обращения в русском и башкирском языках.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе структурных компонентов ситуации обращения, которые характеризуются глубокой национальной спецификой в сопоставляемых языках.

В работе используются описательный, сопоставительный методы, которые позволяют выявить универсальные и национально-специфические особенности этикетных формул в русском и башкирском языках.

Обращение как элемент речевого этикета

Обращение – категория сложная и неоднозначная, отличающаяся внутренней противоречивостью и полифункциональностью. По справедливому замечанию В.Е. Гольдина, обращение – «одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания и регуляции человеческого общения» [Гольдин, 1987: 4].

Впервые термин «обращение» появился в «Кратком руководстве к красноречию» М.В. Ломоносова (1952), в котором понимался как средство, украшающее речь. В словарях слово «обращение» толкуется через производящий глагол «обратиться»: «Направить свои слова, речь и т. п. к кому-л., чему-л. Обратиться к собеседнику (к молодому человеку, к присутствующим, к слушателям, к собравшимся, к приглашённым, к гостям, к залу, к публике, к зрителям, к аудитории, к народу, к людям доброй воли ...)» [Ожегов, 1984]. Традиционно под обращением понимают слово или сочетание слов, называющее того, к кому или чему обращаются с речью.

В русском языкознании обращение стало объектом изучения в работах А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, рассматривающих его как особую синтаксическую единицу, которая не попадает в систему выделяемых членов предложения. В академических грамматиках, в учебниках по русскому языку обращение отнесено к синтаксису наравне с вводными словами и конструкциями, также выведенными за рамки линейной структуры предложения. Синтаксическая природа обращения исследовалась в работах Н.Д. Арутюновой, В.В. Бабайцевой, И.И. Ковтуновой, Н.Ю. Шведовой, В.П. Проничева, Н.И. Улиссина и других лингвистов.

Обращение принадлежит к зоне речевого этикета, поскольку «с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнеров, их социальных и личных взаимоотношениях» [Формановская, 2002: 86].

Как отмечают исследователи (Н.Д. Арутюнова, А.П. Леонтьев, Е.В. Гольдин и др.), в процессе коммуникации речевые формулы обращений реализуют различные функции, среди которых основными являются: номинативная (называние лица, которому адресована речь, выделение его из ряда других лиц); апеллятивная (призыв адресата, привлечение его внимания); контактная (установление, поддержание и завершение контакта с собеседником). В каждой конкретной ситуации общения одна из перечисленных выше функций становится главной, на которую накладываются факультативные функции: экспрессивная или оценочно-характеризующая (оценка собеседника, выражение отношения к нему адресанта); регулятивная (регулирование отношений между коммуникантами); волюнтаривная (побудительная, призвана вызвать у адресата определенную реакцию) и др.

Выбор обращений в каждой конкретной ситуации, как правило, регулируется рядом факторов: 1) тип ситуации общения (официальная, неофициальная, полуофициальная); 2) степень знакомства с адресатом (незнакомые, малознакомые, хорошо знакомые, находятся в родственных отношениях и т. д.); 3) социальные характеристики участников диалога (пол, возраст, уровень образования, социальный статус, место проживания и др.); 4) обстановка общения (праздничная, будничная и т. д.); 5) характер субъектно-адресатных отношений (дружеские, интимные, конфликтные и т. д.); 6) принадлежность коммуникантов к определенному типу культуры [Формановская, 1987].

Таким образом, на основе семантики и реализуемых функций в процессе коммуникации обращения классифицируются на: 1) обращения-апеллятивы (выполняют апеллятивную функцию – не называя адресата, привлекают его внимание и побуждают к ответной реакции); 2) обращения-индексы (выполняют номинативную функцию – называют адресата по какому-либо признаку); 3) обращения-регулятивы (выполняют социально-регулятивную функцию – регулируют отношения между собеседниками); 4) обращения-экспрессивы (выполняют эмоционально-оценочную функцию – характеризуют или оценивают адресата по какому-либо признаку и выражают отношение к нему со стороны говорящего) [Ветрова, 2018]. При этом важно учитывать полифункциональный характер исследуемых речевых единиц.

В башкирском языке исследования обращений в аспекте речевого этикета отсутствуют, имеются лишь некоторые наблюдения над использованием тех или иных языковых единиц в функции обращения (Дж.Г. Киекбаев, Х.Г. Юсупов, Грамматика современного башкирского литературного языка, З.И. Салыхова, Г.Н. Ягафарова и др.) или рассматриваются их отдельные особенности в философских, этнографических обзорах по башкирскому этикету (З.Я. Рахматуллина, Р.Р. Баязитова и др.). Комплексных исследований сопоставительного плана до сих пор не предпринималось.

Этнокультурная специфика употребления обращения в русском и башкирском языках

Антропонимы в функции обращения

Основная функция обращения – привлечь и поддержать внимание собеседника. Русскую речевую культуру отличают способы обращения к лицам. Русскому менталитету свойственна

трехчленная система наименования лица: фамилия, имя и отчество (*Иван Сергеевич Попов*). Называние по имени-отчеству – свидетельство определенной степени уважения к взрослому человеку (*Анна Васильевна, Степан Николаевич*). Обращение по имени или по имени-отчеству обеспечивает переключение тональности общения. Имя-отчество типично связывается с *Вы-*формами общения. Подобная форма обращения утвердилась со второй половины XVIII в. (<https://ru.wikipedia.org>). Среди пожилых людей, особенно сельских жителей или выходцев из деревень, возможно обращение лишь по отчеству (*Васильевна, Николаевич*).

В башкирской речевой культуре трехчленная система обращений появилась и начала использоваться вслед за русской речевой культурой в начале XX века. При этом отчество в литературном башкирском языке принято обозначать в форме *имя отца+улы / кызы*: *Салим улы* (досл. ‘сын Салима’, ‘Салимович’), *Урал кызы* (досл. ‘дочь Урала’, ‘Ураловна’), но на практике чаще всего используется русский вариант обращения (*Салимович, Ураловна*). В разговорной речи допустимо использование только отчества в русской форме (*Юлаевич, Батыровна*). Следует отметить, что согласно принятым правилам этикета отчество русского человека в башкирском языке остается без изменений (*Андреевич, Петр Андреевич*). В башкирском языке обычно принято обращение по имени среди сверстников и в семье. Однако имеются некоторые ограничения: как и у других тюркских народов, у башкир существует запрет в употреблении личных имен в общении среди различных социумов: 1) в семейно-родственном кругу: между родителями и детьми, между супругами, между старшими и младшими, например, супруги называют друг друга при детях не по имени, а *атаһы* ‘отец’ и *әсәһе* ‘мать’. Дети также не должны называть имен отца и матери; 2) в общественном кругу: между учителями и учениками, между начальниками и подчиненными [Ураксин, 2006: 430–432].

В русской языковой традиции для обращения к молодым людям и детям в официальной и неофициальной среде употребляют только имя и фамилию, супруги обращаются друг к другу по имени.

Различаются обращения в письменной и устной речи башкир. Обычно начало письменного обращения, помимо имени и отчества, непременно содержит какой-либо один из эпитетов: «Хөрмәтле Урал Салауат улы!»; «Кәҙәрле Урал Салауат улы!», что делает обращение более сердечным, искренним. Неиспользование эпитета приводит к сухости, даже резкости тона. В подобных случаях в русском языке применяются эпитеты «уважаемый, многоуважаемый, дорогой, дражайший, бесценный», сердечность которых усиливается с помощью притяжательных местоимений *мой, наш*: «Дорогой Иван Иванович! Дорогой мой / наш Иван Иванович!». Иное наблюдается в устной речи. Если обращение напрямую к собеседнику «Иван Иванович!» является нормой в русском общении, то в башкирской культуре прямое обращение «Урал Салауат улы!» вызовет некоторое замешательство, т. к. подобное использование имени-отчества в разговорной речи будет восприниматься неестественно, как стремление говорящего обратиться подчеркнуто официально, с соблюдением всех требований, принятых в письменной речи. В таких случаях предпочтение отдается русифицированной форме «Урал Салаватович!».

Особенностью русских антропонимов является наличие полной и краткой форм имен (*Екатерина – Катя, Василий – Вася*). Сокращенная форма имени наиболее употребительна в повседневном общении. Для некоторых свойственно использование нескольких кратких имен (*Георгий – Гоша, Жора, Гога*). Для тюркоязычных это представляет определенную трудность, т. к. в тюркской языковой традиции подобное использование не принято. Обращение в форме полного паспортного имени (*Татьяна, Владимир*) используется сравнительно редко и создает официальную тональность общения. По отношению к молодежи, как правило, употребляют полную форму имени, а по отношению к детям – неполную (*Андрей Чистяков, Андрюша Чистяков*).

В башкирском языке имена существуют в единственном варианте и приветствуется имянаречение более длинным именем [Султангареева, 2006]. В башкирской традиции сколь бы длинным ни было имя, его сокращение недопустимо. Часто русскоязычное население тюркские имена своих друзей склонно сокращать (*Гульназ – Гуля, Галия – Галя*). Более того, имен с компонентом *Гуль* в башкирском языке довольно много (*Гульсаяк, Гульмарьям, Гульгайша, Гулия, Гульшат, Гульдар* и т. д.), и все они именуются одинаково – *Гуля*. Речевая культура башкир не допускает такого обращения. В башкирском именнике антропонимы часто двукомпонентны (*Мөхәмәтйәр, Сәлихйән, Гөлнәзирә, Динислам, Гөлмәрйәм* и т. д.), при этом однокомпонентное имя функционирует как отдельное имя: к примеру, *Мурат* и *Ишмурат* – самостоятельные имена.

В башкирском языке сокращения наблюдаются в псевдонимах писателей. В «Грамматике современного башкирского литературного языка» отмечается, что «существуют аббревиатуры и усечения инициального типа: 1) образования из сочетаний начального звука именем: *Ғ. Сәләм* (*Ғәлимов Сәләм*) ‘Г. Салам’; 2) образования начального звука имени с усеченной фамилией:

М. Тажетдинов ‘М. Тажи’; 3) образования из сочетаний усеченного имени и фамилии с частичным изменением первого: *Мостай Кәрим (Мостафа Кәримов)* ‘Мустай Карим’; 4) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Баязит Бикбай (Баязит Бикбаев)* ‘Баязит Бикбай’; *Сәләх Кулибай (Сәләх Кулибаев)*, *Шәриф Биккол (Шәриф Бикколов)*; 5) образования из сочетаний целого имени с усеченной фамилией: *Назар Нәжми (Назар Нәжметдинов)*; 6) образования из сочетаний целого имени с усеченной и измененной фамилией *Ғәйнан Әмири (Ғәйнан Әмиров)*, *Мәжит Ғафури (Мәжит Ғафуров)*» [Грамматика современного башкирского литературного языка, 1981: 115]. Вышеприведенное показывает допустимость сокращения отдельных слов в актах искусственной номинации. Такие слова приживаются в языке, являются прецедентными именами, т. к. закрепляют за ними значения единичных проявлений культуры.

Система антропонимов отличается тем, что к именам могут присоединяться уменьшительные аффиксы как в русском, так и в башкирском языках. В русской речевой традиции имена, к которым присоединяются уменьшительные суффиксы, довольно экспрессивны и часто получают ласкательный оттенок (*Машенька, Машуня, Сашенька, Сашок*). Непринужденный тон придают усеченные формы существительных: *Зинь, Вань, Пал Палыч, Сан Саныч*.

В башкирском языке «аффиксы типа *-ай, -кай*, которые принято считать аффиксами уменьшительности, при присоединении к личным именам начинают выражать значения вежливости, уважительного обращения; они призваны передавать почтительное отношение именуемого к именуемому, что особенно характерно для мужских антропонимов» [Ягафарова, 2018: 321]: *Мәзинәкәй, Изеүкәй, Азнакай, Мостай, Миңлекәй, Колсок, Ишмәк* и др. Усеченных форм в башкирском языке нет, они передаются интонационно.

Вокативная функция антропонимов наблюдается и в сфере обращений к животным: клички как имена животных выполняют функцию обращений к ним (*Машка, Борька, Васька*). Как представляется, такая традиция является довольно поздним приобретением в русской культуре, т. к. известный лексикограф В.И. Даль особо отмечал, что «собаку грешно кликать человеческим именем» [Даль, 2006: 252]. Однако позже данное указание было забыто, сейчас личные имена людей – это и клички животных. Более того, отдельные антропонимы настолько закрепились в виде кличек, что в русских говорах как людские имена просто не воспринимаются. Об этом пишет И.Б. Качинская: «Имена, которые часто используют как клички животных, воспринимаются негативно (*Филя, Машка, Роза, Васька*). Информанты однажды очень сокрушались, как человеку можно было дать «козье» имя – *Роза*. То же произошло с именем *Марта*. Однако и достаточно распространенное имя *Васька* больше маркировано как «кошачье», а не человеческое» [Качинская, 2018: 73].

По-другому обстоят дела с кличками в башкирской культуре. По наблюдениям Г.Н. Ягафаровой, человеческие тюркские имена у башкир могут быть даны только людям, что прослеживается не только в назывании питомцев, но и при именовании персонажей башкирских сказок [Ягафарова, 2016б]. При этом интересно отметить тот факт, что использование русских антропонимов в качестве кличек встречается повсеместно: *Мишки, Машки, Зорьки, Зойки* (обязательно с аффиксом *-ка*), будучи элементами чужой антропонимической системы и не соотносясь в сознании с каким-либо человеком, называют бычков, коров и т. д. [Ягафарова, 2016б: 159]. Как видим, башкирская культура ставит ограничения в употреблении антропонимов и в этом аспекте.

Таким образом, антропонимы в функции обращения обладают рядом особенностей, присущих каждой национальной речевой культуре. Знание их специфики дает возможность выстраивать эффективную межкультурную коммуникацию в ситуации билингвального пространства, коим является Республика Башкортостан.

Термины родства в функции обращения

В ситуации семейного общения в обеих культурах термины родства вовлекаются в обращения. В русской речевой культуре при обращении детей к родителям свой отпечаток накладывают индивидуальные особенности каждой семьи. В русском языке обращение к родителям связывается обычно с формой на *ты*, однако в русской культуре иногда в деревенских семьях используется сочетание обращения с формой на *вы* [Крылова, Пескова, 2025]. Гораздо чаще употребляются обращения *мама* и *папа*. Т.А. Рычкова, анализируя динамику номинаций родителей в русской речевой культуре, приходит к выводу, что в досоветский период преобладало разнообразие ласковых и вежливых форм (*матушка, маменька, батюшка, папенька*), в советский период доминируют нейтральные формы *мама* и *папа*, а ласковые уступают место разговорным и сниженным (*маманы, папка, батя*), в постсоветский период увеличивается использование неформальных форм (*мамуля, папашка*) [Рычкова, 2025: 155]. В этом отношении башкирская языковая культура располагает однозначно выделяемыми терминами родства: *әсәй, атай, апай* и т.д. Различия могут возникать

вследствие использования диалектных вариантов: *инай, эней, этей* или сложившейся традиции обращения в семье: *энна, эттэ, эткэй, энкэй*.

Обращения *бабушка (өләсэй, картәсэй)* и *дедушка (олатай, картатай)*, даже если обладают уменьшительно-ласкательными суффиксами, воспринимаются как нейтральные. Возможны варианты *бабуся, баб, ба, дедуся, деда*, в башкирском языке – *өләс*.

В русском языке со стороны родителей по отношению к детям могут употребляться обращения *сын, дочь*, в башкирском языке в этих случаях обязательны аффиксы притяжательности 1-го лица: *улым, кызым*. В обоих языках могут использоваться уменьшительно-ласкательные аффиксы, при этом башкирский материал устойчиво сохраняет аффиксы притяжательности: *сынок, сыночек – улыкас, улыкасым, улыкайым, улыкайгынам; дочка, доченька – кызыкайгынам, кызсыгым*.

Обращения *тетя, дядя* используют в разных ситуациях: прежде всего при обращении к родственникам старше себя либо старше родителей, чаще всего в сочетании с именем собственным: *дядя Петя, тетя Валя*.

Обращение *брат* редко употребляется в отношении к родному или двоюродному брату, чаще оно используется по отношению к неродственному, лицу любого пола и возраста, в том числе к девушке, женщине: *паря-брат, брат-парень, ребята-братцы, девки-ребята-братцы, девка-паря, девки-матушки* [Качинская, 2018]. Таким образом, в вокативе могут объединяться или стираться родственные, социальные и гендерные отношения. И в русском, и в башкирском языках употребляются формы: *Ну, братцы, держитесь! Ну, брат, давай! Шулай ул, брат! Ну, тугандар, һау булайык. Мин һиңә әйтәйем, туган*.

В башкирском языке обращение градуируется. В первую очередь это обширная система обращений башкирского языка, которая основывается прежде всего на терминологии родства даже при отсутствии между коммуникантами фактического родства. Если человек старше говорящего, но младше его родителей, используется форма обращения *имя+агай / апай (Аниса-агай, Салават-агай)* или просто *агай (апау, апайым), агай*. Лишь ровесник и человек помладше называются по имени. Однако в настоящее время под влиянием русской языковой среды наблюдается использование только имени. К близким родственникам у башкир принято употреблять термин родства с каким-либо эпитетом (*алма-апа* ‘сестра-яблочко’, *сибар-апа* ‘красивая сестра’).

Особое отношение в башкирской среде всегда было к людям образованным, учителям, к которым почтительно обращались со словами *агай / апай* или добавляли эти термины к собственным именам (*Мәхмүт агай, Юлай агай*). Вместе с тем обращение к учительницам закрепилось в форме *апа (Айгуль-апа, Зифа-апа)*. Например: *Апа, мин беләм* ‘Учительница (досл. ‘сестра’), я знаю’.

Выражение уважительного отношения к старшим и к высшим по должности, к незнакомым людям с помощью *Вы*-формы изначально не было присуще башкирскому языку. В башкирской традиции даже к царям башкиры обращались на *ты*. В настоящее время в окружении русскоязычной среды обращение на *Вы (Һез)* стало нормой. Также в общении между начальником и подчиненными в обращении не было принято употреблять личных имен. Обращались с помощью слов *түрә* ‘начальник’, *бай*, добавляли к имени слова *агай* ‘брат’, *апай* ‘сестра’, что создавало атмосферу почтительности.

Частое употребление терминов родства в вокативной функции способствовало переходу обращения в междометие – восклицание, способное выражать крайнее удивление, восхищение, радость, испуг, раздражение и другие эмоции (*батюшки!, батюшки мои!, мама моя!, ой мамочки!*) [Качинская, 2018: 220]. В башкирском языке при испуге говорят *атакайым!, әсәкәйем!*, если в русском языке эти междометия часто сопровождаются местоимением *мой*, то в башкирском, в котором притяжательность выражена аффиксом (*-ым, -ем*), нет: *матушки мои – әсәкәйем*.

Собственно междометия могут использоваться в функции обращения. При этом подобное обращение предполагает неформальный, неофициальный тон общения, часто пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику.

В башкирском языке выделяют 14 междометий, используемых при обращении. Среди них *эй, һэй* используется для установления контакта в разговорной речи, междометия *ә, әу* – при оклике; *А (а-а), Ай-һай, И (и-и), О (о-о)* – для усиления эмоциональной выразительности при обращении [Исянгулова, 2025: 107–110]. Междометие *эй* в русском и башкирском языках выражает пренебрежительное отношение, упрек, имеет негативный оттенок (*эй, ты – эй, һин*).

Таким образом, и в русском, и в башкирском языках национальные особенности речевого этикета проявляются прежде всего в выборе форм обращения.

Заключение

Национальная специфика речевого общения складывается из очень тонких нюансов, которые на первый взгляд невидимы, не осознаются носителями языка. Область обращений, используемых для

установления контакта, привлечения внимания, выражения оценки или субъективного отношения говорящего к собеседнику, складывается на основе определенных групп слов, выполняющих функцию вокативов.

В данном исследовании мы остановились на сопоставительном изучении русских и башкирских обращений. Как показал анализ, в обоих языках в качестве обращения используются антропонимы, идентифицирующие того, к кому обращаются. В русском языке личные имена в функции обращения применяются более широко, модель русского обращения стала образцом в разработке правил речевого этикета в национальных республиках, в т. ч. в Республике Башкортостан: использование в официально-деловом общении обращения *имя+отчество*, образование отчества посредством русских *-ович /-евич* и *-овна/-евна* стали нормой в тюркоязычных регионах, исторически не имевших подобных обращений. Между тем исторически сложившиеся формы обращения в среде тюрков, в частности, башкир показывают свою устойчивость, т.к. в ситуациях неформального, неофициального общения башкиры придерживаются исторически сложившихся норм. Так, в башкирском языке применение имен имеет ограничения, обусловленные особенностями культуры, в которой архиважным является признание старшинства.

В тюркском обществе обращения в большей степени представлены терминами родства, развитость которой помогает безошибочно определить адресата. В русском языке прослеживается меньшее количество терминов родства, вследствие чего конкретизация адресата осуществляется с помощью обязательного употребления антропонимов. Применение личных имен в качестве кличек животных (в том смысле, что клички – это обращения к животным) допускается ныне в русской культуре, но абсолютно неприемлемо в башкирской.

Такая разновидность вокативов, как междометия, содержит обычно семантику пренебрежительного отношения к собеседнику, т. к. обращение при помощи междометия (*эй!*) без личного имени показывает неуважительное отношение к собеседнику (говорящий не потрудился узнать имени того, к кому обращается). В башкирской культуре форма *эй* также может трактоваться как неуважение, но применение междометий *эй, әу* смягчает резкость, присущую форме *эй*.

Таким образом, обращения в русской и башкирской речи, несмотря на наличие ряда сходств, появившихся в результате многолетнего тесного общения народов, тем не менее обладают существенными различиями, обусловленными историческим развитием языка и этнокультурной спецификой народа-носителя. В дальнейшем изучение обращений в сопоставительном аспекте представляется перспективным направлением в исследовании вопросов культуры речевого общения.

Список литературы

- Абдуллин, А.А., 2006. *Этические выражения в современном татарском литературном языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 26 с.
- Артаев, С.Н., 2001. *Калмыцкий речевой этикет: лингвистический и социокультурный аспекты*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 157 с.
- Байбурин, А.К., 1988. Об этнографическом изучении этикета, *Этикет у народов Передней Азии*. М.: Наука, с. 12–37.
- Байбурин, А.К., Топорков, А.Л., 1990. *У истоков речевого этикета. Этнографический очерк*. Л.: Наука, 167 с.
- Баязитова, Р.Р., 2010. *Традиционный семейный этикет башкир*. Уфа: Изд. БГПУ, 218 с.
- Валеев, Д.Ж., 1983. *Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее*. Уфа: РИО БашГУ, 127 с.
- Ветрова, Э.С., 2018. *Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте*. Донецк: ДонНУ, 399 с.
- Газизов, Р.А., 2001. *Коммуникативное поведение немецкой и русской лингвокультурных общностей: на материале речевого этикета*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Гольдин, В.Е., 1987. *Обращение: теоретические проблемы*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 130 с.
- Грамматика современного башкирского литературного языка*, 1981. Отв. ред. А.А. Юлдашев. М.: Наука, 495 с.
- Даль, В.И., 2006. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., т. 1. М.: РИПОЛ классик, 752 с.
- Зэгиймаа Чойдон, 1998. *Категория вежливости и ее выражение в русском и монгольском речевом этикете*. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 275 с.
- Исянгулова, Г.А., 2025. *Звательные слова в современном башкирском языке*. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 220 с.

- Калинина, Г.С., 2022. *Речевой этикет в разноструктурных языках*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 24 с.
- Качинская, И.Б., 2018. *Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров)*. М.: Индрик, 288 с.
- Комарова, Д.Ф., 2005. *Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках*. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 166 с.
- Крылова, И.А., Пескова, Е.А., 2025. Обращения супругов к их родителям на основе отношений по свойству в русской культуре, *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, т. 25, вып. 1, с. 24–33. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-24-33>
- Ларина, Т.В., 2009. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 512 с.
- Лежнева, И.И., 2001. *Социолнгвистическое развитие английского и русского речевого этикета (на материале форм обращения, формул приветствия и прощания)*. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 166 с.
- Нафикова, С.Р., 2026. Речевой этикет в условиях межкультурной коммуникации: проблемы взаимодействия русской и башкирской языковых моделей, *Ахмет Жубанов и современная музыкальная наука. Материалы Междунар. науч.-практич. конф., приуроченной к 120-летию со дня рождения академика Ахмета Куановича Жубанова*. Алматы: ARNA-B, с. 135–140.
- Ожегов, С.И., 1984. *Словарь русского языка*. Около 57000 слов, под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой, 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 797 с.
- Рахматуллина, З.Я., 2004. *Этикет как ценность культуры*. Уфа: Гилем, 240 с.
- Рахматуллина, З.Я., 2023. *Традиционные ценности башкир: история и современность*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 216 с.
- Рисинзон, С.А., 2010. *Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 57 с.
- Рычкова, Т.А., 2025. Динамика номинаций родителей в русской речевой культуре, *Litera*, № 7, с. 154–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.7.74199>
- Саляхова, З.И., 2004. *Средства выражения вежливости в современном башкирском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 21 с.
- Султангареева, Р.А., 2006. *Жизнь человека в обряде (фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов)*. Уфа: Гилем, 344 с.
- Султанов, Ф.Ф., 1982. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир, *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*. М.: Наука, с. 101–111.
- Сынбулатова, А.Ю., 2011. *Башкирский речевой этикет: семантика и средства выражения (на материале произведений З. Бишиевой)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 26 с.
- Тамбиева, Ф.А., 2004. *Приветствие как коммуникативная ситуация во французском, русском и карачаево-балкарском языках*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 23 с.
- Тырникова, Н.Г., 2003. *Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 167 с.
- Улимбаева, Э.Ю., 2003. *Категория вежливости в разных лингвокультурных традициях (на материале, русского, английского и кабардинского языков)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 24 с.
- Ураксин, З.Г., 2006. Табу на личные имена в речевом этикете башкир, *Русский язык в полиэтнической среде: социокультурные проблемы лингвистического образования*. Уфа, с. 430–432.
- Федорова, В.С., 2003. *Формулы якутского речевого этикета*. Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 188 с.
- Формановская, Н.И., 1987. *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*. М.: Русский язык, 158 с.
- Формановская, Н.И., 2002. *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*. М.: Русский язык, 210 с.
- Хисамова, Г.Г., Усманов, Р.Ш., Махмутова, А.С., Исакова, Н.З., 2025. О национально-культурной специфике речевого этикета (на материале русского и башкирского языков), *Казанская наука*, № 3, с. 507–510.
- Хурамшина, А.Р., 2016. *Речевой жанр комплимента в башкирской лингвокультуре*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 18 с.
- Ягафарова, Г.Н., 2016а. Имя и имянаречение в языковом сознании башкир, *Ономастика Поволжья. Материалы XV Междунар. науч. конф.*, под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. Арзамас: ООО «Интерконтакт», с. 149–152.

Ягафарова, Г.Н., 2016б. Фольклорные имена: о чем они говорят (на примере башкирских богатырских сказок), *Известия Уральского федерального университета*, сер. 2, Гуманитарные науки, т. 18, № 2 (151), с. 155–168. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.2.035>

Ягафарова, Г.Н., 2018. Уменьшительные аффиксы в башкирских антропонимах, *Тюркская ономастика: от истоков до современности. Материалы Междунар. науч.-практ. конф.*, Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, с. 319–323.

References

Abdullin, A.A., 2006, *Ethical expressions in modern Tatar literary language*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Kazan, 26 p. (In Russ.)

Artaev, S.N., 2001, *Kalmyk speech etiquette: linguistic and sociocultural aspects*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 157 p. (In Russ.)

Bayburin, A.K., 1988, On the ethnographic study of etiquette, *Etiquette among the peoples of Western Asia*. Nauka, Moscow, pp. 12–37. (In Russ.)

Bayburin, A.K., Toporkov, A.L., 1990, *At the origins of speech etiquette. Ethnographic essay*. Nauka, Leningrad, 167 p. (In Russ.)

Bayazitova, R.R., 2010, *Traditional family etiquette of the Bashkirs*. Bashkir State Pedagogical University publ., Ufa, 218 p. (In Russ.)

Valeev, D.Zh., 1983, *Moral culture of the Bashkir people: past and present*. Editorial and publishing department of Bashkir State University, Ufa, 127 p. (In Russ.)

Vetrova, E.S., 2018, *Etiquette speech units in a comparative aspect*. Donetsk State University publ., Donetsk, 399 p. (In Russ.)

Gazizov, R.A., 2001, *Communicative behavior of German and Russian linguacultural communities: based on speech etiquette*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences, Ufa, 24 p. (In Russ.)

Goldin, V.E., 1987, *Appeal: Theoretical Problems*. Publishing House of Saratov University, Saratov, 130 p. (In Russ.)

Grammar of the modern Bashkir literary language, 1981. Eds. A.A. Yuldashev. Nauka, Moscow, 495 p. (In Russ.)

Dahl, V.I., 2006, *The explanatory dictionary of the living great Russian language*, vol. 1, RIPOL klassik, Moscow, 752 p. (In Russ.)

Zegiimaa Choydon, 1998, *The category of politeness and its expression in Russian and Mongolian speech etiquette*. Dissertation ... Doctor of Philological Sciences, Moscow, 275 p. (In Russ.)

Isyangulova, G.A., 2025, *Vocal words in the modern Bashkir language*. Ufa University of Science and Technology publ., Ufa, 220 p. (In Russ.)

Kalinina, G.S., 2022, *Speech etiquette in languages with different structures*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences, Kazan, 24 p. (In Russ.)

Kachinskaya, I.B., 2018, *Kinship terms and the linguistic picture of the world (based on Arkhangelsk dialects)*. Indrik, Moscow, 288 p. (In Russ.)

Komarova, D.F., 2005, *Pragmalinguistic features of wishes in the German and Russian languages*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Tomsk, 166 p. (In Russ.)

Krylova, I.A., Peskova, E.A., 2025, Addresses of spouses to their parents based on affinity relationships in Russian culture, *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, vol. 25, iss. 1, pp. 24–33. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-24-33> (In Russ.)

Larina, T.V., 2009, *The category of politeness and communication style: A comparison of English and Russian linguocultural traditions*. Languages of slavic cultures, Moscow, 512 p. (In Russ.)

Lezhneva, I.I., 2001, *Sociolinguistic development of English and Russian speech etiquette (based on forms of address, greeting, and farewell formulas)*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Voronezh, 166 p. (In Russ.)

Nafikova, S.R., 2026, Speech etiquette in conditions of intercultural communication: problems of interaction between Russian and Bashkir language models, *Akhmet Zhubanov and modern music science. Materials of the International Scientific-Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of academician Akhmet K. Zhubanov*. ARNA-B, Almaty, pp. 135–140. (In Russ.)

Ozhegov, S.I., 1984, *Dictionary of the Russian language*. About 57, words, ed. doc. Philology sciences, prof. N.Yu. Shvedova, 16th ed., rev. Russian language, Moscow, 797 p. (In Russ.)

Rakhmatullina, Z.Ya., 2004, *Etiquette as a cultural value*. Gilem, Ufa, 240 p. (In Russ.)

Rakhmatullina, Z.Ya., 2023, *Traditional Bashkir values: History and modernity*. Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences, Ufa, 216 p. (In Russ.)

- Risinzon, S.A., 2010, The general and the ethnocultural in Russian and English speech etiquette. Dissertation abstract ... Doctor of Philological Sciences. Saratov, 57 p. (In Russ.)
- Rychkova, T.A., 2025, The dynamics of parental nominations in Russian speech culture, *litera*, no. 7, pp.154–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.7.74199> (In Russ.)
- Salyakhova, Z.I., 2004, *Means of expressing politeness in the modern Bashkir language*. Dissertation abstract ... Doctor of Philological Sciences. Ufa, 21 p. (In Russ.)
- Sultanov, F.F., 1982, Some features of the communicative behavior of Tatars and Bashkirs, *National and cultural specificity of speech communication of the peoples of the USSR*. Nauka, Moscow, pp. 101–111. (In Russ.)
- Synbulatova, A.Yu., 2011, *Bashkir speech etiquette: semantics and means of expression (based on the works of Z. Biisheva)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 26 p. (In Russ.)
- Tambieva, F.A., 2004, *Greeting as a communicative situation in French, Russian and Karachay-Balkar*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Pyatigorsk, 23 p. (In Russ.)
- Tyrnikova, N.G., 2003, *General and specifically national in speech etiquette (based on Russian and English)*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Saratov, 167 p. (In Russ.)
- Ulimbaeva, E.Yu., 2003, *The category of politeness in different linguocultural traditions (based on Russian, English, and Kabardian)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Nalchik, 24 p. (In Russ.)
- Uraksin, Z.G., 2006, Taboo on personal names in the speech etiquette of the Bashkirs, *Russian language in a multiethnic environment: sociocultural problems of linguistic education*. Ufa, pp. 430–432. (In Russ.)
- Fedorova, V.S., 2003, *Formulas of Yakut speech etiquette*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Yakutsk, 188 p. (In Russ.)
- Formanovskaya, N.I., 1987, *Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects*. Russian language, Moscow, 158 p. (In Russ.)
- Formanovskaya, N.I., 2002, *Speech communication: a communicative-pragmatic approach*. Russian language, Moscow, 210 p. (In Russ.)
- Khisamova, G.G., Usmanov, R.S., Makhmutova, A.S., Iskhakova, N.Z., 2025, On the national and cultural specifics of speech etiquette (based on the material of the Russian and Bashkir languages), *Kazanskaya Nauka*, no. 3, pp. 507–510. (In Russ.)
- Khuramshina, A.R., 2016, *The speech genre of compliment in Bashkir linguoculture*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 18 p. (In Russ.)
- Yagafarova, G.N., 2016a, Name and naming in the linguistic consciousness of the Bashkirs, *Onomastics of the Volga region. Materials of the 15th International. scientific Conference*, ed. L.A. Klimkova, V.I. Supruna. Interkontakt LLC, Arzamas, pp. 149–152. (In Russ.)
- Yagafarova, G.N., 2016b, Folklore names: What do they talk about (using the example of Bashkir heroic tales), *News of the Ural Federal University, series 2, Humanities*, vol. 18, no. 2 (151), pp. 155–168. <https://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.2.035> (In Russ.)
- Yagafarova, G.N., 2018, Diminutive affixes in Bashkir anthroponyms, *Turkic onomastics: from origins to the present day. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan (Volga Region) Federal University*, Kazan, pp. 319–323. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Сулпан Рамилевна Нафикова, кандидат филологических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0003-8123-3219>; e-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Information about the author

Sulpan R. Nafikova, Cand. Sc. (Philology), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0003-8123-3219>; e-mail: sulpan_bgu@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 20.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 05.06.2026

Принята к публикации / Accepted 10.06.2026

Исследование смыслообразующих функций «символического образа чая» в произведениях русской литературы

Хуншэн Ши

Институт иностранных языков Аньхойского университета,
Хэфэй, Китайская Народная Республика
E-mail: 1766285604@qq.com

Аннотация. Китайский чай, поступив в Россию по «Чайному пути», постепенно сублимировался из материального товара в литературный символический образ, обладающий российской национальной спецификой. В данной статье на основе комплексного использования различных методов анализа документальных источников, исторического анализа, текстуального анализа и сравнительного исследования, а также теоретических подходов семиотики, рецептивной эстетики, имагогенеза, теории культурного архетипа и концепции «объективного коррелята» Т.С. Элиота систематически рассматриваются процесс формирования «символического образа чая» в России и его смыслообразующие функции в произведениях русской литературы. Путем анализа таможенных тарифов 1724 и 1766 гг., уставных документов и сатирической периодики XVIII в. установлено, что к середине XVIII в. чай утвердился в России в качестве основного напитка, а в литературе (в частности, в «Трутне» Н.И. Новикова) начал проявляться зачаток его метафоры психологического исцеления. В XIX–XX вв. смыслообразующие функции совокупности «символического образа чая» были всесторонне раскрыты в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и В.Г. Распутина. Данный символический образ выполняет шесть смыслообразующих функций: прояснение позиции (политическая метафора у А.С. Пушкина и противопоставление ценностей у А.П. Чехова), построение сюжета (регуляция повествовательного ритма в «Евгении Онегине»), создание ситуации (микроутопия в «Станционном смотрителе» и ее ирония), углубление идеи (социальная критика в «Мужиках», национальная идентичность и культурная память в «Прощании с Матёрой»), характеристика персонажей (двойственность Раскольников, очищение души Липы в «В овраге»), обозначение времени и места действия (временные маркеры в «Дуэли», ироническая отсрочка в рассказе «На гвозде»). Эти функции демонстрируют ценность гибкого эстетического знака, обладающего высокой адаптивностью, и раскрывают закономерность локализационной реконструкции инокультурного образа: от материального восприятия через поведенческое освоение к психологической символизации. Исследование вносит вклад в понимание механизмов межкультурной рецепции и имеет практическую значимость для стратегий распространения национальной культуры за рубежом.

Ключевые слова: «символический образ чая», русская литература, смыслообразующая функция, локализационная реконструкция, чаепитие, самовар, межкультурное распространение

Для цитирования: Ши, Хуншэн, 2026. Исследование смыслообразующих функций «символического образа чая» в произведениях русской литературы, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 199–213. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.18>

A study of the meaning-conveying functions of the “symbolic image of tea” in works of Russian literature

Hongsheng Shi

Institute of Foreign Languages, Anhui University,
Hefei, China
E-mail: 1766285604@qq.com

Abstract. After Chinese tea was introduced into Russia along the “Tea Road”, it gradually evolved from a material commodity into a symbolic image in literature imbued with Russian national characteristics. This article, based on the integrated use of various methods – analysis of documentary sources, historical analysis, textual analysis, and comparative analysis as well as theoretical approaches such as semiotics, reception aesthetics, imagology, the theory of cultural archetypes, and T.S. Eliot’s conception of the “objective correlative”, systematically examines the formation of the “symbolic image of tea” in Russia and its meaning-conveying in works of Russian literature. Through an analysis of customs duties of 1724 and 1766, regulatory documents, and satirical periodicals of the 18th century, it is established that by the mid-18th century tea had become a staple beverage in Russia, and that literature (specifically, in N.I. Novikov’s “The Drone”) saw the emergence of a rudimentary metaphor for psychological healing. In the 19th–20th centuries, the signifying functions of the “symbolic image of tea” aggregate were fully revealed in the works of A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov, and V.G. Rasputin. This imagery performs six signifying functions: articulating authorial stance (political metaphor in A.S. Pushkin and opposition of values in A.P. Chekhov), structuring the plots (regulation of narrative rhythm in Eugene Onegin), rendering situations (micro-utopia in “The Stationmaster” and its irony), deepening themes (social criticism in “Peasants”, national identity and cultural memory in “Farewell to Matyora”), characterizing figures (Raskolnikov’s duality, the purification of Lipa’s soul in “In the ravine”), and indicating time and place (time markers in “The Duel”, ironic delay in the story “On the nail”). These functions demonstrate the value of a highly flexible aesthetic symbol with great adaptability and reveal the pattern of localized reconstruction of a foreign cultural imagery: from material perception through behavioral appropriation to psychological symbolization. The study contributes to the understanding of mechanisms of cross-cultural reception and has practical significance for strategies of disseminating national culture abroad.

Keywords: “symbolic image of tea”, Russian literature, meaning-conveying function, localized reconstruction, tea drinking, samovar, cross-cultural dissemination

For citation: Shi, Hongsheng, 2026, A study of the meaning-conveying functions of the “symbolic image of tea” in works of Russian literature, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 199–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.18>

Введение

В данной статье на основе комплексного использования различных методов исследования и теоретических подходов ставится цель систематически рассмотреть процесс генезиса и эволюции «символического образа чая» в России, а также его смыслообразующую функцию в произведениях русской литературы.

Методы исследования. Путем анализа исторических документов России XVIII–XIX вв. (таких как таможенные документы, устав военного училища, сатирический еженедельник и др.), а также исторических материалов по чайной торговле между Китаем и Россией, реконструируется исторический процесс проникновения чая в российское общество и его постепенного распространения. Методом исторического анализа на основе сравнения импортно-экспортных таможенных пошлин на чай, кофе и хмель в разные периоды (1724 и 1766 гг.) анализируются движущие факторы эволюции чая в России: от драгоценного товара до повседневного напитка и далее до культурного символического образа. Методом текстуального анализа известных произведений русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.Г. Распутина и др.) рассматривается и интерпретируется конкретная реализация смыслообразующей функции «символического образа чая». Проводится горизонтальное и вертикальное сравнение использования «символического образа чая» в разных произведениях одного писателя или у разных писателей с целью выявления различий и эволюции его смыслообразующей функции. В качестве общей теоретической рамки в данной статье применяется теория литературного символического образа. Дополнительно привлекаются такие подходы, как семиотика, рецептивная эстетика, имагогенез, теория культурного архетипа и теория «объективного коррелята» Т.С. Элиота. Эти подходы служат теоретической опорой для анализа трансформации «символического образа чая» от материального свойства к эстетическому знаку. Комплексное применение вышеуказанных методов исследования и теоретических подходов обеспечивает эмпирическую основу, историческую глубину и теоретическую высоту проведенного исследования.

Первое упоминание о чае в российских источниках датируется 1638 г. Как сообщается: «В России, в первый раз, явился чай при Царе Михаиле Федоровиче, в 1638 году, когда посол Василий

Старков, возвращаясь от Алтынского хана, привез Царю в подарок 200 пачек Китайского чая. В это время с Китаем мы не имели еще никаких сношений и в торговле чаю не знали; привезенный же от хана начали употреблять в Москве только при дворе и нашли его приятным и целебным» [Ржанов, 1856: 9–10]. С этого момента началась история чаепития в России. Слово «чай» употреблялось на первых порах в большей степени как название лекарственного растения. Заимствовано, по мнению китайских исследователей, непосредственно из китайского языка (во второй половине XVII в. уже установились прочные связи Московского государства с Китайской империей) [Лю Гохуа, 2012: 55]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается на заимствование слова через турецкий, крымскотатарский, татарский, киргизский, алтайский, уйгурский, монгольский из северо-китайского *chā* [Фасмер, 1987: 311]. В 1689 и 1727 гг. правительства Китая и России подписали соответственно Нерчинский и Кяхтинский договоры, благодаря чему сформировался международный торговый путь с китайским чаем в качестве основного товара – «Чайный путь», который стал другим важным маршрутом, соединившим Евразию после «Великого шелкового пути».

По мере расширения китайско-российской чайной торговли китайский чай и чайная культура через этот древний торговый путь оказали глубокое влияние на различные аспекты российского общества, экономики и повседневной жизни. *«А китайский чай в конечном итоге стал ключом к освоению Сибири. Чайный путь, подобно реке, несущей элементы цивилизации, непрерывно вливался в этот бескрайний и первозданный край, орошая его водами материальной культуры, просвещая и цивилизуя его»* [Дэн Цзюган, 2000: 16]. В России, по мере того как чай постепенно распространялся из высшего общества к простому населению, его функции также эволюционировали от лекарства, подарка, напитка до культурного носителя и культурного символического образа. Потребительская ценность чая была широко признана, благодаря чему он не только приобрел богатое культурное содержание, но и стал нести глубокий эстетический смысл.

Символический образ (image) – это эстетический знак в литературном произведении, который через конкретный предмет несет в себе абстрактные эмоции, идеи или ценностные суждения. Когда определенный предмет многократно появляется в конкретном культурном контексте и постепенно приобретает относительно устойчивое символическое значение, он возвышается до культурного символического образа. Культурный символический образ не только отражает жизненные обычаи народа, но и воплощает его историческую память, ценностные ориентации и эстетические идеалы. О символических образах Се Тяньчжэнь точно заметил: *«Они постоянно появляются в языке людей, в художественных произведениях из поколения в поколение (включая устные произведения народных умельцев и письменные произведения литераторов), постепенно формируясь в культурные символы, обладающие относительно устойчивыми и уникальными культурными значениями, а некоторые из них несут в себе богатые и глубокие ассоциации»* [Се Тяньчжэнь, 1999: 180].

Так называемый «символический образ чая» – это конкретизированный эстетический знак, сформированный на основе «чая» как прототипа-носителя и переосмысленный через субъективные чувства и культурное познание автора. В русской литературе «чай» (включая само действие «чаепития»), а также такие предметы, как «самовар», «чайник», наделены богатым идейным содержанием и символическим значением, образуя совокупность «символических образов чая», которые в разных произведениях выполняют уникальные смыслообразующие функции. Таким образом, возникновение и эволюция «символического образа чая» в русской литературе являются не только результатом распространения китайской чайной культуры за рубежом, но и процессом выбора, трансформации и творческого переосмысления инокультурного элемента российской национальной культурной психологией.

Образ чая в российской культуре привлекал внимание исследователей с разных точек зрения. И.А. Соколов утверждал, что во второй половине XIX в. чай как важный элемент довольствия выдавали российским солдатам в сложных условиях (например, в Сибири) и в дозорах во время боевых действий [Соколов, 2009: 32]. В.И. Фадеева считала, что в произведениях русских классиков чай эволюционирует от воплощения целостности до мрачного символа утраты единства, отражая перелом в русском сознании [Фадеева, 2025: 82]. А.А. Самофатова выясняла, что чаепитие в русском обществе – это не только показатель богатства и высокого статуса, но и гостеприимства, благополучия, спокойствия, стабильности [Самофатова, 2021: 143]. Е.В. Маломанова и В.Н. Алексеенко считали, что чай является значимой частью культурного наследия России [Маломанова, Алексеенко, 2025: 512]. М.С. Симакова исследовала поэтические свойства и функции чая в их соотношении с обрядово-игровой стороной народной жизни [Симакова, 2006: 5]. В.Г. Мехтиев исследовал семиотику чая в русской литературе первой половины XIX в. [Мехтиев, 2025: 129]. А.А. Комлова и А.О. Петрова изучали семиотику и культурную роль темы чаепития

в русской классической литературе XIX в. [Комлова, Петрова, 2025: 29]. И.В. Бурдин считал, что чай как мотив русской литературы XIX в. сформировал художественный концепт «чай» [Бурдин, 2023: 75–76]. Цзоу Сюэцян с позиций лингвокультурологии, сопоставляя китайскую и русскую чайные культуры, показал, как языковые различия в контексте чайной культуры применяются в обучении русскому языку [Цзоу Сюэцян, 2010: 189–191]. Т.К. Кулабухова, С.Е. Осиневич и Л.Г. Климова считали, что чайные традиции русского искусства раскрывают эстетические представления людей о красоте окружающего мира и их вкусы [Кулабухова, Осиневич, Климова, 2021: 167]. В.М. Семенов в своей энциклопедии дал всестороннее описание чая и замечал, что общение за чаепитием сближает людей [Семенов, 2006: 301]. С.И. Маджаева и П.В. Рудакова доказывали, что чай – собирательное явление, объединяющее знания из кулинарии, медицины, истории, мифологии, эстетики, философии и культуры [Маджаева, Рудакова, 2021: 14].

До сих пор не проводилось систематического рассмотрения процесса генезиса «символического образа чая» в России и использования его смыслообразующих функций в произведениях русской литературы.

Рассмотрим смыслообразующие функции «символического образа чая» в произведениях русской литературы с двух сторон: с точки зрения исторического возникновения и литературного использования.

Процесс локализации инокультурных предметов зачастую сопровождается репродукцией знаковых значений. Превращение чая в России из предмета роскоши в повседневный напиток – это не только распространение материального потребления, но и перестройка смысловой системы, что заложило культурно-психологическую основу для вхождения «символического образа чая» в литературную сферу.

Генезис «символического образа чая» в России в XVIII в.

Проникновение чая, производимого в Китае, на российский рынок в крупных масштабах стало возможным прежде всего благодаря специальной тарифной политике, установленной российским правительством на импортные и экспортные пошлины на чай. В документе «Тариф Санкт-Петербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов», подписанном Петром I в 1724 г., зафиксированы следующие размеры импортных пошлин на три вида товаров (табл. 1):

Таблица 1. Импортные пошлины 1724 г.

Table 1. Import duties of 1724

Товар	Размер пошлины
Чай (1 фунт)	10 копеек [Тариф..., 1724: 34]
Хмель (1 пуд)	20 копеек [Там же: 33]
Кофе (1 пуд)	1 рубль [Там же: 22]

Сравнение показывает, что пошлина на чай была самой высокой, и чай относился к ценным импортным товарам России.

В этом же документе были зафиксированы также экспортные пошлины (табл. 2):

Таблица 2. Экспортные пошлины 1724 г.

Table 2. Export duties of 1724

Товар	Размер пошлины
Чай (1 фунт)	3 копейки [Там же: 45]
Хмель (1 пуд)	10 копеек [Там же: 44]
Кофе	беспошлинно [Там же: 38]

Сравнивая экспортную тарифную политику в отношении этих трех товаров, можно сделать следующие выводы: 1) чай был дефицитным товаром в России того времени и пользовался большим спросом, чем кофе; 2) на момент введения тарифной политики 1724 г. чай оставался

дорогим товаром, а его полезные свойства еще не получили широкого признания среди российского населения.

С течением времени признание чая в России постепенно росло, а вместе с ним увеличивалось и потребление. Коллежский советник и профессор Г.Ф. Миллер по поручению Екатерины II составил в 1764 г. доклад о посольстве в Китай. В нем говорилось: «*Чай есть необходимая вещь в китайском торгу, потому что мы к нему привыкли и от него отстать трудно*» [Бантыш-Каменский, 1882: 404]. Согласно статистическим данным, с 1762 по 1785 г. среднегодовой объем ввоза чая в Россию через Кяхту составлял около 30 тыс. пудов, что равнялось примерно 15 % общей стоимости китайских экспортных товаров [Силин, 1947: 146].

В период правления Екатерины II объем внешней торговли России неуклонно возрастал, соответственно увеличивались и таможенные доходы [Чечулин, 1906: 217–218].

В документе «Тариф о сборе пошлин в портовых и пограничных таможенных, с привозных и отвозных товаров», подписанном Екатериной II в 1766 г., были приведены импортные (табл. 3) и экспортные (табл. 4) пошлины на следующие три вида товаров:

Таблица 3. Импортные пошлины 1766 г.

Table 3. Import duties of 1766

Товар	Размер пошлины
Чай (1 фунт)	52 ½ копейки [Тариф..., 1766: 76]
Хмель (1 пуд)	78 ½ копейки [Там же: 76]
Кофе (1 пуд)	2 рубля 34 ½ копейки [Там же: 33]

Таблица 4. Экспортные пошлины 1766 г.

Table 4. Export duties of 1766

Товар	Размер пошлины
Чай	запрещен к вывозу [Там же: 76]
Хмель (1 пуд)	19 ¼ копейки [Там же: 76]
Кофе	запрещен к вывозу [Там же: 33]

На основе анализа политики импортных и экспортных пошлин на чай, кофе и хмель в России в 1724 и 1766 гг. можно сделать вывод, что в 60-е гг. XVIII в. чай уже стал основным напитком в России, его популярность превысила популярность кофе и пива, эти факторы доказали глубокое и широкое проникновение чая в повседневную жизнь российского народа.

11 сентября 1766 г. в России был опубликован сборник документов под названием «Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества», в котором в качестве приложения приводились правила воспитания детей в различных аспектах. В этих правилах, касающихся требований к мытью в русской бане, упоминался чай: «*Не надобно пить вина виноградного, ни водок или спиртов крепких; а можно от жажды умеренно употреблять такое питье, которого бы теплота равна была с теплотой воздуха банного, например, полпиво, квас или чай*» [Бецкой, 1766: 233]. Отсюда следует, что признание чая со стороны российского правительства и дворянства способствовало дальнейшему распространению чая в России, что, в свою очередь, благодаря его широкой популярности привело к постепенному возникновению культурных коннотаций в образе чая.

«Трутень» – первый в России сатирический еженедельник. В его 31-м номере от 24 ноября 1769 г. приводился рецепт лечения пристрастия к спорам с помощью холодного чая. «*Для утоления же охоты к спорам, давать ему в холодном чаю по 30 горьких капель в день. Капли сии именуется истинное о вещах понятие. Сие нечувствительно охоту к спорам уменьшит, и больной выздоровеет*» [Новиков, 1769: 242–243]. Данный отрывок носит сатирический характер, намекая на то, что холодный чай способен исцелять душевнобольных, страдающих раздражительностью и склонностью к препирательствам. Таким образом, чай, несущий в себе лучшие идеи китайской культуры, оказывал на людей в России целительное действие от психических недугов и

способствовал очищению души. Здесь автор наделил чай метафорической функцией, и это является зачатком постепенного превращения чая в культурный образ в России.

С точки зрения имагогенеза «символический образ чая» в этот период находился еще на стадии зарождения, а его смыслообразующая функция проявлялась главным образом в метафорическом психологическом исцелении. Метафора является самым исходным способом функционирования символического образа – уподобление абстрактного «правильного понимания» материальному, «принимаемому как чайные капли», совершает семиотический скачок от материальных свойств к духовным, закладывая основу для богатого символического использования в последующей литературе.

Ниже будут проведены сравнительный анализ и текстуальное чтение «символического образа чая» в репрезентативных произведениях разных периодов.

Использование «символического образа чая» в русской литературе

По мере того как потребительская ценность чая получала широкое признание в России, его социальное значение и эстетическое содержание также становились все более очевидными. С точки зрения смыслообразующей функции литературы символический образ не является простым воспроизведением объективной реальности, а представляет собой результат отбора, трансформации и комбинирования, осуществляемых писателем, благодаря чему предметный образ обретает символическое значение, выходящее за пределы самого себя. Таким образом, «символический образ чая» постепенно интегрировался в российскую культурную сферу, получил широкое применение в литературных произведениях и в настоящее время стал эстетическим символическим образом, обладающим российской национальной идентичностью.

Отбор произведений для анализа в данной статье подчиняется следующим принципам: хронологическая репрезентативность (XIX–XX вв.), жанровое разнообразие (поэзия, проза, драма), принадлежность авторов к классическому канону и, главное, наличие в произведениях ярко выраженной смыслообразующей функции символического образа чая. Из широкого круга произведений, где упоминается чай, отобраны те, в которых этот образ выполняет одну или несколько из шести функций, выделяемых в настоящем исследовании. Такой подход позволяет целенаправленно рассмотреть творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и В.Г. Распутина как наиболее показательное для демонстрации эволюции и многообразия смыслообразующей функции символического образа чая в русской литературе.

С развитием русской литературы смыслообразующая функция «символического образа чая» стала широко использоваться русскими писателями в таких аспектах, как прояснение позиции, построение сюжета, создание ситуации, углубление идеи, характеристика персонажей, обозначение времени и места действия. Ниже с помощью метода текстуального анализа проводится интерпретация «символического образа чая» в конкретных произведениях.

Прояснение позиции: политическая метафора и противопоставление ценностей. В 1829 г. А.С. Пушкин в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» писал:

*Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;*

...

*Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!*

Как дева русская свежа в пыли снегов! [Пушкин, 1946: 68–69]

2 ноября 1829 г. на пути из Москвы в Санкт-Петербург А.С. Пушкин остановился в усадьбе Вульфа в Тверской губернии и написал это стихотворение. В это время до его женитьбы оставалось два года. Из-за заключенных в своих произведениях идей справедливости А.С. Пушкин вызвал недовольство царского правительства и был отправлен в своеобразную ссылку. В этом стихотворении А.С. Пушкин, выражая стремление к пламенной любви, метафорически обосновывал поддержку политических идеалов декабристов. Символический образ «утреннего чая» в стихотворении через конкретно-чувственное восприятие горячего чая в зимний день метафорически раскрывает каталитическую роль гуманистических идеалов в социальных преобразованиях. Этот символический образ воодушевляет человека и пробуждает в нем деятельную энергию,

символизируя, что именно идеи декабристов, проникнутые гуманистическим духом, являются тем «светлым» и «прогрессивным» идеалом, который призван изменить темное крепостническое общество.

Использование А.С. Пушкиным символического образа «утреннего чая» воплощает творческий принцип «объективного коррелята», предложенный Элиотом. «Объективный коррелят» требует превращения абстрактных эмоций в совокупность конкретных предметных образов, чтобы читатель, воспринимая эти образы, непосредственно получал эмоциональное переживание. В этой перспективе «утренний чай» – это уже не просто напиток, а преобразование политического идеала в осязаемую сцену повседневной жизни: чашка горячего чая зимним утром является одновременно и катализатором телесного пробуждения, и метафорой духовного пробуждения.

«Символический образ чая» в творчестве А.П. Чехова также имеет значение «праздности» и «неспешности» и находится в оппозиции к «деятельности» и «созидательности». Чехов в пьесе «Вишневый сад», опубликованной в 1903 г., писал: *«Лопухин. До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятина он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...»* [Чехов, 1944: 405]

В этой пьесе А.П. Чехов сопоставляет «чаепитие» с будущим «хозяйствованием» и устами «нового человека» Лопухина образно разъясняет: «усердное освоение», «практическая деятельность» – это новые идеи, олицетворяющие направление общественного развития России в начале XX в. Таким образом, мы можем видеть, что дворяне в данном произведении, вследствие своего потребительского образа жизни, неизбежно утрачивают способность к социальному выживанию и в конечном счете сходят с исторической сцены, будучи вытесненными разночинцами-практиками. Таким образом, А.П. Чехов создает конфликт ценностей между традицией и современностью.

Используя метод сравнительного исследования для рассмотрения того, как разные писатели обращаются с одним и тем же символическим образом, можно обнаружить, что «чаепитие» здесь наделено отрицательным значением «пассивного безделья», что резко контрастирует с «активным воодушевлением» у А.С. Пушкина. Один и тот же символический образ в разные эпохи и у разных писателей несет диаметрально противоположные ценностные суждения, что как раз иллюстрирует динамическую порождаемость культурного символического образа – его смыслообразующая функция всегда обусловлена конкретным историческим контекстом и идеологической позицией писателя. Данное горизонтальное сравнение показывает, что «символический образ чая» – это не застывший, неизменный знак, а носитель смысла, текучего вместе с творческим субъектом и духом времени; его интерпретация обладает исторической относительностью.

Построение сюжета: повествовательный ритм и контрастная подготовка. Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» был создан в 1823–1831 гг. В этом произведении А.С. Пушкин использует «чаепитие» как составную часть развития сюжета в любовной истории. Простодушная деревенская девушка Татьяна, испытывая глубокую привязанность к приехавшему из столицы Онегину, смело пишет ему любовное письмо. Автор через описание душевного и радостного процесса чаепития передает сладостно-взволнованное ожидание Татьяны.

*Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На ошуманном стекле
Заветный вензель О да Е [Пушкин, 1946: 65].*

Это подготовленная автором предпосылка для усиления драматизма эпизода «признания» Татьяны. Впоследствии равнодушие и циничное отношение Онегина глубоко раскрывают сущность оторванного от жизни дворянского юноши, лишенного чувства общественной ответственности.

Символический образ «самовара» здесь не только создает атмосферу уютного домашнего тепла – его «блеск» и «шипение» образуют слуховое и зрительное ощущение тепла, – но и выполняет функцию регуляции повествовательного ритма. Психологическое время Татьяны в ожидании растягивается, а ряд деталей действий – «клубился легкий пар», «разливание чая» и «чай бежал» – как раз заполняет этот процесс ожидания, усиливая драматическое напряжение за счет удлинения времени ожидания. В этом и заключается темпоральная смыслообразующая функция «символического образа чая»: измерять внутреннюю тревогу и сладостное томление персонажа через протяженность повседневных действий.

Создание ситуации: уют и микроутопия. В русской литературе «символический образ чая» в широком смысле часто несет в себе значения «гостеприимства», «создания дружеской и теплой атмосферы». В 1830 г. А.С. Пушкин создал повесть «Станционный смотритель», основная идея которой заключается в критике жестокости сословной иерархии, раскрытии трагической судьбы «маленького человека» и пробуждении в народе стремления к равенству и справедливой жизни. А.С. Пушкин писал в повести: *Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы* [Пушкин, 1946: 177].

Повествователь от первого лица «я» на собственном опыте становится свидетелем счастливой и гармоничной жизни станционного смотрителя и его дочери. Уже в начале повести сцена «чаепития» создает ситуацию «дружественности и близости», подчеркивая видимость «наполненной и радостной жизни» станционного смотрителя. Смотритель добросовестно исполняет свои служебные обязанности, в жизни ни с кем не конфликтует и, казалось бы, должен вести спокойную и счастливую жизнь. Однако по мере развития сюжета трагический финал, постигший смотрителя, ярко обнажает горькую участь «маленького человека» под гнетом сословной иерархии и глубоко отражает разрушительное воздействие структурной несправедливости общества на жизнь низших слоев населения.

Здесь сцена «чаепития» образует своего рода «микроутопию» – временную, идеализированную модель социальных отношений. Повествователь, станционный смотритель и Дуня сидят за чаем «как будто век были знакомы»; сословные различия временно снимаются за самоваром. Однако этот утопический символический образ вступает в резкую иронию с последующей трагедией, что демонстрирует контрастную функцию «символического образа чая» в построении сюжета: теплота первого как раз усиливает холод второго, делая социальную критику более пронзительной.

Углубление идеи: социальная критика, национальная идентичность и культурная память. В 1840 г. М.Ю. Лермонтов опубликовал роман «Герой нашего времени», в котором писал: *«Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник – единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу»* [Лермонтов, 1943: 7].

«Чайник» – это предмет домашнего обихода. В данном романе автор с помощью этого «символического образа чая» отражает одинокое положение русских военных на Кавказе и их отчужденность от национальных меньшинств, критикует антинародный характер официальной политики самодержавной России и раскрывает глубокие социальные причины, по которым лучшие представители русского дворянства превращались в «лишних людей», тем самым углубляя идею произведения.

М.Ю. Лермонтов помещает «чайник» – символ, по сути своей принадлежащий домашнему уюту, – в инокультурную среду (кавказская глушь и военный пост), превращая его в знак одиночества и отчуждения. Эта пространственная делокация наделяет «чайник» новой смыслообразующей функцией: он уже не соединяет людей, а, напротив, подчеркивает отчужденность героя от окружающей среды. С точки зрения семиотики, это типичный пример контекстуальной трансформации значения символического образа в пространственном повествовании путем смещения контекста, что демонстрирует гибкость смыслообразующей функции «символического образа чая».

А.П. Чехов в повести «Мужики», опубликованной в 1897 г., через «символический образ чая» раскрыл нищету и тяготы деревенской жизни в России. В тексте написано: *«По случаю гостей поставили самовар. От чая пахло рыбой, сахар был огрызанный и серый, по хлебу и посуде сновали тараканы; было противно пить, и разговор был противный – все о нужде да о болезнях»* [Чехов, 1944: 290]. В этой сцене «чаепитие» наделяется символическим значением: Этот низкосортный, отвратительный на вкус чай подавался только по случаю прихода гостей, да и то кое-как, что указывает на то, что «чаепитие» уже превратилось в «роскошный» и «редкостный» ритуал в

крестьянской жизни. Через использование «символического образа чая» А.П. Чехов не только наглядно демонстрирует материальную необеспеченность крестьян, но и глубже раскрывает истоки их духовного кризиса. Он превращает реальность нищеты в потрясающую литературную метафору, отражающую жизненные трудности низших слоев общества.

А.П. Чехов посредством детализации «питья некачественного чая» – чай с рыбным запахом, огрызанный серый сахар, ползающие тараканы – превращает абстрактную социальную критику в осязаемые материальные детали. С точки зрения реалистической поэтики использование такого «негативного символического образа» обладает более сильной критической функцией: он не создает уюта путем положительного изображения чая, а, напротив, демонстрирует его отчужденную форму (ритуал, который должен доставлять удовольствие, становится омерзительным), заставляя читателя непосредственно ощутить, как бедность лишает человека базового достоинства. «Символический образ чая» здесь становится средством социальной диагностики.

«Чаепитие» является одним из любимых занятий народа России и обладает ярко выраженными национальными особенностями. В XVII в. в России необходимость пить китайский чай привела к изобретению самовара. Русские любят заваривать чай в самоваре, отдавая предпочтение медным самоварам и нагреву на древесном угле. *«Как рассказывали некоторые старики, в прежние времена в России ни одна семья не могла обойтись без самовара; даже отправляясь в путешествие, брали самовар с собой»* [У Гохуа, 1998: 186].

Российский писатель В.Г. Распутин в повести «Прощание с Матёрой», опубликованной в 1976 г., через «самовар» как «символический образ чая» показывает его важное место в жизни российских людей. «Самовар» не только символизирует взаимную заботу, но и несет в себе культурную память. Поэтому его особенно ценят: при переезде его переносят руками, а не перевозят в повозке; перед выходом из дома не заворачивают, чтобы он «видел» направление переезда, предвещая удачу. Настасья, переезжая, неукоснительно соблюдала этот обычай.

– Самовар-то с собой берешь? – спросила Сима, показывая на вычищенный, празднично сияющий у порога самовар.

– А как? – закивала Настасья. – Не задавит. Я его Егору не дала везти, на руках понесу. А заворачивать из дому нельзя, в лодке заверну.

– Пошто нельзя? – О чем-то надо было говорить – говорили.

– Чтоб видел, куда ворочаться. Примета такая [Распутин, 1983: 301–302].

В повести «Прощание с Матёрой» старухи собираются вокруг самовара и изливают общую печаль: необходимость покинуть родную землю. Все с удовольствием пьют чай, и их чувства вместе с тем сливаются с напитком; чай благодаря этому обретает особый оттенок, – оттенок, который не способен понять одинокий городской житель.

Потом Дарья налила Симе и добавила себе – отдышавшись, приготовившись, утерев выступивший пот, пошли по новому кругу, закланялись, покряхтывая, дуя в блюдца, осторожно прихлебывая вытянутыми губами.

– Четвертый, однако, стакан, – прикинула Настасья.

– Пей, девка, покуль чай живой. Там самовар не поставишь. Будешь на своей городской фукалке в кастрюльке греть.

– Пошто в кастрюльке? Чайник налью.

– Без самовара все равно не чай. Только что не всухомятку. Никакого скусу. Водопой, да и только [Распутин, 1983: 266].

В.Г. Распутин наделяет «самовар» функцией носителя культурной памяти. В «Прощании с Матёрой» самовар – это не просто утварь, а одушевленное существо, «свидетельствующее» направление переезда: он должен «видеть», куда переезжают, потому что «примета такая». Такая персонификация превращает самовар в символ национальной идентичности. С точки зрения культурно-консервативного нарратива «самовар» и «настоящий чай» составляют оппозицию городскому образу жизни («в кастрюльке греть», «никакого скусу»); первые репрезентируют теплую память сообщества, вторые – холодную современность. «Образ чая» здесь выступает символическим оружием культурного сопротивления.

Таким образом, в данном произведении «символический образ чая» – такой, как «самовар», – несет в себе глубокие российские национальные чувства и традиционные культурные представления. Автор посредством использования «символического образа чая» не только разъясняет необходимость сохранения национальных культурных традиций, но и раскрывает их глубокое значение в современном обществе.

Характеристика персонажей: граница двойственности характера и очищение души. В 1866 г. вышел в свет социально-психологический роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Автор, обрисовывая характер главного героя Раскольникова, искусно использует

символическое значение «образа чая». В повествовании романа «чаепитие» рассматривается как одно из необходимых условий поддержания базовых жизненных потребностей, а то, что Раскольников из-за бедности не может часто пить чай, способствует тому, что в его затяжном меланхолическом настроении постепенно вызревает склонность к радикальным идеям. Его идейное противоречие – неспособность мириться с преступлением и одновременно жажда идти на риск ради справедливости – непосредственно приводит к двойственности его характера: подозрительность и твердость. А после того, как он выпивает чай, его мыслительное состояние становится более ясным, уверенность и мужество также возрастают. В романе говорится: *«Он решил отнести колечко; разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение, взял у нее два «билетика» и по дороге зашел в один плохенький трактиришка. Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его ... Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...»* [Достоевский, 1935: 103, 105].

С помощью «символического образа чая» Ф.М. Достоевский живо обрисовывает характер Раскольникова: «чаепитие» становится той гранью, на которой проявляется двойственность его характера. «Странная мысль» постепенно проясняется в его сознании и в конечном счете укрепляет его радикальный замысел «убить богатого, чтобы помочь бедным». Достоевский наделяет «чаепитие» символическим значением когнитивного поворотного пункта. С точки зрения нарративной психологии «заказать чашку чая и сидеть задумавшись» образует ритуализированное переходное пространство: теплота и успокаивающее действие чая переводят героя из состояния тревоги в состояние размышления, его мышление переходит от хаотического «постукивания» к отчетливости «лопнувшей яичной скорлупы». Это классический пример использования «символического образа чая» как средства экстерниоризации психологического состояния персонажа – «чай» здесь не причина и не следствие, а синхронный маркер психологического перелома.

В повести «В овраге», опубликованной А.П. Чеховым в 1900 г., через «символический образ чая» раскрываются качества персонажа. *«... И каждый день мыла полы или стирала, и ей казалось, что она на поденке. И теперь, вернувшись с богомолья, они пили чай в кухне с кухаркой, потом пошли в сарай и легли на полу между саями и стенкой»* [Чехов, 1917: 26]. В этом отрывке «чаепитие» обретает символическое звучание: через внутреннее очищение души Липа находит верные жизненные ориентиры, а «чаепитие» символизирует ту правильную идею, которая вдохновляет персонаж на активную жизнь. «Символический образ чая» здесь служит раскрытию характера героини: она трудолюбива, проста, проявляет непоколебимую веру в самообеспечение; умеет довольствоваться любыми условиями, ладит с простыми тружениками, обладает стойкой приспособляемостью перед лицом трудностей. Выйдя замуж в купеческую семью Цыбукиных, Липа не получила ни должного уважения, ни заботы, постоянно чувствуя себя чужой, словно наемная работница. Несмотря на то, что ее ребенка убили, а саму ее выгнали из дома, она по-прежнему вместе с «бабами и девками» радостно трудится, живет уверенной и довольной жизнью. В данном произведении Чехов посредством «символического образа чая» раскрывает характер персонажа, тем самым показывая: только тот, кто постиг истинный смысл жизни, способен прожить по-настоящему счастливую жизнь.

Здесь «символический образ чая» обладает значением очищения и возрождения. Примечательно, что действие «после возвращения из церкви» и последующее «чаепитие вместе с кухаркой» соплагают религиозный ритуал (богомолье) и повседневный ритуал (чаепитие), благодаря чему последний обретает функцию духовного утешения, сродни причастию. С точки зрения культурного архетипа это перекликается с глубинной структурой русской православной культуры, где «совместная трапеза метафоризирует общность» – через совместное питье чая индивид вновь вливается в сообщество и обретает душевные силы для продолжения жизни.

Обозначение времени и места действия: временные маркеры, пространственная локализация и ироническая отсрочка. «Символический образ чая» в произведениях русской литературы может также использоваться для обозначения конкретного временного и пространственного фона действия, выполняя нарративную функцию пространственно-временной локализации. Повесть А.П. Чехова «Дуэль», опубликованная в 1891 г., начинается со следующей сцены: *«Было восемь часов утра – время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай. Иван Андреич Лаевский, молодой человек лет 28, худощавый блондин, в фуражке министерства финансов и в туфлях, придя купаться, застал на берегу много знакомых и между ними своего приятеля, военного доктора Самойленко»* [Чехов, 2007: 200]. В данном описании «чаепитие» обозначает не

только утреннее повседневное занятие персонажей, но и имплицитно указывает на время и место их встречи.

А.П. Чехов делает «чаепитие» обыденным и рутинизированным, превращая его в нарративный инструмент временной маркировки и пространственной локализации. Здесь «чаепитие» уже не несет глубокого эмоционального или символического значения, а служит средством закрепления временных координат (после восьми утра) и пространственных координат (павильон) через повторяющееся повседневное действие. Это «десимволизирующее» использование как раз и демонстрирует утилитарную функцию символического образа в обозначении времени и места – использование культурной рутины в качестве естественного измерителя повествования.

Поскольку сам процесс чаепития требует определенного времени, А.П. Чехов также успешно наделяет «символический образ чая» («чаепитие») временным значением «ожидания» и «затягивания времени». В рассказе «На гвозде», опубликованном в 1883 г., А.П. Чехов пишет: *«Часа полтора посидели в трактире, выпили для близиру по стакану чаю и опять пошли к Стручкову»* [Чехов, 1944: 27]. Мелкий чиновник Стручков пригласил своих сослуживцев, также мелких чиновников, к себе домой в свои именины. Однако, войдя в дом, они обнаружили на гвозде фуражку начальника Струčkова – начальник находится в неподобающих отношениях с женой Струčkова. Ради карьерного продвижения Стручков и его коллеги, смирившись с унижением, вышли из дома и, чтобы убить время, голодными пили чай в трактире; только дождавшись ухода начальника, они осмелились снова отправиться к Стручкову на застолье. «Чаепитие ради затягивания времени» раскрывает функцию «символического образа чая» как инструмента управления временем. В данном рассказе чаепитие служит уже не для утоления жажды или удовольствия, а исключительно для заполнения паузы ожидания – каждый выпивал «для близиру по стакану чаю», материальность чая опустошается, остается лишь временная оболочка. Это повторяющееся бессмысленное чаепитие создает абсурдность и усиливает иронический эффект. С точки зрения управления временем «чай» здесь выступает в роли «заполнителя времени», заставляя читателя ощутить вместе с персонажами тягостную долготу и скуку, а потому глубже сопереживать унижительному положению «маленького человека». Здесь временное значение «символического образа чая» исполнено иронии: оно высмеивает и властное засилье вышестоящего начальства, и раболепное стремление к карьерным благам нижестоящих чиновников. Посредством «чаепития ради затягивания времени» А.П. Чехов ироническим пером углубляет критику абсурдной сущности бюрократической системы в рассказе.

Сопоставляя диахронически «чаепитие» как пространственно-временной маркер в «Дуэли» и «чаепитие» как ироническую затяжку в рассказе «На гвозде», можно заметить, что использование одного и того же «символического образа чая» одним писателем на разных этапах творчества обнаруживает эволюцию от гротескно-абсурдистской стилистики к реалистической функции. Это позволяет проследить становление и изменение индивидуального стиля писателя.

Смыслообразующие функции «символического образа чая» в произведениях русской литературы многообразны и неисчислимы. У разных писателей, в силу различий их личной одаренности и творческих замыслов, эти функции становятся еще более изменчивыми, тонкими и глубоко индивидуальными. В данной работе были проанализированы лишь некоторые из них – на примере ряда классических авторов. Эти художественные сокровища все еще ждут дальнейшего изучения и открытия.

Заключение

По мере развития китайско-русской торговли чаем китайская чайная культура все глубже проникает в различные сферы российской общественной жизни, и «символический образ чая» постепенно становится важным «мотивом» в русском литературном творчестве. С точки зрения распространения культуры и литературной рецепции, для того чтобы инокультурный предмет превратился в устойчивый образ в инородной культуре, необходимо пройти три последовательные стадии: широкое восприятие на материальном уровне, повседневное освоение на поведенческом уровне и символизацию на психологическом уровне. Процесс распространения китайского чая в России как раз подтверждает эту закономерность: сначала чай входит на русский рынок как товар, затем впитывается в бытовые обычаи населения и, наконец, возвышается до литературного символического образа, несущего в себе определенные чувства и ценностные суждения.

С точки зрения рецептивной эстетики история эволюции «символического образа чая» в русской литературе – это, по сути, история восприятия, трансформации и переосмысления китайского чайного культурного знака в инородном контексте. Согласно теории неопределенности (Leerstellen) Изера, символические образы в литературных произведениях часто содержат лакуны (неопределенные места), которые читатель заполняет собственным культурным опытом. Тот факт, что «символический образ чая» в русской литературе смог обрести столь богатые

смыслообразующие функции, объясняется тем, что писатели разных эпох постоянно помещали его в новые нарративные контексты, активируя тем самым его различные смысловые измерения. Богатство его смыслообразующих функций как раз и подтверждает динамический характер порождения литературного символического образа – каждое новое использование отнюдь не является простым повторением, а представляет собой очередное переоткрытие потенциала символического образа.

В данной статье достаточно системно раскрываются траектория генезиса и смыслообразующие механизмы «символического образа чая» в русской литературе. Исследование показывает, что «символический образ чая» постепенно эволюционирует от практического знака, обладающего материальными свойствами, к эстетическому знаку, несущему в себе чувства, ценности и национальную идентичность. Проведенный анализ выявляет процесс локализованной реконструкции «символического образа чая» в контексте русской литературы. Данный процесс, с одной стороны, отражает глубокое влияние китайской чайной культуры за рубежом, а с другой – демонстрирует способность российской культуры к локализации и творческой трансформации инокультурных элементов.

По мере развития общества содержание «символического образа чая» в произведениях русской литературы становится все богаче, а художественный эффект – все более уникальным. Углубление соответствующих исследований имеет важную академическую ценность.

Территории, охватываемые историческим «Чайным путем», в значительной степени совпадают с регионами, участвующими в строительстве китайско-российско-монгольского «экономического коридора» в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также в сотрудничестве в рамках китайско-российского проекта «Янцзы–Волга». 23 марта 2013 г. в своей речи в Московском государственном институте международных отношений председатель Си Цзиньпин назвал «Великий чайный путь» «артерией века». Известный исследователь китайско-российского «Чайного пути», член-корреспондент Российской академии естественных наук И.А. Захаренко отметил: «*Путем изучения истории, культуры и национальных особенностей Китая и России можно выявить внутренние закономерности культурного обмена и взаимодополнения двух стран*» [Захаренко, 2018: 21]. На основе исторического измерения «Чайного пути» изучение процесса генезиса и художественных функций «символического образа чая» в русской литературе помогает раскрыть внутренние закономерности межкультурного распространения китайской традиционной культуры и обладает существенной практической значимостью для усиления национальной культурной идентичности и оптимизации стратегий распространения культуры за рубежом в современных условиях.

Источники и материалы

Бантыш-Каменский, Н.Н., 1882. *Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год*. Казань: Тип. Императорского Университета, 565 с.

Бецкой, И.И., 1766. *Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества*. СПб.: при Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 246 с.

Достоевский, Ф.М., 1935. *Преступление и наказание*. М.: Гослитиздат, 483 с.

Лермонтов, М.Ю., 1943. *Герой нашего времени*. М., Ленинград: Детгиз, 120 с.

Новиков, Н.И., 1769. Для г. Спорщика рецепт, *Трутенъ: еженедельное издание*, май, № 31, СПб.: Тип. Акад. наук, с. 241–243.

Пушкин, А.С., 1946. *Избранные сочинения*. М., Ленинград: Гослитиздат, 250, [4] с.

Ржанов, Н., 1856. *Китайский чай. Подробное описание*. М.: Типография В. Готье, 59 с.

Распутин, В.Г., 1983. *Прощание с Матёрой: Повести и рассказы*. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 480 с.

Силин, Е.П., 1947. *Кяхта в XVIII веке*. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 204 с.

Тариф о сборе пошлин в портовых и пограничных таможах, с привозных и отвозных товаров, 1766. М.: Сенат. тип., 112 с.

Тариф Санкт-Петербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов, 1724. Печатано в СПб.: При Сенате, 26 марта, 51 с.

Чехов, А.П., 1917. *В овраге*. М.: Родная речь, 45 с.

Чехов, А.П., 1944. *Избранное: рассказы, повести, драмы*. Ленинград: Гос. изд-во худ. лит-ры, 445 с.

Чехов, А.П., 2007. *Рассказы. Повести. Пьесы*. М.: Эксмо, 828 с.

Чечулин, Н.Д., 1906. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II*. СПб.: Сенат. тип., 380 с.

Список литературы

- Бурдин, И.В., 2023. *Концепт «чай» в русской литературе XIX века*. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 194 с.
- Комлова, А.А., Петрова, А.О., 2025. Отражение чайных традиций в русской литературе, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы IV науч.-теоретич. конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 29–33.
- Кулабухова, Т.К., Осиневич, С.Е., Климова, Л. Г., 2021. Традиции русского чаепития в искусстве, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 160–167.
- Лю Гохуа, 2012. Этимология слова «чай/ча» в русском и китайском языках, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, № 1, с. 55–57.
- Маджаева, С.И., Рудакова, П.В., 2021. Особенности чайного дискурса, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 10–15.
- Маломанова, Е.В., Алексеенко, В.Н., 2025. Репрезентация концепта «чай» в художественной литературе (на материале русского, английского и китайского языков), *Инициативы молодых – науке и производству. Материалы IX Всеросс. науч.-практич. конф. молодых ученых и студентов*, отв. ред. О.Н. Кухарева, А.В. Носова, А.А. Галиуллина. Пенза: ПГАУ, с. 508–512.
- Мехтиев, В.Г., 2025. Семиотика чая в русской литературе. Пушкин и другие, *Вопросы литературы*, № 2, с. 129–154. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2025-2-129-154>
- Самофатова, А.А., 2021. Традиции чаепития в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 137–143.
- Семенов, В.М., 2006. *Все о чае и чаепитии. Новейшая чайная энциклопедия* (2-е изд.). М.: Флинта: Наука, 336 с.
- Симакова, М.С., 2006. *Традиционная поэтическая образность (чай, сласти) в любовных частушках*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 24 с.
- Соколов, И.А., 2009. Чай и чайная торговля в России в XIX – начале XX веков, *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*, № 2 (4), с. 28–38.
- Фадеева, В.И., 2025. Образ чая в русской литературе XIX века на примере творчества Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и Н.В. Гоголя, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы IV науч.-теоретич. конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 80–83.
- Фасмер, М., 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4 (Т–яшур), пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 864 с.
- Цзоу Сюэцян, 2010. *Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов*. Чэнду: Изд-во Сычуаньского университета, 242 с.
- 邓九刚, 2000. 茶叶之路: 欧亚商道兴衰三百年. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 334页. [Дэн Цзюган, 2000. *Чайный путь: три века расцвета и упадка евроазиатского торгового пути*. Хух-Хото: Внутреннемонгольское народное изд-во, 334 с.] (на кит. яз.)
- 扎哈连科, И.А., 2018. 万里茶道软实力: 中俄交流互鉴的文明之路, 田园译, 文化软实力研究, 第5期, 12–21页. [Захаренко, И.А., 2018. Мягкая сила Великого чайного пути: путь цивилизационного взаимодействия и взаимного обогащения Китая и России, *Исследования мягкой силы культуры*, № 5, пер. Тянь Юань, с. 12–21.] (на кит. яз.) <https://doi.org/10.19468/j.cnki.2096-1987.2018.05.002>
- 吴国华, 1998. 俄语与俄罗斯文化. 北京: 军事谊文出版社, 290页. [У Гохуа, 1998. *Русский язык и русская культура*. Пекин: Военное изд-во «Ивэнь», 290 с.] (на кит. яз.)
- 谢天振, 1999. 译介学. 上海: 上海外语教育出版社, 336页. [Се Тяньчжэнь, 1999. *Транслятология*. Шанхай: Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 336 с.] (на кит. яз.)

References

- Burdin, I.V., 2023, *The concept of “tea” in 19th century Russian literature*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Perm, 194 p. (In Russ.)
- Komlova, A.A., Petrova, A.O., 2025, Reflection of tea traditions in Russian literature, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 4th International Research-Theoretical Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 29–33. (In Russ.)
- Kulabukhova, T.K., Osinevich, S.E., Klimova, L.G., 2021, Traditions of Russian tea drinking in art, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 160–167. (In Russ.)

- Lu Gohua, 2012. The etymology of the words «茶» and «чай» in Chinese and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 1, pp. 55–57. (In Russ.)
- Madzhaeva, S.I., Rudakova, P.V., 2021, Features of tea discourse, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 10–15. (In Russ.)
- Malomanova, E.V., Alekseenko, V.N., 2025, Representation of the concept “tea” in fiction (based on Russian, English and Chinese), *Youth initiatives – to science and industry. Materials of the 9th All-Russian Research-Practical Conference of Young Scientists and Students*, eds. O.N. Kukhareva, A.V. Nosova, A.A. Galiullina, Penza State Agrarian University, Penza, pp. 508–512. (In Russ.)
- Mekhtiev, V.G., 2025, Tea semiotics in Russian literature. Pushkin and others. *Voprosy Literatury*, no. 2, pp. 129–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2025-2-129-154>
- Samofatova, A.A., 2021, Traditions of tea drinking in the life and work of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 137–143. (In Russ.)
- Semyonov, V.M., 2006, *All about tea and tea drinking. The newest tea encyclopedia*. Flinta: Nauka, Moscow, 336 p. (In Russ.)
- Simakova, M.S., 2006, *Traditional poetic imagery (tea, sweets) in love ditty songs*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 24 p. (In Russ.)
- Sokolov, I.A., 2009, Tea and tea trade in Russia in the 19th – early 20th centuries, *MCU Journal of Historical Studies*, no. 2 (4), pp. 28–38. (In Russ.)
- Fadeeva, V.I., 2025, The image of tea in 19th-century Russian literature as exemplified by the works of L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov and N.V. Gogol, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 4th International Research-Theoretical Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 80–83. (In Russ.)
- Fasmer, M., 1987, *Etymological dictionary of the Russian language*, vol. 4 (T-jashchur), trans. from German. and an addendum O.N. Trubacheva, Progress, Moscow 864 p. (In Russ.)
- Zou Xueqiang, 2010, *Linguocultural specificity of the concept “tea” and its application in teaching Russian to Chinese students*. Sichuan University Press, Chengdu, 242 p. (In Russ.)
- Deng Jiugang, 2000, *The Tea Road: Three centuries of rise and decline of the Eurasian trade route*, Inner Mongolian People's Publishing House, Hohhot, 334 p. (In Chinese)
- Zakharenko, I.A., 2018, The soft power of the Great Tea Road: A Path of civilizational interaction and mutual enrichment between China and Russia, *Cultural Soft Power Research*, no. 5, trans. Tian Yuan, pp. 12–21. (In Chinese) <https://doi.org/10.19468/j.cnki.2096-1987.2018.05.002>
- Wu Guohua, 1998, *The Russian language and Russian culture*, Yiwu military publ., Beijing, 290 p. (In Chinese)
- Xie Tianzhen, 1999, *Translatology*. Shanghai Foreign Language Education Press, Shanghai, 336 p. (In Chinese)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Заявление о финансировании

При финансовой поддержке Министерства образования КНР в рамках проекта планового фонда исследований гуманитарных и общественных наук (общий проект) «Исследование влияния «Чайного пути» на национальную культуру России» (номер проекта: 20YJAZH089).

Funding statement

With financial support from the Ministry of Education of the People's Republic of China within the framework of the Planned Fund Project for Humanities and Social Sciences Research (General Project) "Study of the Influence of the 'Tea Road' on the National Culture of Russia" (Project No. 20YJAZH089).

Информация об авторе

Хуншэн Ши, кандидат филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Аньхойского университета, г. Хэфэй, Китайская Народная Республика; <https://orcid.org/0009-0005-8054-6664>; e-mail: 1766285604@qq.com

Information about the author

Hongsheng Shi, Cand. Sc. (Philology), professor, Institute of Foreign Languages of Anhui University, Hefei, China; <https://orcid.org/0009-0005-8054-6664>; e-mail: 1766285604@qq.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 25.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026

Лингвистическое градоведение Уфы: комплексный анализ урботекста полиэтнического мегаполиса

Евгения Андреевна Яковлева

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: e_yakov@mail.ru

Аннотация. Статья подводит итоги почти сорокалетних исследований в области лингвистического градоведения Уфы, выполненных в рамках научной школы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Цель работы – представить синтетическую модель описания полиэтнического города как сложного семиотического, коммуникативного и культурного феномена. На основе обширного эмпирического материала (более 1000 годонимов, 1350 рекламных текстов, 2000 ассоциативных реакций, полевые записи устной речи, городской фольклор, художественные тексты) в статье доказывается, что Уфа генерирует уникальный урботекст, характеризующийся тюркско-славянским билингвизмом, высокой степенью вариативности русского языка (Vernacular Russian), креолизированностью городского пространства и мифологизацией образов. В работе используются методы полевых записей, семиотического анализа, психолингвистического эксперимента, дискурс-анализа и риторической критики. Результаты исследования демонстрируют, что коммуникативная модель «город – урботекст – коллективный горожанин» является эффективным инструментом анализа городской идентичности. В данной модели «город» выступает как активный субъект коммуникации, «урботекст» является совокупностью всех речевых произведений, порождаемых городом, а «коллективный горожанин» представляет собой интегральный образ носителя языка, живущего в данном городе. Образ коллективного уфимца реконструируется через ассоциативные эксперименты, анализ речевых жанров и полевые записи авторов. Выявлены три доминантных образа Уфы в языковом сознании (купеческий, национальный, мегаполис), описаны механизмы неофициальной номинации городских объектов (ойкодомонимы, монументонимы, эргонимы), а также роль тюркизмов в русской разговорной речи как маркеров ингрупповой идентичности и стратегии вежливости. Отмечается, что языковое сознание уфимцев фиксирует не только объективные характеристики города, но и глубоко личные, эмоциональные, часто противоречивые образы. Ассоциативные эксперименты вскрывают латентные социальные конфликты. Городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы, сленг) является «культурным бессознательным» города, сохраняющим историческую память, транслирующим ценности, формирующим идентичность и в то же время дающим выход агрессии, страхам, иронии. Исследование уфимских логотипов показало, что эффективные логотипы апеллируют к архетипам – древним образам, хранящимся в коллективном бессознательном.

Ключевые слова: лингвистическое градоведение, урботекст, полиэтнический город, Уфа, коллективный горожанин, креолизированный текст, вариативный русский язык, тюркизмы, городские мифы

Для цитирования: Яковлева, Е.А., 2026. Лингвистическое градоведение Уфы: комплексный анализ урботекста полиэтнического мегаполиса, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 214–227. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.19>

Linguistic urban studies of Ufa: a comprehensive analysis of the urban text of a multiethnic metropolis

Evgeniya A. Yakovleva

Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russian Federation
E-mail: e_yakov@mail.ru

Abstract. The article summarizes the results of almost forty years of research in the field of linguistic urban studies in Ufa, carried out within the framework of the scientific school of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. The purpose of the work is to present a synthetic model for describing a multiethnic city as a complex semiotic, communicative and cultural phenomenon. Based on extensive empirical material (more than 1,000 toponyms, 1,350 advertising texts, 2,000 associative reactions, field recordings of oral speech, urban folklore, and artistic texts), the article proves that Ufa generates a unique urban text characterized by Turkic-Slavic bilingualism, a high degree of variability in the Russian language (Vernacular Russian), creolization of urban space, and mythologization images. The work uses the methods of field recordings, semiotic analysis, psycholinguistic experiment, discourse analysis and rhetorical criticism. The results of the study demonstrate that the communicative model “city – urban text – collective citizen” is an effective tool for analyzing urban identity. In this model, the “city” acts as an active subject of communication, the “urban text” is the totality of all speech products generated by the city, and the “collective citizen” is an integral image of a native speaker living in a given city. The image of the collective Ufa is reconstructed through associative experiments, analysis of speech genres and field recordings of the authors. Three dominant images of Ufa in linguistic consciousness (merchant, national, megapolis) are revealed, the mechanisms of informal nomination of urban objects (oikodonyms, monumentonyms, ergonyms) are described, as well as the role of Turkisms in Russian colloquial speech as markers of ingroup identity and politeness strategy. It is noted that the linguistic consciousness of Ufa residents captures not only the objective characteristics of the city, but also deeply personal, emotional, and often contradictory images. Associative experiments reveal latent social conflicts. Urban folklore (legends, anecdotes, proverbs, slang) is the “cultural unconscious” of the city, preserving historical memory, transmitting values, forming identity, and at the same time giving vent to aggression, fears, and irony. A study of Ufa logos has shown that effective logos appeal to archetypes, ancient images stored in the collective unconscious.

Keywords: linguistic urban studies, urban text, polyethnic city, Ufa, collective citizen, creolized text, variable Russian, Turkisms, urban myths

For citation: Yakovleva, E.A., 2026, Linguistic urban studies of Ufa: a comprehensive analysis of the urban text of a multiethnic metropolis, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 214–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.19>

Введение

*Наш город полу-азиатский,
Две веры крепко в нём слились.
Крест православный христианский
И полумесяц смотрят ввысь.
Светлана Смирнова*

Город – это сложное обитаемое пространство. Понятие «город» напрямую связано с процессом человеческой цивилизации (слово *город* включает древние смыслы ‘огородить’, ‘ограда’, ‘забор’, ‘огороженный участок земли’ и встречается в различных фонетических вариантах во всех индоевропейских языках). На Руси всегда было много городов, недаром варяги называли ее «Градарика» – мать городов.

В словарных статьях, посвященных слову *город*, можно найти три базовых смысловых компонента: 1) город как территориально-административное образование; 2) деловой центр; 3) люди, проживающие в нем. Первый смысл – *место*, связан с пространством города, его улицами, площадями, парками, памятниками, театрами, жилыми домами, магазинами и пр. Отсюда и определения – *столичный, уездный, крупный, небольшой*. Элементы пространства

создают неповторимое лицо города, и именно поэтому архитектурный облик становится его своеобразной визитной карточкой. Потеря «лица» городом, как это, к сожалению, происходит сейчас в Уфе, теряющей деревянные ожерелья старинных улиц с «бусинами-домами», нужно считать невосполнимой потерей.

Второй план образуют культурные особенности города – традиции, менталитет, достопримечательности, с чем связаны, к примеру, такие понятия, как «*Петербург Достоевского*», «*грибоедовская Москва*», «*курский соловей*», «*одесский юмор*». В последнее время городской «патриотизм» неизмеримо возрос, и жители бьются за «фирменный знак» своего города. Например, маленький город Мышкин стал широко известен, благодаря своим музеям, где собраны тысячи различных предметов, связанных с «мышьиной» тематикой и валенками.

Наконец, третий смысл – это люди, которые живут в городе: отсюда и названия – *москвичи*, *питерцы*, *вятичи*, *нижегородцы*, *рязанцы*, *челябинцы*, *уфимцы*. Ревниво относясь к своему городу, в старые времена соседи, подначивая друг друга, сочиняли дразнилки: «*пензяки толстопятые*», «*архангельские трескоеды*», «*у нас в Вятке ребята хватки: семеро одного не боимся*» и пр. Про Уфу известны стародавние выражения «*чертова чернильница*», «*Деньги есть – Уфа гуляем, деньги нет – Чижма сидим*» и др. Горожане на протяжении столетий творят культурный облик города, его обычаи и традиции. Городская речь изобилует любимыми местными словечками: «*фрамуга*» (форточка), «*вставочка*» (ручка), «*поребрик*» (бордюр), «*Лягушатник*», «*Сайгон*» – известные кафе (Санкт-Петербург); «*Пампуша*» – памятник А.С. Пушкину на «*Твербуле*» – Тверском бульваре, «*Букашка*» – троллейбус «Б», «*Аннушка*» – трамвай «А» (Москва); «*гешефт*» – дело, бизнес, «*кинуть брови на лоб*» – удивиться, «*мастер*» – капитан судна (Одесса); «*синенькие*» – баклажаны, «*Лебердон*» – левый берег Дона (Ростов-на-Дону); «*Глина*» – улица Глинки (Великие Луки); «*Конюшня*» – автобусная остановка «Ипподром» (Псков).

XXI век – век городов. К 2050 г. в городах будет проживать две трети мирового населения. В этих условиях город перестает быть просто точкой на карте и становится сложнейшим семиотическим, коммуникативным и культурным организмом. Лингвистическое градоведение – уже сложившаяся филологическая дисциплина, которая изучает язык города как особую знаковую систему.

Уфа – уникальный объект для лингвистического анализа, население которого приближается к 1,2 млн человек. Расположенная на стыке Европы и Азии, столица Башкортостана на протяжении более чем 450 лет является местом активного взаимодействия славянских (русский, украинский, белорусский), тюркских (башкирский, татарский, чувашский) и финно-угорских (марийский, мордовский, удмуртский) языков. Эта языковая полифония, дополненная мощным пластом советского наследия и современными глобализационными процессами, порождает уникальный, не похожий ни на московский, ни на петербургский, ни на екатеринбургский или томский, ни на какой иной *урботекст*.

В университетской Уфе изучение языка города – это традиция. Достаточно сказать об объемных картотеках, описывающих живую речь уфимцев более 40 лет (архивы проф. Л.Л. Аюповой и проф. Е.А. Яковлевой¹, далее – АА, АЯ) [АА; АЯ; Аюпова, 1994; Яковлева, 2020], о шести диссертациях, связанных с градоведением, о значительном числе дипломных и курсовых работ, статей, в которых, начиная с 80-х гг., отражен меняющийся в языковом плане портрет Уфы [Яковлева 2007].

Теоретические основания: как изучать язык города

Начальное изучение городской речи как одной из центральных проблем языкознания в России зародилось более ста лет тому назад. Богатство и разнообразие стихий языка города отмечал профессор Б.А. Ларин: «В лингвистической истории большого города имеет место столкновение и скрещение разнообразных типов культур» [Ларин, 1977: 23; Анциферов, 1991].

Оценив высокую значимость городов в постижении исторического прошлого страны, градоведением (в частности краеведением) занимался в начале XX века профессор И.М. Гревс. Предлагая «экскурсионный метод» обучения истории, а на самом деле изучения «*гения места*», или «*образа города*» («*души города*»), он отмечал: «Города – это и лаборатории, и приемники, хранители культуры, и высшие показатели цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов... Город – центр в одно время культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города – прекраснейший путеводитель ее хода и судеб» [Гревс, 1921: 24].

¹ Е.А. Яковлева – автор научного направления – инициатор создания лаборатории «Служба русского языка» (2002–2011), которая стала «коллективным пропагандистом» культуры русской речи для всей многонациональной Уфы. В 2007–2011 гг. – научный консультант и соавтор программ ГТРК «Башкортостан» «Говорим по-русски» и «Живое слово», которые неоднократно становились призерами различных конкурсов – Болдино, 2008; Ясная поляна, 2009; Администрация Уфы, 2009; Бал-пресса, 2010.

Уже в наши дни обратился к *образу города* и «*реальному горожанину*» исследователь С.П. Гурин: «Реальность горожанина – это символическая реальность. Труд горожанина – это, прежде всего, работа с символами. Город – это место, где преобладает символическая деятельность: мифология, религия, идеология, искусство, кино, реклама, виртуальная реальность. Символическая деятельность – то есть опосредованная деятельность с реальными вещами, когда сами вещи становятся необязательными – оказывается на удивление эффективной» [Гурин, 2003: 10–17].

Таким образом, градоведение отнюдь не новая наука, а сложившаяся область современной лингвистики, связанная, в частности, с такими ее составляющими, как социолингвистика, фольклористика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, ономастика, краеведение и др. Значительные наработки по градоведению (или урбанологии) существуют у ученых Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Казани, Перми, Омска, Челябинска, Владивостока, Уфы и множества других городов [Голомидова, 2022; Китайгородская, Розанова, 2010; Колесов, 1991; Красных, 2012].

Ключевым вкладом *уфимской научной школы*, во многом сформированной нами и нашими учениками в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы, стала разработка *коммуникативной модели*, позволяющей системно описать феномен городского языка. Эта модель, опирающаяся на хрестоматийную формулу Аристотеля («*Речь складывается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается*»), выглядит следующим образом: «*город – урботекст – коллективный горожанин*» [Яковлева, 1996].

Что это означает на практике?

Во-первых, *город* в этой модели – не пассивная среда обитания, а активный субъект коммуникации. Город «разговаривает» со своими жителями на особом языке через архитектуру, памятники, названия улиц, городские легенды и мифы и даже ресторанное меню. В.Н. Топоров в этом ключе описывал «*петербургский текст*», Ю.М. Лотман рассуждал о специфической *городской семиосфере* [Топоров, 1984; Лотман, 1984; 1993].

Описывая город, исследователи не забывали и о наглядном, зрительном и одновременно эмоциональном восприятии города (например, вид Москвы с Воробьевых гор, на Владимир с соседних холмов, вид на Петрозаводск из-за озера, вид из-за реки (все волжские города), боковые виды с набережных (в Ярославле, Нижнем Новгороде). В этом плане И.М. Гревс использовал английское понятие *skyline*, то есть «очертание на фоне неба, линия схождения неба и гор, неба и домов; вернее, линия, прочерченная горами или рядом домов по небу. Но это и линия города на фоне неба...». «*Thameside skyline*», или «силуэтная линия домов по Темзе», дающая «чудные «фасы» и «профили», полные своеобразной жизни, прелести и значительности; они раздвинут перспективы для уразумения «психического облика» изучаемого, часто таинственного и сложного чувства [Гревс, 1921].

Расположенная на семи холмах, в окружении трех рек, тяготея к возвышенности, Уфа демонстрирует собственное «лицо», «голос», уникальный «*skyline*», являя универсальный образ в культуре, выражающий вертикальную открытость городского пространства, устремленность в небо, пронизанность «божественными чудотворящими энергиями». Особенность Уфы в том, заметил главный архитектор Уфы Руслан Хайруллин, что хотя у города нет готового «открыточного» силуэта, как у Казани или Нижнего, зато есть длинные панорамы, неожиданные виды с высоты, резкие перепады масштаба. «Ты можешь идти по обычной улице – и вдруг открывается вид на Белую, который по драматургии не уступает европейским городам на реках» [<https://vedomosti102.ru/>]. И действительно, архитектурно-градостроительная история Уфы заслуживает пристального внимания специалистов, так как, по мнению уральских исследователей, она «обладает наиболее крупными по величине историко-архитектурными ресурсами среди городов Урала, уникальной планировкой и архитектурой, не имеющей аналогов в регионах России. Дорегулярная радиально-кольцевая система улиц и доминант города уникальна на Урале» [Семенова, 1998]. Уфа меняется ежегодно. В перспективе она масштабируется в *Забелье* и *Зауфимье*.

Во-вторых, *урботекст* – это совокупность всех речевых произведений, порождаемых городом. Сюда входят и официальные названия учреждений, вузов, улиц и площадей, памятников и пр. (*газетонимы, годонимы, прагматонимы, эргонимы* и др.), и неофициальная сленговая номинация (как жители называют свой район), и уличные объявления, перешедшие сегодня в сферу компьютерного онлайн, вывески и рекламные баннеры, и городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы), и живая разговорная речь – спонтанная, неподготовленная, эмоциональная, часто нарушающая нормы, но именно поэтому максимально живая [Емельянова, 2007; Исламова 2009; Королева, 2022; Файзуллина, 2009; Яковлева, 2009, 2011, 2019]

В-третьих, «*коллективный горожанин*» представляет собой интегральный образ носителя языка, живущего в данном городе. Это не абстрактный *homo loquens* («человек говорящий»), а конкретный уфимец, который знает поговорку «*Уфа – чертова чернильница*», а в разговоре с соседом-башкиром вставит слово «*рахмат*» вместо «*спасибо*», согласится, что «*Сипайлово*» – это «*Сипа*», а «*Черниковка*» – «*Черняга*», помнит легендарного «*дядю Мишу*» (в честь него было выпущено мороженое), который много лет продавал мороженое возле «Детского мира». Образ коллективного уфимца реконструируется через ассоциативные эксперименты, анализ речевых жанров и полевые записи [АА; АЯ; Вахитов, 2003; Яковлева, 2019].

Языковой ландшафт: три лика Уфы

Анализ ономастического пространства Уфы (тысячи названий официальных учреждений, промышленных объектов, образовательных учреждений, улиц, транспортных остановок, магазинов, ресторанов, кафе, жилых комплексов, газет) позволил исследователям выделить несколько доминантных образов, которые иногда конкурируют, сосуществуют и взаимодействуют в сознании горожан и в городском тексте.

Образ первый: Уфа купеческая, или губернская

Этот образ уходит корнями в XVIII–XIX в., когда Уфа была типичным губернским городом с деревянной застройкой, усадебным бытом и провинциальным укладом. В настоящее время в Уфе утверждена общая концепция реконструкции под названием «Возвращение к истокам», в рамках которой определены так называемые гостевые улицы, которые являются визитной карточкой нашего города, типа уфимский Арбат. В современном урботексте исторический образ поддерживается несколькими способами, в частности, *годонимами*. На сегодняшний день в городе насчитывается 1609 улиц, но старые почти не сохранились – всего около 20 единиц: *Казарез, Казацкий переулок, Усольская, Калаиная, Верхнеторговая площадь*. Старинные названия улиц *Тюремная (Достоевского)* и *Жандармская (Крупской)* вспоминаются потому, что на них был расположен дом с мезонином, в котором в начале XX в. проводила ссылку Н.К. Крупская и где с 1941 г. располагается музей В.И. Ленина. Трансформацию старых названий можно проиллюстрировать длинной цепочкой переименований центральной улицы Уфы – *Базилевская / Лазаретная – Центральная – Ленина*. Кроме того, губернская Уфа напоминает о себе, конечно, оставшимися домами, за которыми, к сожалению, городские власти мало следят: здания *Уфимской Губернской управы, Дворянского собрания, особняк Демидова, Покровская церковь, Спасский храм, Дом губернатора*, исторический квартал в центре Уфы (*дом-особняк Поносовой-Малло, доходный дом Видинеева, усадьба Коншиной с гостиницей «Эрмитаж», дома Берга и Талова* и др.) [Яковлева, 2024].

Образ второй: Уфа национальная (башкирская)

Это самый яркий маркер идентичности, отличающий Уфу от других российских городов. Он реализуется через активное использование башкирского языка, национальной символики, тюркской мифологии.

На вербальном уровне это проявляется в *билингвальности* городского ландшафта. Все вывески, названия остановок, информационные таблички дублируются на русском и башкирском языках. Иногда это порождает забавные эффекты: знаменитое «*ӨФӨ*» (три буквы, похожие на шурупы или гаечные ключи) стало городским мемом – Уфу в шутку называют «*городом трех шурупов*» или «*трех болтов*».

Тюркская лексика (или ориентализмы), представляющая собой значительный пласт алтайской группы тюркских языков (вошедших через башкирский, татарский и другие языки), широко представлена в топонимах, названиях учреждений, улиц, строений, религиозных праздников, продуктов и пр., исследованных в упоминаемых нами диссертационных сочинениях уфимцев. Названия улиц – *Давлеткильдеева, Даяна Мурзина, Гафури, Мустая Карима, Магафура Хисматуллина, Хадии Давлетиной* и др. «*Азык-түлек*» – ресторан башкирской кухни (переводится как «продукты, продовольствие»; существует городская легенда, что московские бизнесмены приняли эту надпись за имя владельца всех продуктовых магазинов); «*Карматай*» (дедушка), «*Анай*» (тетя) – названия кафе. «*Край курая*» (курай – башкирский национальный инструмент) – молочная продукция, «*Капова пещера*» (знаменитый спелеологический объект) – бальзам.

На невербальном уровне национальный образ поддерживается *архитектурой и дизайном*. *Первая соборная мечеть*, мечеть «*Ляля-Тюльпан*», памятник *Салавату Юлаеву* (символ города), ипподром «*Акбузат*», *Ледовый дворец спорта «Салават Юлаев»*, фонтан «*Семь девушек*», орнаментальные мотивы на зданиях (*ромб, кускар* – спиралевидные завитки) – все это формирует неповторимый визуальный код.

Интересно, что национальный образ активно используется в ресторанном дискурсе. Интерьеры заведений башкирской кухни украшают гобелены с изображением охоты, юрты, национальные костюмы. В меню – *бишбармак, казы, кумыс, чак-чак, кызыл эремсек*. Названия блюд становятся собственными именами: салат «*Хылыукай*» (девушка), мясная тарелка «*Дары Урала*». Таким образом, еда превращается в текст, рассказывающий историю народа [Яковлева, Исмагилова, 2020; Файзуллина, 2009].

Образ третий: Уфа–мегаполис (локализованный)

Статус города-миллионника, проведение саммитов ШОС и БРИКС (2015 г.), развитие экономики – все это формирует третий образ: современный, динамичный, устремленный в будущее [Линч, 1982; Нигматуллина, 2007; Яковлева, 2004; Yakovleva, Akhmetova, 2019, Исмагилова, 2022].

Этот образ проявляется в засилье англицизмов и гибридных названий, с которыми в России начали бороться: *Holiday Inn Ufa, Hilton Garden Inn Ufa Riverside, Конгресс-холл Республики Башкортостан*, жилые комплексы: «*Edison*», «*Smart Plaza*», «*ULTRA*», «*IDEL TOWER*» (башкирское «идель» – река + английское «tower» – башня). Торговые центры: «*Gallery ART*», «*Планета*» (уже без перевода). Кафе и рестораны: «*PrestoMia*», «*Harat's Irish Pub*», «*Sinatra*» (караоке-клуб). «*Арт-квадрат*» – новое креативное пространство в центре города.

Архитектурно этот образ воплощен в зданиях из стекла и бетона: *Конгресс-холл «Торатау»* в стиле хай-тек (хотя и с национальными орнаментами), бизнес-центр «*Уралсиб*» (в народе – «*Пейзанская башня*», «*Зажигалка*», «*Мобильник*»), жилой комплекс «*Аристократ*», уникальный *Дворец борьбы*, небоскребы на проспекте Октября.

Однако психолингвистические эксперименты показывают, что восприятие этого образа неоднозначно. Молодежь ценит престиж и современность. Старшее поколение и некоторые группы студентов воспринимают глобализованную Уфу как «чужую», «не-Москву», «дыру» (в прямом смысле слова – ассоциативная реакция «дыра» зафиксирована в экспериментах). Гибридное название «*IDEL TOWER*» не вызвало у испытуемых ассоциаций с башкирской культурой, несмотря на компонент «идель» – оно было воспринято как инородное, чужое. Психолингвистический эксперимент [Исмагилова, 2022; Матвеева, 2010] показал, что такие гибриды вызывают противоречивые ассоциации: у молодежи – престиж и современность, у старшего поколения – «инородность» и разрыв с традицией. В данном разделе мы опускаем портрет «*Уфа советская*», который также нами описан.

Живая речь: как говорят уфимцы

Ономастика – это, образно говоря, «парадный костюм» города. Но есть и «повседневная одежда» – живая разговорная речь, в которой проявляются все особенности многонационального уфимского сообщества [АА; АЯ; Яковлева, 2019].

Молодежная сленговая номинация [Васильева, Никитина, Роголёва, 2024; Вахитов, 2003] создает параллельный, игровой и часто сниженный образ города. Выделяются следующие механизмы:

- **метафоризация по форме:** «*Свечка*» (высотное здание), «*Китайская стена*», «*Корабль*», (длинный дом), «*Шайба*» (круглое здание ТЦ), «*Зажигалка*», «*Мобильник*» (здание банка «Уралсиб»);

- **пародийные монументонимы:** «*Без пяти семь*» (скульптура, посвященная героям Октябрьской революции и Гражданской войны), «*Чупа-чупс*» (первый в СССР памятник Ленину), «*Всё продай купи курай*» (памятник мальчику-кураисту перед кинотеатром «Искра»);

- актуальный список **лексических сокращений:** «*Зелёнка*» (Зелёная роща – район в Уфе), «*Гостинка*» (Гостиный двор), «*Мирик*» (кинотеатр «Мир»), «*Салаватка*» (проспект Салавата Юлаева), «*Галера*» (ТЦ «Галерея ART», «*Губаха*» (улица Губайдуллина), «*Машинка*» (Дворец культуры завода УМПО).

Город глазами жителей: ассоциативные портреты Уфы

Психолингвистика дает возможность заглянуть в «черный ящик» языкового сознания. Свободный *ассоциативный эксперимент*, проведенный среди школьников и студентов Уфы (всего опрошено несколько сотен человек), позволил реконструировать образ города, который существует в головах его жителей [Матвеева, 2010; Исмагилова, 2022].

Образ Уфы в целом

На стимул «Уфа» наиболее частотными оказались следующие реакции:

Салават Юлаев (34) – главный символ.

Столица (29) – статус.

Город (26) – родовая идентификация.

Университет (22) – студенческий контекст.

Красивый/красивая (19) – эстетическая оценка.

Белая (18) – река, давшая название.

Грязь (16) – парадоксально, но факт: старая поговорка «*Кто в Уфе не бывал, тот грязи не видал*» жива и сегодня.

Единичные реакции особенно показательны: они выдают индивидуальное, личное, эмоциональное. «*чужой*», «*а жить-то где?*», «*дискриминация*», «*уф!*» (как выдох усталости). Но есть и теплое: «*мама*», «*бабушка*», «*друзья*», «*чак-чак*».

Районы: «*Бандитская Черниковка*» vs. «*Пустыня Сипайлово*»

Особый интерес представляют ассоциации на названия районов. Административное деление (Ленинский, Октябрьский) почти не используется в живой речи. Вместо этого уфимцы говорят: *Черниковка, Сипайлово, Дема, Шакша, Док, Ваз, Зелёная роща, Затон*.

Черниковка – промышленный северный район. Ассоциации: *далеко, страшно, наркоманы, криминал, грязь, бараки, бандиты, гопники, бомжи*. Одна из реакций – «*черная+земля*» со смайликом. Девушки особенно боятся этого района. Однако есть и позитив: «*я люблю этот район*», «*родные улицы*», «*парк Победы*», «*нефтяной университет*» (УГНТУ). Старожилы Черниковки вспоминают, как район был отдельным городом Черниковском, как сюда эвакуировали из г. Рыбинска, Ленинграда и др. заводы в войну (отсюда «*рыбинские – оценочная характеристика приезжих*»), как жили в землянках, и не произносят ни одного плохого слова.

Сипайлово – спальный район. Ассоциации: *Кашкадан (озеро), Макдоналдс, Сипуха, пробки, трудно уехать, пустыня, уфимская Сахара, каменные джунгли*. Ирония в том, что район построен на песке, и растительности там действительно, мало.

Зелёная роща – престижный район, «уфимский центр». Ассоциации: «*Конди*» (кондитерская фабрика), *чайная фабрика, санаторий, чистота, озеленённый*.

Таким образом, в сознании горожан за каждым районом закреплён устойчивый образ, который влияет на самооценку жителей и на их восприятие «чужаков» из других районов. Это пример того, как городское пространство социально конструируется через язык, как иногда происходит социальная стигматизация локуса, то есть навешивание социальных ярлыков. Так, ассоциативный эксперимент показал, что у респондентов *Черниковка* ассоциируется со страхом, криминалом и грязью, в то время как у старожилов – с заводской славой и «малой родиной».

Вузы: «*Педики*», «*Мажоры*» и «*Лётчики*» [Матвеева, 2010; данные блогов]. Студенческая среда – один из самых активных генераторов сленга. Ассоциативный эксперимент на названия вузов выявил яркие, часто ироничные, а иногда и агрессивные номинации.

БГПУ (педагогический университет) – «*педики*», «*училки*», «*Педицинский университет*», «*Багапушка*». Сами студенты, впрочем, называют свой вуз «*нечто родное*», «*реал бест университети*», «*девчата ☺*».

УГНТУ (нефтяной технический университет) – «*мажоры*», «*богаченькие Буратинки*», «*коррупция*», «*керосинка*», «*мазутка*», «*Мазут академия*». Студент нефтяного – это статус и деньги.

УГАТУ (авиационный технический университет) – «*летучка*», «*авиашка*», «*крылья Родины*», «*аэродром*», студенты – «*гагаринцы*», «*лётчики-залётчики*», «*птички*», «*летучие мыши*».

БГАУ (аграрный университет) – безжалостное «*колхоз*», «*навозники*», «*доярки*», «*сельхоз-навоз*».

УУНТ (Уфимский университет науки и технологий), созданный в 2022 г. путем объединения Башкирского государственного университета (БашГУ) и Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), начал свою жизнь в уфимском дискурсе под прозвищем «*унитаз*».

Эти номинации – не просто грубость. Они выполняют важную социальную функцию: маркируют иерархию, распределяют статусы, выражают эмоции (согласие и протест), закрепляют стереотипы («*все нефтяники – мажоры*», «*все педагоги – девушки*»).

Важно отметить, что эти три образа – не просто статичные «картинки». Они находятся в постоянном диалоге и конфликте, который ярко проявляется в языковом сознании горожан. Столкновение «*купеческой*» (ностальгия), «*национальной*» (идентичность) и «*глобальной*» (модернизация) Уфы (сюда же входит и образ «*Уфа советская*») порождает основную оппозицию «*своего*» и «*чужого*». Выбор конкретной номинации для городского объекта (будь то официальное название улицы или сленговое прозвище) становится актом самоидентификации.

Тюркизмы в русской речи

Одна из самых ярких черт уфимского варианта русского языка – активное использование тюркской лексики. Исследователи выделяют две группы тюркизмов. Первая – слова, не имеющие русских соответствий: *бишбармак, кумыс, сабантуй, чак-чак*. Они давно ассимилированы и

воспринимаются как свои. Вторая – слова, имеющие русские синонимы, но используемые для достижения определенного коммуникативного эффекта: *мин* (я), *син* (ты), *апа* (тетя), *бабай* (дед), *акча* (деньги), *рахмат* (спасибо), *хайван* (скотина), *аптраган* (ужас), *барабир* (все равно, безразлично).

С какой целью русскоязычный уфимец вставляет в речь тюркизмы? Анализ речевых жанров показывает, что это не случайные оговорки, а осознанные риторические стратегии.

Речевой жанр приветствия и благодарности. Употребление «*салам*», «*рахмат*», «*зур рахмат*» (большое спасибо) при обращении к тюркоязычному собеседнику – это не просто вежливость. Это сигнал: «я свой», «я уважаю твою культуру», «мы говорим на одном языке». Этот вербальный жест часто сопровождается пожатием руки двумя руками – особая форма приветствия у тюркских народов.

Речевой жанр просьбы. Просьба ставит говорящего в зависимое положение. Используя тюркское слово, говорящий как бы «шифрует» просьбу: «*Ой, акча биряле, а то я кошелек дома забыла!*» (Ой, деньги дай...). Если собеседник – русскоязычный, он может сделать вид, что не понял, и отказать, не роняя достоинства просящего. Если собеседник – тюркоязычный, просьба будет выполнена. Тюркизм становится паролем, маркером ингрупповой принадлежности.

Оценочные речевые жанры. Здесь тюркизмы могут выполнять противоположные функции. Они могут смягчать негативную оценку: «*Ну ты и хайван!*» звучит менее оскорбительно, чем «*скотина*». Или, наоборот, заострять её: «*Что ты вырядилась, как апайка*» (немодно, безвкусно).

Языковая игра. Уфимцы любят создавать макаронизмы – гибридные слова и фразы, построенные на смешении языков. Вот несколько примеров из полевых записей:

«*Мин син яратам, приходи к воротам*» (я тебя люблю).

«*Колотун-бабай*» – Дед Мороз.

«*Гуталин-малай*» – негр.

«*Кошмар-апа*» – Баба-Яга.

«*Ишак-матрас*» – зебра (по окраске).

Шутки, построенные на имитации акцента, также входят в уфимский фольклор:

– *Наш Пелепей (Белебей) портовый корот (город).*

– *Почему?*

– *А там кърабли (грабли) делают!*».

Таким образом, тюркизмы в уфимской речи – это не «засорение языка», а живой, творческий инструмент, позволяющий горожанам эффективно общаться в полиэтнической среде, демонстрировать уважение, смягчать конфликты и просто шутить [Яковлева 2004; 2007; 2009; 2019].

Городские легенды: мифотворчество на улицах Уфы

Образ Уфы (как и других городов) в настоящее время находит свое отображение в литературе, живописи, музыке, кинематографе, театре. Совокупность данных разнообразных отражений формирует, по словам Ю.М. Лотмана, «некую модель», удобную для исследовательских построений [Лотман 1993: 85].

Городской фольклор – это та невидимая ткань, которая соединяет прошлое с настоящим и придает городскому пространству сакральный смысл. Уфимские легенды можно разделить на несколько типов.

«Этимологические» легенды объясняют происхождение названия города. Самая популярная связана с междометием «*уф*». Старый дед карабкается на гору, тяжело дышит: «*Уф!*». Следом лезет глухая бабка, переспрашивает: «*А?*». Люди на горе, строившие крепость, складывают эти звуки – и получается «*Уфа*». Другая легенда: воевода спрашивает у местных, как называется река, показывая на рыбака по имени Ефимка. Те отвечают: «*Ефимка*». Воевода расслышал «*Уфимка*» – так появился топоним.

«Страшные» легенды связаны с карстовыми породами, на которых стоит Уфа. Одна из легенд объясняет, почему в городе нет метро. Давно мальчик пробрался в пещеры на берегу Уфимки, ходил под землей три дня, а вернулся седым. Он рассказывал о крысах размером с куницу (куница – символ города на гербе), о стальных лабораториях и древних росписях. Его заперли в психбольнице, где он умер. Его друзья, повзрослев, стали большими начальниками и, поверив ему, запретили строить метро. Легенда дидактична: слушайся старших, не лазай в пещеры.

Другая легенда – об озере *Тёплом* в районе *Инорс*. На дне живет сом-убийца длиной шесть метров, который засасывает купальщиков целиком, поэтому на дне не находят ни косточек, ни одежды.

Особое место в уфимской мифологии занимает *Новоалександровка* – заброшенный поселок, «город-призрак». Когда-то там жили 45 тысяч человек. После выселения жителей за санитарную

зону нефтезаводов поселок опустел. О нем ходят жуткие легенды: о призраках, о детских плачах, о больнице-«абортарии», где в советское время нелегально прерывали беременности, а жертв закапывали в лесу. Стены полуразрушенной лечебницы, по слухам, исписаны призывами нерождённых детей: «Мама, мне страшно», «Дети мстят».

Легенда о Гостином дворе – о купце-призраке, который охраняет старые стены. В период разрухи мальчишки видели странный силуэт. Во время реконструкции рабочий видел фигуру в кафтане и высокой шапке, замахивающуюся кнутом. Легенда призывает не разрушать старинные здания.

Семиотика города: логотипы и реклама как текст

Как мы отмечали, город говорит не только словами, но и образами. Логотипы предприятий, вывески, рекламные баннеры – все это креолизованные тексты, в которых вербальное и невербальное неразрывно слиты. Исследование уфимских логотипов [Ахметова, 2020] показало, что эффективные логотипы апеллируют к архетипам – древним образам, хранящимся в коллективном бессознательном. В башкирской культуре такими архетипами являются *тамга* (родовое клеймо) и *орнамент*.

Примеры:

Логотип футбольного клуба «Уфа» построен на башкирском написании «ӨФӨ» и солярном знаке с двенадцатью лучами (12 богов в башкирской мифологии).

Логотип компании «ЭКО-УФА» использует образ зеленого листа на фоне планеты – символ экологии, подкрепленный фактом: Уфа признана самым зеленым городом-миллионником России (202 м² зелени на жителя).

Логотип гостиницы «Уфа-Астория» использует старинный вензель, отсылающий к дореволюционной истории здания (доходные дома купца Зайкова, 1895 год).

Логотип телевидения «Вся Уфа» прошел путь от абстрактного голубя мира до регионального дизайна с использованием башкирской айдентики.

Цвет в уфимской рекламе также несёт смысловую нагрузку. *Красный* – цвет победы, жизненной силы, защиты от зла (в башкирской традиции детей перевязывали красной ниткой). *Зелёный* – цвет свободы, вечности жизни, природы и мусульманской религии. *Синий* – цвет добродетели и чистоты помыслов (все три цвета – флага Республики Башкортостан).

Уличные объявления и интернет-коммуникация: новые речевые жанры

Традиционный речевой жанр уличного объявления [Исламова, 2009] сегодня трансформируется под влиянием интернета. Уличные объявления уступают место объявлениям онлайн, которые исследователи называют «бизнес-клипами».

Что такое бизнес-клип? Это короткое, информационно плотное сообщение, рассчитанное на *клиповое мышление* современного человека. Клиповое мышление – это восприятие мира через мозаику разрозненных фактов, которые быстро сменяют друг друга. Интернет-объявление – это «одноразовая реакция» на раздражитель, мгновенный ответ.

Анализ более 1000 интернет-объявлений Уфы позволил выделить ключевые концепты, волнующие горожан:

Рынок – гиперконцепт, включающий куплю-продажу всего: недвижимости, продуктов, техники, одежды, работы.

Работа – широкий спектр: от IT и нефтянки до работы без квалификации.

Деньги – объявления типа «деньги сразу», «деньги за час», «нужны деньги – вот возьми».

Красота и здоровье – здесь фиксируется проникновение сложной терминологии в обыденную речь: *пилинг, персинг, кератин, су-джок, небулайзер, целлюлит*.

Спорт – айкидо, верховая езда, фитнес, сплавы по реке Ай.

Знакомство – брачные агентства, женские клубы («Талисман Любви»).

Чтение – но, что характерно, жители предпочитают «клиповое» чтение: детективы, любовные романы, глянец, а не «объемную классику».

Город предстает в этих объявлениях прежде всего как *рыночное пространство*, а отношения между людьми сводятся к ситуации сделки, купли-продажи [Исламова, Яковлева, 2013].

Заключение

Лингвистическое градоведение Уфы – это не кабинетная наука, а живое, постоянно развивающееся направление. Исследования, проводимые в нашем городе, позволяют сделать следующие выводы.

1. **Уфа как текст – это сложное, многослойное, семиотически насыщенное образование.** В нем переплетаются три основных дискурса: губернский (ностальгический), национальный (башкирский) и глобализованный (мегаполисный). Они не исключают, а дополняют друг друга, создавая уникальный **урботекст**.

2. **Коммуникативная модель «город – урботекст – коллективный горожанин»** доказала свою эвристическую ценность. Она позволяет изучать город не как мертвый фон, а как активного субъекта диалога, а горожанина – как интегральный образ, формируемый языком и формирующий язык. Именно с этим связана актуализация ключевых смыслов столицы Башкортостана.

3. **Русский язык в Уфе – это вариативный русский (*Vernacular Russian*).** «В живой речи, – как отмечал А.Ф. Лосев в своей книге «Диалектика мифа», – всегда присутствует стихия особого качества; здесь нет срединности, умеренности, скованности; есть порыв, богатство и грубость, точность чувств, колорит и юмор, сатира и сарказм; никогда нет канцелярщины, схематичности, безразличия, плоскости; но всегда: индивидуальность, страстность, объемность, свет и тень, сладость видения, перспектива и выразительность». Кроме того, он характеризуется активным использованием тюркизмов, которые выполняют функции контактоустанавливающие, эвфемистические, оценочные и игровые. Тюркизмы – не «сорняки», а стратегический ресурс коммуникации в полиэтнической среде.

Феномен тюркизмов в уфимской речи наглядно демонстрирует стратегии включения/исключения. Употребляя «*рахмат*» или «*айда*», русскоязычный житель сознательно выбирает «свой» код в диалоге с тюркоязычным собеседником, становясь «ингрупповым». Напротив, гипертрофированное использование англицизмов или пренебрежительные маркеры вроде «*апайка*» сигнализируют о дистанции и отторжении «чужого».

4. **Языковое сознание уфимцев** фиксирует не только объективные характеристики города (*столица, Агидель (река Белая), памятник Салавату Юлаеву*), но и глубоко личные, эмоциональные, часто противоречивые образы (*грязь – красота, родной/свой – чужой, страх – любовь*). Ассоциативные эксперименты вскрывают латентные социальные конфликты (между районами, между поколениями, между «коренными» и «приезжими»).

5. **Городской фольклор (легенды, анекдоты, пословицы, сленг)** является «культурным бессознательным» города. Он сохраняет историческую память, транслирует ценности, формирует идентичность и в то же время – дает выход агрессии, страхам, иронии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием **Ассоциативного словаря символов Республики Башкортостан** (проект А.Ф. Исмагиловой), с мониторингом языковых изменений в цифровой среде, с изучением «спасённого субстрата» – исчезающих диалектизм и профессиональной лексики уфимских заводов.

Уфа продолжает говорить. Задача лингвиста – услышать, записать, понять и объяснить, как живёт и дышит этот удивительный, противоречивый, многоголосый город на семи холмах, между Белой и Уфимкой, на перекрёстке Европы и Азии.

Список сокращений

АА – архив проф. Л.Л. Аюповой
АЯ – архив проф. Е.А. Яковлевой
ВКР – выпускные квалификационные работы

Источники и материалы

Архив проф. Е.А. Яковлевой (материалы интернет-коммуникации – фиксации неофициальных урбанонимов в блогосфере, постах пользователей социальных сетей, в материалах интернет-форумов, чатов, мессенджеров (2000–2024 гг.)).

Архив проф. Л.Л. Аюповой (записи живой разговорной речи молодежи, сделанные в Уфе в 1974–2010 гг.).

Гревс, И.М., 1921. Город как предмет краеведения, *Экскурсионное дело*. № 1, с. 24.

Матвеева, Т.И., 2010. Уфа в зеркале своего языка. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Мельникова, В.А., 2005. Транспортный дискурс Уфы как разновидность профессионального дискурса. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Смышляева, К.В., 2010. Названия газет и журналов Республики Башкортостан: психолингвистический аспект анализа. Каф. общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Хранение. Архив ВКР.

Список литературы

- Анциферов, Н.П., 1991. *Непостижимый город...* СПб.: Лениздат, 335 с.
- Ахметова, А.Р., 2019. Ассоциативное поле топонима Уфа, *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*, т. 8, № 5, с. 32–37.
- Ахметова, А.Р., 2020. Городские интернет-мемы: лингвокультурологический аспект (на примере г. Уфы), *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, № 1, с. 102–111. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-102-111>
- Ахметова, А.Р., 2022. *Актуализация смыслового потенциала топонима Уфа в полидискурсивном пространстве города*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 23 с.
- Аюпова, Л.Л., 1994. *Лексика народов Башкортостана в русской речи (гlossарий)*. Уфа: Изд-во БГУ, 100 с.
- Васильева, К.В., Никитина, Т.Г., Рогалева, Е.И., 2024. Дизайн городской среды в молодежной сленговой интерпретации: лингвоаксиологический и лексикографический аспекты, *Научный диалог*, т. 13, № 4, с. 32–50.
- Вахитов, С.В., 2003. *Словарь уфимского сленга*. Уфа: Вагант, 230 с.
- Голомидова, М.В., 2022. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы, *Вопросы ономастики*, т. 19, № 1, с. 160–179. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/110666/1/vopon_2022_1_08.pdf (дата обращения: 03.04.2026)
- Гурин, С.П., 2003. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты, *Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы Междунар. науч.-практич. конф.* Саратов: Изд-во СГУ, с. 10–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44592380> (дата обращения: 03.04.2026)
- Емельянова, А.М., 2007. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Исламова, И.Ф., 2009. *Уличное объявление как речевой жанр: на примере уличных объявлений города Уфы*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н., 2010. *Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы*. М.: Языки славянских культур, 496 с.
- Колесов, В.В., 1991. *Язык города*. М.: Высшая школа, 192 с.
- Красных, В.В., 2012. Современный большой город как перекресток миров (виртуальное vs. реальное, вербальное vs. невербальное, «свое» vs. «чужое»), *Полифония большого города: сб. науч. ст.*, под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кириловой. М.: Изд-во МИИ, с. 75–83.
- Ларин, Б.А., 1977. О лингвистическом изучении города, *История русского языка и общее языкознание (Избранные работы)*. М., с. 175–189.
- Линч, К., 1982. *Образ города*. Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 328 с.
- Лосев, А.Ф., 2001. *Диалектика мифа*. М.: Изд-во Мысль, 558 с.
- Лотман, Ю.М., 1993. Город и время, *Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1)*. СПб.: Эйдос, 315 с.
- Лотман, Ю.М., 2010. *Семиосфера*. СПб.: Искусство–СПб, 704 с.
- Лотман, Ю.М., 1984. Символика Петербурга и проблемы семиотики города, *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. Тарту, с. 30–45.
- Королева, И.А., 2022. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение, *Социолингвистика*, № 3, с. 86–94.
- Нигматуллина, И.В., 2007. Образ города в поэтическом тексте (на материале уфимской поэзии), *Вестник Башкирского университета*, № 1, с. 112–115.
- Семенова, С.Ю., 1998. *Историческое развитие планировки и застройки Уфы (конец XVI в. – начало XX в.)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 23 с.
- Топоров, В.Н., 1984. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему), *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. Тарту, с. 4–29.
- Файзуллина, И.И., 2009. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка (на примере Уфы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 24 с.
- Яковлева, Е.А., 1996. «Город» – «Урботекст» – «Коллективный горожанин»: к проблеме составления коммуникативной модели, *Вестник Башкирского университета*, № 2, с. 78–83.
- Яковлева, Е.А. и др., 2007. Риторический аспект изучения различного рода дискурсов, *Антропосфера дискурса: монография*. Уфа: Гилем, с. 177–239.

Яковлева, Е.А., 2009, Лингвистика на службе у города, *Дни русской словесности в Башкортостане*. Уфа: РИЦ БашГУ, с. 46–52.

Яковлева, Е.А., 2011. Город как территория, пространство, текст, образ. *Язык – текст – литература. Коммуникативная парадигма. Сб. статей к 70-летию А.А. Чувакина*. Барнаул: Изд. Алт. Ун-та, с. 352–360.

Яковлева, Е.А., 2019. Лингвистическое градоведение: достижения, проблемы, перспективы (на примере исследования языка полиэтнической Уфы), *Российский гуманитарный журнал*, т. 8, № 6, с. 419–434. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-gradovedenie-dostizheniya-problemy-perspektivy-na-primere-issledovaniya-yazyka-polietnichnoy-ufy/viewer> (дата обращения: 03.04.2026)

Яковлева, Е.А., 2020. Живая речь коллективного уфимца: опыт динамического словаря, *Лексикографические штудии: Международная коллективная монография*, под ред. Н.В. Пятаевой. Рига: BVKI, т. 4, с. 304–349.

Яковлева, Е.А., 2024. Города подобны романам: каждая улица – страница, каждое здание – глава, *Шкатовские чтения. Материалы Международной научной конференции*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, с. 587–596. URL: <https://vk.com/shkatova.conference2024> (дата обращения: 03.04.2026)

Яковлева, Е.А., Исмагилова, А.Ф., 2019. Внешняя реклама строящихся объектов жилой недвижимости в Уфе, *Российский гуманитарный журнал*, № 1, с. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-reklama-stroyaschihsya-obektov-zhiloy-nedvizhimosti-ufy> (дата обращения: 03.04.2026) DOI: <https://doi.org/10.15643/libartus-2019.1.7>

Яковлева, Е.А., Исмагилова, А.Ф., 2020. Уфа как текст: образ национального города на примере ресторанного дискурса башкирской кухни, *Российский гуманитарный журнал*, т. 9, № 5, с. 334–341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ufa-kak-tekst-obraz-natsionalnogo-goroda-na-primere-restorannogo-diskursa-bashkirskoy-kuhni> (дата обращения: 03.04.2026) <https://doi.org/10.15643/libartus-2020.5.6>

References

Antsiferov, N.P., 1991, *The incomprehensible city...* Lenizdat, St.Petersburg, 335 p. (In Russ.)

Ahmetova, A.R., 2019, The associative field of the name Ufa, *Research and development. Modern communication science*, vol. 8, no. 5, pp. 32–37. (In Russ.)

Ahmetova, A.R., 2020, Urban Internet memes: linguistic and cultural aspect (on the example of Ufa), *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1, pp. 102–111. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-102-111> (In Russ.)

Akhmetova, A.R., 2022, *Actualization of the semantic potential of the toponym Ufa in the polydiscursive space of the city*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 23 p. (In Russ.)

Ayupova, L.L., 1994, *Vocabulary of the peoples of Bashkortostan in Russian speech (glossary)*. Bashkir State University publ., Ufa, 100 p. (In Russ.)

Vasilyeva, K.V., Nikitina, T.G., Rogaleva, E.I., 2024, Urban Environment Design in Youth Slang Interpretation: Linguo-Axiological and Lexicographical Aspects, *Nauchnyi dialog*, vol. 13, no. 4, 32–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-32-50>

Vakhitov, S.V., 2003, *Dictionary of Ufa slang*. Vagant, Ufa, 230 p. (In Russ.)

Golomidova, M.V., 2022, Urban toponymy as a means of manifesting regional identity: the case of Ufa city, *questions of onomastics*, vol. 19, no. 1, pp. 160–179. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/110666/1/vopon_2022_1_08.pdf (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Gurin, S.P., 2003, The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects, *cities of the region: cultural and symbolic heritage as a humanitarian resource of the future. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, Saratov State University publ., Saratov, pp. 10–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44592380> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)

Emelyanova, A.M., 2007, *Ergonyms in the linguistic landscape of a multiethnic city (based on the names of business, commercial, cultural, and sports facilities in Ufa)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)

Islamova, I.F., 2009, *Street announcement as a speech genre: on the example of street announcements in the city of Ufa*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)

Kitaygorodskaya, M.V., Rozanova, N.N., 2010, *Linguistic existence of a modern city dweller: based on the language of Moscow*. Languages of slavic cultures, Moscow, 496 p. (In Russ.)

Kolesov, V.V., 1991, *Language of the city*. Vysshaya shkola, Moscow, 192 p. (In Russ.)

- Krasnykh, V.V., 2012, The modern big city as a crossroads of worlds (virtual vs. real, verbal vs. non-verbal, “one’s own” vs. “someone else’s”), *Polyphony of the big city: collected scientific articles*, ed. by L.M. Terenty, V.V. Krasnykh, A.V. Kirilina. MIL Publ., Moscow, pp. 75–83. (In Russ.)
- Larin, B.A., 1977, *On the linguistic study of the city, History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, pp. 175–189. (In Russ.)
- Lynch, K., 1982, *The image of the city*. Translated from English by V.L. Glazychev; comp. by A.V. Ikonnikov; ed. by A.V. Ikonnikov. Strojizdat, Moscow, 328 p. (In Russ.)
- Losev, A.F., 2001, *Dialectics of myth*. Mysl’ publ., Moscow, 558 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 1993, City and Time, *Metaphysics of Petersburg (Petersburg readings on theory, history, and philosophy of culture. Issue 1)*. Ejdos, St. Petersburg, 315 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 2010, *Semiosphere*. Iskustvo–SPb, St. Petersburg, 704 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 1984, Symbolism of St. Petersburg and Problems of the Semiotics of the City, *Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems of the 18th Century*. Tartu, pp. 30–45. (In Russ.)
- Koroleva, I.A., 2022, Unofficial toponyms in the language of the modern city and their study [online], *Sociolinguistics*, no. 3 (11), pp. 86–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-11-86-94>
- Nigmatullina, I.V., 2007, The image of the city in a poetic text (based on Ufa poetry), *Bulletin of the Bashkir University*, no. 1, pp. 112–115. (In Russ.)
- Semenova, S.Yu., 1998, *Historical development of the planning and development of Ufa (late 16th century – early 20th century)*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 23 p. (In Russ.)
- Toporov, V.N., 1984, St. Petersburg and the St. Petersburg Text of Russian Literature (Introduction), *Semiotics of the City and Urban Culture. Petersburg. Works on Sign Systems of the 18th Century*. Tartu, pp. 4–29. (In Russ.)
- Faizullina, I.I., 2009, Onomastic field of pragmatonyms in the modern Russian language (using the example of Ufa). Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Ufa, 24 p. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 1996, “City” – “Urbotekst” – “Collective citizen”: on the problem of compiling a communicative model, *Bulletin of the Bashkir University*, no. 2, pp. 78–83. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A. et al., 2007, The rhetorical aspect of the study of various kinds of discourses, *Anthroposphere of discourse: Monograph*. Gilem, Ufa, pp. 177–239. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2009, Linguistics in the Service of the City, *Days of Russian Literature in Bashkortostan*. Bashkir State University publ., Ufa, pp. 46–52. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2011, The city as territory, space, text, image, language – text – literature. *Communicative paradigm. Collection of articles for the 70th anniversary of A.A. Chuvakin*. Altai University Publ., Barnaul, pp. 352–360. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2019, Linguistic urban studies: achievements, problems and expectations (on the example of the study of the language of polyethnic Ufa), *Liberal Arts in Russia*, vol. 8, no. 6, pp. 419–434. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskoe-gradovedenie-dostizheniya-problemy-perspektivy-na-primere-issledovaniya-yazyka-polietnichnoy-ufy/viewer> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2020, Living speech of a collective Ufa resident: an attempt at a dynamic dictionary, *Lexicographic studies: international collective monograph*, ed. by N.V. Pyataeva. BVKI, Riga, vol. 4, pp. 304–349. (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., 2024, Cities are like novels: every street is a page, every building is a chapter, *Shkatov readings. Proceedings of the International Scientific Conference*. Chelyabinsk State University publ., Chelyabinsk, pp. 587–596. URL: <https://vk.com/shkatova.conference2024> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.)
- Yakovleva, E.A., Ismagilova, A.F., 2019, Outdoor advertising of under construction residential real estate in Ufa, *Liberal Arts in Russia*, vol. 8, no. 1, pp. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-reklama-stroyaschihsya-obektov-zhiloy-nedvizhimosti-ufy> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.) <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.1.7>
- Yakovleva, E.A., Ismagilova, A.F., 2020, Ufa as a text: the image of the national city on the example of the restaurant discourse of Bashkir cuisine, *Liberal Arts in Russia*, vol. 9, no. 5, pp. 334–341. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ufa-kak-tekst-obraz-natsionalnogo-goroda-na-primere-restorannogo-diskursa-bashkirskoy-kuhni> (accessed: 03.04.2026). (In Russ.) <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.6>

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Евгения Андреевна Яковлева, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0008-8736-286X>; e-mail: e_yakov@mail.ru

Information about the author

Evgeniya A. Yakovleva, Dr. Sc. (Philology), professor, Aknulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0008-8736-286X>; e-mail: e_yakov@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026

**Динамика молодежной политики, девиаций
и институциональных трансформаций в Башкирской АССР
в годы перестройки (1985–1991 гг.)**

Наркас Вафиевна Ахмадиева

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: Ahmadiyeva72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу социальных трансформаций в период перестройки (1985–1991 гг.) через призму архивных материалов фонда Башкирского обкома КПСС Национального архива Республики Башкортостан, представляющих уникальный источник для изучения институциональных кризисов советского общества. Актуальность исследования определяется необходимостью переоценки позднесоветской эпохи как ключевого этапа деструкции традиционных институтов социализации молодежи. Необходимо также дальнейшее изучение регионального аспекта роста правонарушений, алкоголизма и наркомании в молодежной среде в контексте ослабления идеологического контроля. Новизна работы заключается в системном применении проблемно-хронологического метода для оценки кризиса ВЛКСМ как основного агента молодежной политики, а также в анализе эффективности правоохранительных механизмов и их адаптации к новым социальным вызовам. Методологическая база исследования основана на принципах историзма и научной объективности, сочетаемых с анализом архивных документов и вторичных источников. Научный вклад проявляется в рассмотрении институциональной слабости комсомола, потерявшего к концу 1980-х гг. роль социального лифта для молодежи, а также в выявлении причин роста девиантного поведения: экономической маргинализации, девальвации норм, слабой координации между государственными и общественными структурами. Результаты исследования показывают, что к началу 1990-х гг. комсомольская организация Башкирии сократилась с 568 тыс. до 370 тыс. человек, а криминализация молодежи выросла: к 1989 г. количество несовершеннолетних осужденных достигло 1063 человек, а алкогольно-наркотическая зависимость среди подростков составила 1576 зарегистрированных случаев. Динамика судимости в 1987–1989 гг. фиксировала стабильно высокое число осужденных несовершеннолетних. Автор приходит к выводу, что серьезной проблемой была низкая эффективность правовых и профилактических мер: доля рецидивной преступности среди несовершеннолетних достигла 12 %. Научная значимость работы заключается в расширении представлений о специфике позднесоветского кризиса на региональном уровне, выявлении закономерностей социальной дезорганизации в условиях трансформации. Исследование демонстрирует, что институциональная неэффективность ВЛКСМ и правоохранительных органов в условиях перестройки стала причиной ускоренной деструкции социальных норм молодежи, чреватых негативными последствиями для постсоветского общества.

Ключевые слова: комсомол, перестройка, девиации, правовое воспитание, пьянство, преступность, судебная практика

Для цитирования: Ахмадиева, Н.В., 2026. Динамика молодежной политики, девиаций и институциональных трансформаций в Башкирской АССР в годы перестройки (1985–1991 гг.), *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 228–235. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.20>

Trends in youth policy, deviance and institutional transformations in the Bashkir ASSR during the perestroika era (1985–1991)

Narkas V. Akhmadieva

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature UFRC RAS,
Ufa, Russian Federation
E-mail: Ahmadieva72@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of social transformations during the period of perestroika (1985–1991) through the lens of archival materials from the Bashkir Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) collection held at the National Archives of the Republic of Bashkortostan, which constitute a unique source for studying institutional crises in Soviet society. The relevance of this research stems from the need to reassess the late Soviet era as a key stage in the dismantling of traditional institutions of youth socialization. Further study is also required into the regional aspects of rising crime, alcoholism and drug addiction among young people in the context of the weakening of ideological control. The novelty of this work lies in the systematic application of the problem-chronological method to assess the crisis of the Komsomol as the main agent of youth policy, as well as in the analysis of the effectiveness of law enforcement mechanisms and their adaptation to new social challenges. The methodological basis of the study is founded on the principles of historicism and scientific objectivity, combined with the analysis of archival documents and secondary sources. The findings of the study show that by the early 1990s, the Komsomol organization in Bashkiria had shrunk from 568,000 to 370,000 members, whilst youth crime had risen: by 1989, the number of convicted minors had reached 1,063, whilst alcohol and drug addiction among teenagers stood at 1,576 registered cases. Trends in criminal convictions between 1987 and 1989 showed a consistently high number of convicted minors. The author concludes that a major problem was the low effectiveness of legal and preventive measures: the rate of recidivism among juveniles reached 12%. The scientific significance of the study lies in broadening our understanding of the specific nature of the late Soviet crisis at the regional level and identifying patterns of social disorganization in the context of transformation. The study demonstrates that the institutional inefficiency of the Komsomol and law enforcement agencies during perestroika led to the accelerated breakdown of social norms among young people, with potentially negative consequences for post-Soviet society.

Keywords: Komsomol, perestroika, deviations, legal education, alcoholism, crime, judicial practice

For citation: Akhmadieva, N.V., 2026, Trends in youth policy, deviance and institutional transformations in the Bashkir ASSR during perestroika era (1985–1991), *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 228–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.20>

Введение

Архивные фонды Башкирского обкома КПСС Национального архива Республики Башкортостан представляют собой уникальный источник для реконструкции социальных процессов в период позднего СССР, когда институциональные структуры советского общества значительно трансформировались под воздействием перестройки. Документы фонда 122 Башкирского обкома КПСС фиксируют не только официальную риторику партийных органов, но и реальные практики управления, кризисные явления в молодежной политике, а также динамику девиантного поведения в контексте ослабления идеологического контроля и экономической нестабильности.

Отечественная историческая наука накопила огромный массив трудов, посвященных периоду перестройки (1985–1991 гг.) в стране, их анализ заслуживает отдельного самостоятельного исследования. Следует лишь отметить, что интерес российских исследователей к этому периоду отечественной истории в последние годы заметно снизился, что, на наш взгляд, совершенно необоснованно. Применительно к данной статье внимание привлекают работы, изучающие социальные проблемы молодежи, общественную активность, девиантное поведение, реакцию государственных и общественных институтов на деструктивные тенденции в молодежной среде [Гилинский, 2004; Девиантность подростков..., 2001; Магомедов, Фокина, 2016; Мамяченков, 2011; Уваров, 2016]. На региональном уровне имеются определенные исследования историков, социологов по указанным аспектам проблемы [Ахмадиева, 2024а; Ахмадиева, 2024б; Гилязитдинов,

Дорожкин, Файзуллин и др., 2000; Баимбетов и др., 1998; Шарафутдинов Т.Г., 2010а; Шарафутдинов, 2010б; Шарафутдинов, 2013], но назрела необходимость комплексного системного подхода в исторической оценке явлений и процессов перестроечного периода.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ социальных проблем Башкирской АССР в годы перестройки через призму архивных материалов, с акцентом на институциональный кризис ВЛКСМ как ключевого агента социализации молодежи. Научная новизна статьи заключается в анализе девиантного поведения молодежи (преступность, алкоголизм, наркомания) в контексте социальной дезорганизации, а также в изучении эффективности правоохранных механизмов и их адаптации к новым вызовам. Объективный анализ реальной роли общественных регуляторов – комсомола, средств массовой информации как рычагов влияния на молодое поколение выявил их слабые возможности для стратегического планирования в условиях нарастающей трансформации системы. Актуальность темы подтверждается ее недостаточной изученностью, к тому же девиантное поведение социальных групп при низкой эффективности государственных и общественных институтов является острой проблемой современности. Принципы научной объективности и историзма и проблемно-хронологический метод исследования позволили рассмотреть обозначенные проблемы во взаимосвязи со сложившейся конкретно-исторической ситуацией.

Основная часть

Позднесоветское общество неотвратимо вступало в период институциональных кризисов – политических, экономических, социальных. Согласимся с мнением С.И. Никоновой, что идеократическое государство существовало во многом благодаря нормам, традиционным для нескольких поколений советских людей. Несоответствие идеологических установок и реалий жизни формировали в сознании и психологии людей конформизм, инертность, отчуждение от политики, разочарование в духовных ценностях социалистического общества. Идеологическая система только на первый взгляд оставалась монолитной: под воздействием как внешних, так и внутренних факторов эрозия постепенно разрушала ее структуру [Никонова, 2008: 385].

К концу 1980-х гг. ВЛКСМ столкнулся с системным кризисом, обусловленным деконструкцией советской идеологии в условиях гласности и плюрализации общественного дискурса. Факторы экономической маргинализации молодежи, такие как скрытая безработица, дефицит жилья, снижение социальной мобильности усилили кризисную ситуацию. Традиционная советская модель бюрократизации комсомола привела к формализации деятельности и отчуждению рядового члена от организационных процессов.

К концу перестройки комсомольская организация Башкирии столкнулась с рядом серьезных проблем, отражавших общие тенденции развития позднесоветского общества. Снижающаяся популярность ВЛКСМ среди молодежи проявлялась в уменьшении числа новых членов организации и в пассивности рядовых комсомольцев.

Так, к началу 1990 г. комсомольская организация Башкирии объединяла около 370 тыс. юношей и девушек. Сокращение ее рядов началось с 1985 г., когда она насчитывала свыше 568 тыс. человек [Шайхетдинов, 2012: 73]. Молодежь стала воспринимать комсомол как формальную структуру, не способную предложить им реальные возможности для самореализации и участия в общественной жизни.

Республиканские власти пытались активизировать участие комсомольцев в общественно-политической жизни посредством организации спортивных, культурно-массовых мероприятий. Однако значительная часть молодежи сохраняла социальную пассивность и потребительское отношение к жизни. Так, в 1989 г. в Дуванском районе, как и в других регионах республики, комсомольские организации пытались активизировать свою деятельность через проведение различных мероприятий. Однако эти усилия часто не приводили к ожидаемым результатам. Например, спортивные и культурно-массовые мероприятия, организованные райкомом ВЛКСМ, собирали ограниченное число участников, и их влияние на общую ситуацию было незначительным. Многие комсомольцы предпочитали заниматься личными делами, не проявляя интереса к общественной деятельности. Еще одной серьезной проблемой была низкая вовлеченность молодежи в арендные коллективы и молодежные жилищные комплексы (МЖК). Эти формы организации труда и быта молодых людей были призваны стимулировать их активность и ответственность, улучшить жилищно-бытовые условия, но на практике они не получили широкого распространения [НА РБ, ф. 122, оп. 230, д. 134, л. 51–52]. Молодежь не увидела в них реальных преимуществ и предпочитала традиционные формы трудоустройства и проживания.

В годы перестройки проведение эффективной молодежной политики являлось важной задачей партийных и комсомольских организаций Башкирской АССР. К сожалению, результативность

предпринимаемых мер оставалась недостаточной. Одной из причин была слабая координация между различными структурами, занимающимися работой с молодежью [Там же, л. 103].

Следует отметить, что рост социальных девиаций в молодежной среде, таких как пьянство и наркомания являлся следствием размывания социальных норм и морально-идеологических установок в обществе. Безусловно, данные негативные тенденции имели место и до начала перестройки. Вопреки массовой пропаганде официальной государственной идеологии, асоциальное, антиобщественное поведение охватывало значительные слои населения. Анализируя негативные тенденции в развитии общественных настроений в июле 1983 г., первый секретарь Башкирского обкома КПСС М.З. Шакиров отмечал, что у части молодежи запаздывало гражданское становление, имели место политическая наивность, иждивенчество, низкая трудовая мотивация. Росло количество правонарушений среди молодежи и несовершеннолетних. Распространенным явлением стало пьянство, в 1982 г. около 55 тыс. человек из числа подростков и молодежи побывали в медвытрезвителе, из них 4 тыс. были комсомольцами. Часть молодежи чрезмерно увлекалась западной музыкой, модой и манерой поведения. Основным местом свободного досуга оставалась улица, где преобладали бесконтрольность и неорганизованность. Нигилизм, межпоколенческие конфликты способствовали возникновению социально-психологических, идейных противоречий между старшим и младшим поколениями советских граждан, вели к утрате преемственности [Ахмадиева, 2023: 12].

В годы перестройки рост криминализации общества усилил действия правоохранительной системы. Вопросы совершенствования правового воспитания молодежи систематически рассматривались на заседаниях координационно-методического Совета по правовой пропаганде, других ведомств, вносились на рассмотрение партийных и советских органов. В целях улучшения правовой воспитательной работы среди несовершеннолетних совместно с республиканской организацией общества «Знание» в течение 1987–1989 гг. были проведены зональные семинары лекторов-юристов в гг. Уфе, Белебее, Нефтекамске, Салавате, Дюртюлях. Основной формой правовой пропаганды среди несовершеннолетних являлась лекционная работа. В 1989 г. из 3150 лекций и бесед на правовые темы, прочитанных для населения сотрудниками Министерства юстиции и народных судов, 753 были для несовершеннолетних. Вопросы трудового воспитания молодежи освещались в печати, по радио и телевидению. Совместно с редакциями Государственного комитета по телевидению и радиовещанию и республиканских газет были организованы плановые выступления членов координационно-методического Совета по правовой пропаганде и работников правоохранительных органов по радио, телевидению и на страницах газет с пропагандой законодательства. Организовывались встречи «За круглым столом», брифинги с журналистами республиканских газет и журналов. В целях улучшения правового воспитания молодежи ежегодно проводились олимпиады правовых знаний среди учащихся школ [НА РБ, ф. 122, оп. 230, д. 134, л. 103–104].

В судебной системе народные суды республики стремились обеспечивать качественное и своевременное рассмотрение судебных и административных дел, связанных с правонарушениями среди молодежи [Там же, л. 104]. Усиливалось взаимодействие с общественностью, так, в 1989 г. выездные судебные заседания с участием общественности проводились в 18,4 % случаев [Там же, л. 105]. Выездные судебные заседания способствовали повышению прозрачности судебной системы и усилению контроля над исполнением законодательства. Деятельность народных заседателей и общественных воспитателей являлась важной формой взаимодействия общества и молодежи в правовом поле.

Суды республики уделяли определенное внимание вопросам передачи несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, на воспитание в коллективы и назначение общественных воспитателей. Так, в 1989 г. были переданы на воспитание в коллективы 47,3 % осужденных с отсрочкой исполнения приговора и 78,3 % назначены общественные воспитатели. Несовершеннолетние, осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, с отсрочкой исполнения приговора и условно, были взяты судами на особый контроль. В их перевоспитании активно участвовали народные заседатели. В каждом народном суде действовала секция совета народных заседателей по работе с несовершеннолетними [Там же, л. 106].

Несмотря на проводимую работу по предупреждению правонарушений, судимость среди несовершеннолетних в Башкирии оставалась высокой. В 1987 г. было осуждено 1044 подростков, в 1988 г. – 1045 и в 1989 г. – 1063 человек. Возрастал удельный вес несовершеннолетних к общему числу осужденных; в 1987 г. он составлял 8,8 %, в 1988 г. – 11,5 %, в 1989 г. – 11,8 %. Основные причины развития преступности среди молодежи были связаны с социальными и экономическими проблемами. Так, 28,3 % преступлений совершались в состоянии опьянения, что указывало на серьезную проблему алкоголизма среди подростков. 16,3 % осужденных не работали и не учились,

что свидетельствовало о наличии социальной дезадаптации среди молодежи. 44,1 % осужденных состояли на учете в органах внутренних дел, что указывало на высокую долю рецидивной преступности [Там же, л. 106].

Семейный фактор имеет огромное значение при формировании базовых ценностей подрастающего поколения. Поэтому, при выявлении фактов уклонения родителей от воспитания детей, к ним применялись предусмотренные законом меры. В Башкирии в 1987–1989 гг. были лишены родительских прав соответственно 121; 109; 92 родителя; признаны ограниченно дееспособными 241; 218; 138; направлены в лечебно-трудовые профилактории 1396; 1107; 1259 родителей [Там же, л. 107].

Безусловно, в деятельности Министерства юстиции и народных судов республики по предупреждению преступлений и правонарушений несовершеннолетних имелись недостатки и упущения. В некоторых народных судах недостаточное внимание уделялось аналитической работе, проведению изучений и обобщений судебной практики. Не всегда полно и всесторонне исследовались причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними [Там же, л. 107].

Недостатком судебной системы было увеличение числа возвращенных на доследование уголовных дел. В республике в 1987 г. этот показатель составлял 6,7 %, а в 1989 г. он вырос до 11,6 %, что свидетельствовало о низком качестве расследования уголовных дел и о необходимости улучшения работы следственных органов. В 1989 г. доля рецидивной преступности среди несовершеннолетних составляла 12 %, что указывало на недостаточную эффективность мер по предупреждению повторных преступлений [Там же, л. 107–108]. Многие молодые люди, совершившие правонарушения, не получали необходимой помощи и поддержки для исправления, что приводило к повторным преступлениям.

Недостаточное привлечение взрослых к ответственности за вовлечение подростков в преступную деятельность (ст. 210 УК РСФСР) способствовало криминализации общества. Многие взрослые, вовлекавшие подростков в преступную деятельность, оставались безнаказанными, что создавало дополнительные трудности в борьбе с преступностью среди молодежи [Там же, л. 108]. Наркотизация и алкоголизация молодежи являлись серьезной проблемой позднесоветского общества. В Башкирии в 1986 г. было осуждено за преступления, связанные с наркотиками, 48 % лиц до 25-летнего возраста, из которых 130 были несовершеннолетними [Там же, л. 152, л. 32]. Профилактическая работа в школах, проводимая по линии Министерства просвещения, не предотвратила трагических случаев, таких как гибель 4-х учащихся и 2-х выпускников школ от токсикомании в 1986 г. [Там же, л. 39–40]. В 1989 г. в результате вдыхания различных средств бытовой химии погибли 14 человек, из них 11 несовершеннолетних [Там же, л. 107].

В 1989 г. прокуратурой БАССР была изучена практика исполнения законодательства, направленного на предупреждение пьянства среди несовершеннолетних. Как показали проверки, возросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними в нетрезвом состоянии. В 1988 г. подростками на почве употребления алкоголя было совершено 323 преступления. Количество участвовавших в преступлениях в нетрезвом состоянии в 1988 г. по сравнению с 1987 г. возросло на 33,6 %. Тревожным моментом являлось увеличение на 23,4 % учащихся профтехучилищ, совершивших преступные деяния на почве пьянства в гг. Уфе, Салавате, Стерлитамаке, Ишимбае, Кумертау, Архангельском, Ермакеевском районах. В эти же годы больше на 61,2 % (с 1892 до 3051) было подвергнуто подростков мерам административного воздействия. Почти в 2 раза произошел рост несовершеннолетних лиц, удаленных в нетрезвом состоянии с улиц и других общественных мест. Число родителей, привлеченных к административной ответственности, увеличилось на 14,4 %. С 1254 до 1271 возросло число подростков, состоящих на профилактическом учете в инспекции по делам несовершеннолетних за употребление спиртного. В наркологических кабинетах, диспансерах было зарегистрировано 1 576 несовершеннолетних, страдающих тягой к спиртному, в т. ч. 43 подростка с диагнозом «наркомания», «токсикомания» [Там же, оп. 233, д. 148, л. 7]. Молодые люди, не занятые в общественной деятельности, оказывались вовлеченными в различные формы антиобщественного девиантного поведения.

К концу 1980-х гг. общественные настроения из оптимистической фазы ожиданий позитивных итогов перестройки и суверенизации республики перешли в состояние фрустрации, культурного шока. После распада КПСС и СССР люди были раздавлены разрушительными процессами системной дезинтеграции. Экономические реформы начала 1990-х гг., реализация политики «шоковой терапии» вызвали кризис на рынке труда, безработицу, значительно ухудшилось финансовое положение населения. Перестроечные процессы сельским населением оценивались критично: «Горбачева не воспринимали как президента. Развалил СССР, прекратили существование союзные республики». «...Мы отрицательно относились к перестройке. Во времена «сухого

закона» люди научились пить. Ельцин пришел, все перевернул, развалил союзные республики» [Ахмадиева, 2025: 67].

Заключение

В конце 1980-х годов комсомольские и партийные организации Башкирской АССР столкнулись с глубокими социальными и идеологическими проблемами, отражавшими общереспубликанские и всесоюзные тенденции периода перестройки. Кризис комсомольской организации выразился в падении авторитета ВЛКСМ среди молодежи. Формализм в деятельности комсомола, недостаточная связь с реальными нуждами молодежи привели к тому, что он утратил роль проводника идеологической гегемонии, не сумев предложить альтернативную модель молодежной политики. Социально-экономические, культурные, институциональные проблемы в обществе спровоцировали рост правонарушений, пьянства и наркомании. Усиление анонии и девиаций в молодежной среде являлось следствием девальвации социальных норм и нравственных ценностей.

Меры по улучшению ситуации с преступностью и правонарушениями среди молодежи в Башкирской АССР в годы перестройки включали различные формы правового воспитания и взаимодействия с общественностью. Они были направлены на повышение правовой культуры молодежи и усиление контроля над исполнением законодательства. В то же время правоохранительная система оказалась не готовой к росту криминогенности, сохраняя советские репрессивные практики при низкой эффективности профилактических механизмов, что свидетельствовало об ее институциональных проблемах.

Правовое воспитание и общественный контроль давали частичный эффект, но не решали системных проблем. Назревала необходимость внедрения комплексного подхода, включавшего действенные экономические и социальные реформы. В условиях перестройки комсомольские и партийные организации Башкирской АССР не смогли адаптироваться к новым вызовам, что привело к усилению кризисных явлений среди молодежи.

Источники и материалы

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 230, д. 134, 152; оп. 233, д. 148.

Список литературы

Ахмадиева, Н.В., 2024а. Антиобщественные настроения в Башкирии сквозь призму девиаций в сфере труда (конец 1960-х – первая половина 1980-х гг.), *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, т. 51, № 2, с. 54–61. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-2-54-61>

Ахмадиева, Н.В., 2024б. Критические замечания и предложения граждан как механизмы взаимодействия власти и населения Башкирии в позднесоветский период, *Личность, общество и государство в историческом процессе: Сборник научных трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*, отв. ред. И.И. Явнова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, с. 19–22.

Ахмадиева, Н.В., 2023. Общественные настроения в Башкирии в условиях кризиса идеологической системы (конец 1970-х – начало 1980-х гг.), *Проблемы востоковедения*, № 3, с. 8–14. <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2023-3-8-14>

Ахмадиева, Н.В., 2025. Перестройка и общественный фон башкирской деревни в 1985–1991 гг., *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, т. 54, № 1, с. 63–70. <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2025-1-63-70>

Баимбетов, А.А., Кабакович, Г.А., Насибуллин, Р.Т., Хайруллин, Ф.Г., 1998. *Молодежь в кризисном социуме*. М.: Изд-во Института социологии РАН, 118 с.

Гилинский, Я., 2004. *Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 520 с.

Гилязитдинов, Д.М., Дорожкин, Ю.Н., Файзуллин, Ф.С. и др., 2000. *Социальные последствия реформ в Башкортостане*. Уфа: Изд-во УЮИ МВД РФ, 225 с.

Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность: Учеб.-науч. изд. / Я. Гилинский, И. Гурвич, М. Русакова [и др.], 2001. СПб.: Мед. пресса, 197 с.

Магомедов, Р.Р., Фокина, С.Н., 2016. Антиалкогольная кампания 1985–1990 гг. на Южном Урале (на материалах Оренбургской и Челябинской областей), *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, № 2 (18), с. 158–166. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_18_2016.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

Мамяченков, В.Н., 2011. Потребление алкоголя как элемент повседневной жизни населения Свердловской области в 1946–1991 годах, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 23 (238). История. Вып. 47, с. 158–163.

Никонова, С.И., 2008. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг., *Вестник Тамбовского университета*, вып. 5 (61), с. 374–382.

Уваров, С.Н., 2016. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале, *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, № 1 (17), с. 180–189. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

Шайхетдинов, М.А., 2012. Национальные молодежные организации Республики Башкортостан: история становления и развития (1990–2008 годы), *Вестник Челябинского государственного университета*, № 16 (270): История, вып. 51, с. 73–78.

Шарафутдинов, Т.Г., 2010а. Кризис комсомольских организаций БАССР и Оренбуржья в годы перестройки, *Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.* Кн. 2, гл. ред. П.Б. Уваров. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед ун-та, с. 191–195.

Шарафутдинов, Т.Г., 2010б. Кризис КПСС в регионах Южного Урала (1985–1991 гг.), *Мировое культурно-языковое и политическое пространство: взгляд через столетия: Сборник материалов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции*, т. 1, отв. ред. Е.В. Тихонова. М.: РГСУ, с. 262–265.

Шарафутдинов, Т.Г., 2013. *Общественно-политическая жизнь на Южном Урале в 1985–1993 гг.* Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 26 с.

References

Akhmadieva, N.V., 2024a, Antisocial sentiments in Bashkiria through the prism of deviations in the sphere of labor (in the late 1960s – the first half of the 1980s), *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, vol. 51, no. 2, pp. 54–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2024-2-54-61>

Akhmadieva, N.V., 2024b, Critical comments and suggestions of citizens as mechanisms of interaction between the authorities and the population of Bashkortostan in the late soviet period, *Personality, society, and state in the historical process: collection of scientific papers of the All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference*, ed. I.I. Yavnova, Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, pp. 19–22. (In Russ.)

Akhmadieva, N.V., 2023, Public moods in Bashkiria in conditions of the crisis of the ideological system (late 1970s – early 1980s), *The problems of Oriental Studies*, no. 3, pp. 8–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2223-0564-2023-3-8-14>

Akhmadieva, N.V., 2025, Perestroika and the social background of the Bashkir village in 1985–1991, *Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, vol. 54, no. 1, pp. 63–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1728-5283-2025-1-63-70>

Baimbetov, A.A., Kabakovich, G.A., Nasibullin, R.T., Khairullin, F.G., 1998, *Young people in a crisis society*. The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences publ., Moscow, 118 p. (In Russ.)

Gilinsky, Ya., 2004, *Deviantology: Sociology of crime, drug abuse, prostitution, suicide, and other “deviations”*. Law Center Press, St. Petersburg, 520 p. (In Russ.)

Gilyazitdinov, D.M., Dorozhkin, Yu.N., Fayzullin, F.S., et al., 2000, *Social consequences of reforms in Bashkortostan*. Publishing House of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, 225 p. (In Russ.)

Adolescent Deviance: theory, methodology, empirical reality: Textbook-scientific publication / Ya. Gilinsky, I. Gurvich, M. Rusakova [et al.], 2001, Medpressa, St. Petersburg, 197 p. (In Russ.)

Magomedov, R.R., Fokina, S.N., 2016, Anti-alcohol campaign of 1985–1990 in Southern Urals (on the material of Orenburg and Chelyabinsk regions), *Vestnik of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 2 (18), pp. 158–166. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/17_18_2016.pdf (accessed: 02.04.2026). (In Russ.)

Mamyachenkov, V.N., 2011, Alcohol consumption as an element of everyday life of the population of the Sverdlovsk region in 1946–1991, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 23 (238), History, iss. 47, pp. 158–163. (In Russ.)

Nikonova, S.I., 2008, The Crisis of Ideology and Soviet Society in the 1970s–80s, *Tambov University Review*, iss. 5 (61), pp. 374–382. (In Russ.)

Uvarov, S.N., 2016, Causes, conducting and results of the anti-alcohol campaign of 1985–1988 in the Urals, *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 1 (17), pp. 180–189. http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016.pdf (accessed: 02.04.2026). (In Russ.)

Shaykhetdinov, M.A., 2012, National youth organizations of the Republic of Bashkortostan: a history of formation and development in 1990–2008, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 16 (270): History, iss. 51, pp. 73–78. (In Russ.)

Sharafutdinov, T.G., 2010a, Crisis of Komsomol organizations of the Bashkortostan ASSR and Orenburg region during perestroika, *Traditional societies: unknown past: materials of the 6th Int. Scientific-Practical Conference. Book 2*, ed. P.B. Uvarov, Chelyabinsk State Pedagogical University publ., Chelyabinsk, pp. 191–195. (In Russ.)

Sharafutdinov, T.G., 2010b, The Crisis of the CPSU in the Regions of the Southern Urals (1985–1991), *The global cultural, linguistic and political space: a view through the centuries: Collection of materials from the 2nd All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference*, vol. 1, ed. E.V. Tikhonova, Russian State Social University, Moscow, pp. 262–265. (In Russ.)

Sharafutdinov, T.G., 2013, *Socio-political life in the Southern Urals in 1985–1993*, Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences. Ufa, 26 p. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Заявление о финансировании

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № ГЗ 075-00576-26-00 на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов.

Funding statement

This study was conducted within the framework of the state assignment of UFIC RAS No. GZ 075-00576-26-00 for 2026 and for the planned period of 2027–2028.

Информация об авторе

Наркас Вафиевна Ахмадиева, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-5049-6337>; e-mail: Ahmadieva72@mail.ru

Information about the author

Narkas V. Akhmadieva, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-5049-6337>; e-mail: Ahmadieva72@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 24.03.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 07.05.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026

Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области: традиционные основы и причины устойчивости

Гульсасак Вайсовна Булякова

Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых
объектов культурного наследия Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: gulsasak-@mail.ru

Аннотация. В статье на основе полевых этнографических материалов, собранных автором в 2008–2011 гг. в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области, исследуются родильные и погребально-поминальные обряды башкир как наиболее устойчивые элементы традиционной культуры. Цель работы заключается в выявлении факторов сохранности данных обрядовых комплексов в условиях социальных и культурных трансформаций современности. Анализируются структура, семантика и функции ритуалов, сопровождающих рождение человека и его уход из жизни, а также рассматриваются представления и верования, лежащие в основе соответствующих практик. Обосновывается тезис о более высокой степени консерватизма родильной и погребально-поминальной обрядности по сравнению со свадебной традицией. Показано, что устойчивость этих обрядов обусловлена их связью с фундаментальными экзистенциальными переживаниями человека. В родильном цикле тревога концентрируется вокруг здоровья матери, выживания новорожденного и неопределенности его дальнейшей судьбы, тогда как в погребально-поминальном цикле ключевую роль играют страх смерти, представления о загробном существовании и стремление обеспечить умершему благополучный переход в иной мир. Существенным механизмом сохранения традиции выступает феномен «магической ответственности», основанный на убеждении, что точное соблюдение ритуальных предписаний способствует благоприятному исходу событий, тогда как их нарушение способно повлечь негативные последствия. Особое внимание уделяется взаимодействию исламских и доисламских компонентов в обрядовой культуре башкир. Показано, что элементы анимизма, тотемизма и фетишизма органично интегрированы в исламизированную систему ритуалов, чему способствовала специфика ханафитского масхаба, признающего народный обычай (урф) одним из источников права. Дополнительным фактором консервации рассматриваемых практик выступает локальная этническая изоляция башкир Челябинской области, в условиях которой традиционная обрядность выполняет важную функцию поддержания этнокультурной идентичности. Материалы полевых исследований сопоставляются с архивными данными, опубликованными сведениями по башкирам Республики Башкортостан и сравнительными материалами по другим тюркским народам. Полученные результаты позволяют уточнить механизмы устойчивости традиционной культуры и могут быть использованы при разработке теоретических моделей ее функционирования в условиях модернизации.

Ключевые слова: башкиры, Челябинская область, родильная обрядность, погребально-поминальная обрядность, традиционная культура, консерватизм обряда, анимизм, ислам, полевая этнография, этническая идентичность

Для цитирования: Булякова, Г.В., 2026. Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области: традиционные основы и причины устойчивости, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 236–243. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.21>

Birthing and funeral-memorial rites of the Chelyabinsk region Bashkirs: traditional foundations and the causes of stability

Gulsasak V. Bulyakova

Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of
the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation
E-mail: gulsasak-@mail.ru

Abstract. Based on ethnographic field data collected by the author between 2008 and 2011 in the Argayash and Kunashak districts of the Chelyabinsk Region, this article examines Bashkir birth, funeral and memorial rites as the most enduring elements of traditional culture. The aim of this study is to identify the factors contributing to the preservation of these ritual complexes amidst the social and cultural transformations of the modern era. The structure, semantics and functions of the rituals accompanying a person's birth and passing are analysed, and the beliefs and conceptions underpinning these practices are examined. The thesis that birth and funeral-memorial rituals exhibit a higher degree of conservatism compared to wedding traditions is confirmed. It is demonstrated that the stability of these rituals stems from their connection to fundamental human existential experiences. In the birth cycle, anxiety centres on the mother's health, the survival of the newborn and the uncertainty surrounding the child's future, whereas in the funeral and memorial cycle, the key factors are the fear of death, beliefs about the afterlife and the desire to ensure the deceased's safe passage to the other world. A key mechanism for preserving tradition is the phenomenon of 'magical responsibility', based on the belief that strict adherence to ritual prescriptions contributes to a favourable outcome, whilst their violation may lead to negative consequences. Particular attention is paid to the interplay between Islamic and pre-Islamic elements in Bashkir ritual culture. It is demonstrated that elements of animism, totemism and fetishism are organically integrated into the Islamised system of rituals, a process facilitated by the specific nature of the Hanafi school of jurisprudence, which recognises folk custom (urf) as one of the sources of law. An additional factor in the preservation of the practices under consideration is the local ethnic isolation of the Bashkirs in the Chelyabinsk Region, in which context traditional rituals play an important role in maintaining ethno-cultural identity. Field research data is compared with archival records, published information on the Bashkirs of the Republic of Bashkortostan, and comparative material on other Turkic peoples. The findings help to clarify the mechanisms underpinning the stability of traditional culture and can be used in the development of theoretical models of its functioning in the context of modernisation.

Keywords: Bashkirs, Chelyabinsk Region, birthing rituals, funeral and memorial rites, traditional culture, ritual conservatism, animism, Islam, field ethnography, ethnic identity

For citation: Bulyakova, G.V., 2026, Birthing and funeral-memorial rites of the Chelyabinsk region Bashkirs: traditional foundations and the causes of stability, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 236–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.21>

Введение

Семейная обрядность – один из наиболее информативных источников для реконструкции мировоззренческой системы этноса. Три ее главных цикла – родильный, свадебный и погребально-поминальный – фиксируют узловые моменты жизненного пути человека и отражают коллективные представления о природе жизни, смерти и судьбы. При всей взаимосвязи этих циклов исследователи давно обращают внимание на неравномерность их трансформации в условиях модернизации и межкультурных контактов: свадебная традиция, как правило, изменяется быстрее, тогда как родильные и похоронные обряды сохраняют архаические пласты с поразительной устойчивостью [Фатыхова, 1986; Бикбулатов, Фатыхова, 1991; Руденко, 2006; Султангареева, 1998; Салмин, 2016].

Башкиры Челябинской области представляют в этом отношении особенно ценный материал. Оказавшись с 1930-х годов в относительной изолированности от основного массива башкирского этноса в Республике Башкортостан и в иноязычном, инокультурном окружении, они были вынуждены целенаправленно поддерживать собственную обрядовую систему как маркер этнической идентичности. Это создало условия для сохранения традиционных форм, уже вышедших из употребления в соседних районах [Мурзабулатов, 1999: 4–5].

Настоящая статья посвящена двум полюсам жизненного цикла – обрядам, сопровождающим рождение, и обрядам, сопровождающим смерть. Цель работы: описать их структуру и семантику на основе полевых материалов, собранных в Аргаяшском и Кунашакском районах Челябинской области в 2008–2011 гг., и объяснить, почему именно эти группы обрядов оказываются наиболее консервативными. Гипотеза состоит в том, что главной причиной устойчивости является не инерция традиции сама по себе, а глубинная экзистенциальная тревога людей: за здоровье и судьбу новорожденного в первом случае и страх перед непознаваемой реальностью загробного существования – во втором.

Источниковую базу статьи составляют полевые этнографические материалы, собранные автором в 33 деревнях Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области методом полуструктурированного интервью, аудио- и видеофиксации. Было опрошено 78 информаторов. Полевые данные сопоставлялись с архивными материалами экспедиций Н.В. Бикбулатова, М.В. Мурзабулатова и Р.М. Султанова (1958–2000 гг.), хранящихся в Научном архиве УФИЦ РАН, а также с фольклорными источниками из серии «Башкирское народное творчество» [ПЗА, 2008–2011].

Основной метод – сравнительно-сопоставительный: собственные полевые материалы сопоставлялись с опубликованными данными по башкирам Республики Башкортостан и соседним тюркским народам. Использовались также принципы структурно-функционального анализа и историко-генетический подход к интерпретации обрядовых элементов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов сохранения традиционной культуры в условиях современных социокультурных трансформаций. Родильная и погребально-поминальная обрядность относится к числу наиболее устойчивых элементов нематериального этнокультурного наследия, играющих важную роль в сохранении этнической идентичности.

Несмотря на значительный корпус исследований по семейной обрядности башкир, причины устойчивости родильных и погребально-поминальных обрядов и факторы их сохранения среди башкир Челябинской области до настоящего времени не становились предметом специального комплексного анализа.

Научная значимость темы определяется также тем, что данные обрядовые комплексы сохраняют архаические мировоззренческие представления и отражают процессы взаимодействия доисламских верований и исламской традиции. Их изучение способствует более глубокому пониманию закономерностей развития традиционной культуры и механизмов ее воспроизводства в условиях модернизации.

Родильная обрядность: структура и семантика

Родильный обрядовый цикл башкир Челябинской области охватывает три этапа: дородовые практики, обряды, непосредственно связанные с родами, и послеродовой период вплоть до исполнения ребенку сорока дней.

Дородовые практики. Известие о беременности воспринималось как важнейшее событие, однако не разглашалось из страха перед сглазом: злой взгляд мог навредить будущей матери и ребенку. В народном сознании беременная женщина находилась на границе двух миров: *«Йөклө катындың бер аяғы теге донъяла, бер аяғы фани донъяла»* 'Беременная женщина одной ногой находится в потустороннем мире, другой – в бренном' [ПЗА, 2008–2011]. Эта формула точно передает народное ощущение повышенной уязвимости роженицы.

Система дородовых запретов строилась по двум основаниям: защита от сверхъестественных сил (нельзя смотреть на покойника – ребенок родится с белым лицом; нельзя присутствовать при пожаре – на теле ребенка появятся темные пятна) и охрана физического состояния матери и плода (запрет поднимать тяжести, нельзя перегреваться, запрет на сырую воду). Значительная часть этих запретов имеет рациональное медицинское содержание, облеченное в магическую форму [ПЗА, 2008–2011].

Для борьбы с бесплодием применялись как рациональные методы (массаж и прогревание в бане, настои трав), так и магические: пропускание через «молитвенный круг» (*үткәрмә бетеү*), использование последа многодетной матери, обряды с участием шаманов-знахарей (*күрәҙә, осоксо*). Все это свидетельствует о том, что продолжение рода воспринималось не просто как личное, но как сакральное дело всей общины.

Обряды родовспоможения. Роды происходили дома с обязательным участием повитухи (*кендек инэй, кендекэй*). Повитуха была не просто акушеркой, но ритуальной посредницей между роженицей и небесными силами: она «принимала» ребенка у Тэнгри и устанавливала с ним

пожизненную духовную связь. Между повитухой и принятым ею ребенком на протяжении всей жизни сохранялась особая связь: ребенок называл ее «*инэй*» (мать) [ПЗА, 2008–2011].

Обряды родовспоможения обнаруживают синтез магического и рационального. Символические действия – развязывание всех узлов на одежде роженицы, расстегивание пуговиц, расплетание кос, открывание запоров и ящиков – имитировали «открытый путь» для ребенка. Аналогичные практики зафиксированы у татар, русских, мордвы, таджиков и других народов, что указывает на архаическую общечеловеческую основу подобного мышления [Галяутдин, 2016; Кисляков, 1959; Фаттахова, 2012]. Физические методы (особое положение роженицы, приемы ручного поворота плода) сочетались с молитвой (первая сура Корана читалась 21 или 41 раз).

Послеродовые обряды. В народном сознании первые сорок дней после рождения являлись временем максимальной уязвимости матери и ребенка: «*кырк көнгә тиклем әсәй һәм бала өсөн кәбер капкасы асык тора*» ‘до сорока дней для матери и младенца открыта крышка могилы’ [ПЗА, 2008–2011]. Полагали, что душа окончательно поселяется в теле ребенка лишь по истечении этого срока.

Практики защиты новорожденного включали несколько уровней. Первый – физический: острые металлические предметы (ножницы, нож, булавки) рядом с колыбелью как апотропеи; окуливание можжевельником. Второй – магический: обряд «*кот койоу*» (возвращение испуганной души посредством отливки олова в воду над головой ребенка). Третий – социально-символический: купля-продажа ребенка (*бала һатыу*) через окно, переодевание мальчика в девочку – обман злых духов. Четвертый – именной: немедленное наречение «пеленочным именем» (*йүргәк исем*) и последующее торжественное имянаречение (*исем туйы*) с участием муллы.

Пространство обрядов имянаречения отражает сложившийся синтез доисламских и мусульманских представлений. Мулла произносил имя в правое ухо ребенка трижды, затем в левое и снова в правое. Параллельно действовали архаические имена-обереги, связанные с силой железа (*Тимербулат*, *Тимергәле*), камня (*Ташибкә*), хищных животных (*Арыслан*, *Бүребай*) – отражение тотемистических представлений о покровительстве духов-предков [ПЗА, 2008–2011].

Погребально-поминальная обрядность: структура и семантика

Похоронный обрядовый цикл башкир Челябинской области состоит из пяти стадий: охрана покойника (*мәйетте һаклау*); подготовка к погребению (*мәйетте йыуу*); проводы покойника (*мәйетте озатыу*); захоронение (*мәйетте күмәу*); поминки (*искә алыу*) [Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 118].

Предсмертные и постмортальные практики. Смерть у башкир Челябинской области осмыслялась как переход души в иное состояние. С исламским учением о том, что земная жизнь есть лишь подготовка к вечной, органично слились более древние представления о душе (*йән*), скитающейся вблизи дома в течение сорока дней после смерти. Народные приметы, предвещающие смерть (вой собаки мордой к земле, карканье ворона на кладбище, кукареканье петухов в ночное время), до сих пор воспроизводятся информаторами. Умиравшего укладывали лицом к Кибле, смачивали губы водой. Приглашенный мулла читал 36 суру Корана («Йа син») [ПЗА, 2008–2011].

Покойника запрещалось оставлять одного: его охраняли, читая заупокойные молитвы. Примечательно, что многие современные информаторы уже не знают смысла обряда *мәйетте һаклау* и отвечают: «так принято» – свидетельство превращения живого ритуала в традицию-инерцию, при том что первоначальная причина – страх перед душой, способной превратиться в злого духа, – практически стерлась из памяти, но сам обряд сохранился [ПЗА, 2008–2011].

Обмывание и облачение в саван. Омовение (*мәйет йыуу*) трактовалось как ритуальное очищение тела перед переходом в потусторонний мир. Число обмывающих – нечетное (3, 5 или 7); вода набиралась «от себя» против течения под чтение молитв; использованная вода с рукавицами закапывалась в укромном месте. Саван (*кәфен*) из белой ткани шился в обратную сторону, ткань рвалась руками, а не резалась – все это маркеры ритуальной инверсии, разграничивающей мир живых и мертвых.

В некоторых деревнях Аргайшского района в саван укладывали листок «*яуаплама*» (ответ) с молитвенными текстами из Корана: считалось, что это поможет умершему дать правильные ответы ангелам-испытателям Мункиру и Нанкиру на Страшном суде [ПЗА, 2008–2011]. Этот обычай наглядно показывает, как конкретная эсхатологическая тревога порождает конкретный обрядовый акт.

Погребение. Покойника выносили ногами вперед, чтобы не позволить душе «вернуться» в дом. Перед кладбищем читалась молитва «*йыназа*». Тело укладывали на правый бок лицом к Кибле в нишу-подбой (*ләхет*). Ниша закрывалась березовыми поленьями или досками, чтобы земля не касалась тела. По четырем углам могильного холма рассаживались четыре человека, читалась 67

сура Корана «Мүлк». Тем, кто копал могилу, дарили рубахи – труд этот считался богоугодным делом.

Поминальный цикл. Поминки справлялись на 3-й, 7-й, 40-й день и в годовщину смерти. Главная их функция – «кормление» души и обеспечение ее благополучного перехода. Нарушение поминального цикла грозило тем, что умерший превращался в «убыр» – опасное существо, вредящее живым.

На сороковой день, по поверью, душа умершего принимала образ невидимой птицы, садившейся в доме на деревянный крюк (*агас сөй*). Специально для нее в некоторых домах прибывался такой крюк. После сорокового дня душа окончательно переселялась в загробный мир [ПЗА, 2008–2011]. Это верование структурировало весь поминальный цикл и придавало ему конкретную цель: обеспечить душе «легкий» переход.

Изложенное выше показывает, что в основе мировоззрения башкир Челябинской области лежит вера в большую силу мира мертвых. Все обычаи и обряды данного цикла направлены на удовлетворение требований умершего. Все пять циклов были строго взаимосвязаны между собой; последовательность их определялась схемой, которую нельзя было нарушать во избежание гнева умерших. Первые четыре цикла, связанные с подготовкой к погребению и захоронением, направлены на создание условий для нормального перехода души в иной мир; пятый цикл, поминальный, отражал стадии процесса переселения души в мир мертвых. В свою очередь молитвы, угощения, подаяния, которые имели место в поминках, – это своеобразный способ общения живых с мертвыми. В поминальном обряде башкир четко прослеживаются не предписанные исламской традицией обряды (раздача традиционных лепешек, мотков нитей, запреты в приготовлении пищи, создание запаха жареного и т. д.). Наиболее важными считались поминки третьего, сорокового дня и годовщина.

Следует отметить, что в традиционном цикле похоронно-поминальных обрядов и обычаев башкир сплетены различные представления, общие для народов Поволжья, Средней Азии, Сибири, Кавказа, возникшие еще в домусульманский период. Ислам ассимилировал большую часть представлений, и многие прежние верования продолжали существовать, приобретая мусульманский вид.

Консерватизм родильной и похоронной обрядности: причины и механизмы

Ключевой вопрос статьи: почему именно эти два цикла – родильный и похоронный – сохраняются с наибольшей полнотой и устойчивостью, тогда как свадебная обрядность трансформировалась значительно быстрее?

1. Экзистенциальная тревога как главный консервирующий фактор. Рождение и смерть – события, вырывающие человека из привычного хода жизни и ставящие его перед непознаваемым. Ни одна система знания – ни народная медицина, ни религия – не может дать полной гарантии благополучного исхода. Именно поэтому обряд берет на себя функцию снятия тревоги через ритуализированное действие.

В родильной обрядности тревога сосредоточена вокруг нескольких узлов: угроза жизни матери (народная формула о «беременной с одной ногой в потустороннем мире» отражает реальный опыт высокой материнской смертности), угроза здоровью и выживанию ребенка в первые дни жизни, неопределенность будущей судьбы младенца. Именно поэтому обряды имянаречения столь разработаны и дифференцированы – выбор имени есть одновременно акт конструирования судьбы [ПЗА, 2008–2011].

В похоронной обрядности тревога еще более тотальна, потому что смерть необратима и представления о загробном мире принципиально не верифицируемы. Молитвы, «*яуаплама*» в саване, правильно проведенные поминки, «кормление» души – все это инструменты обеспечения загробного благополучия, продиктованные страхом перед тем, что умерший пострадает из-за небрежения живых.

2. Механизм «магической ответственности». В обоих циклах действует один и тот же психологический механизм: правильное исполнение обряда гарантирует благополучный исход; ошибка или упущение несут ответственность за несчастье [Сулейманова, 2005]. Этот принцип делает отступление от традиции психологически невозможным: никто не хочет быть виновным в болезни ребенка или в том, что душа умершего превратится в злого духа.

3. Архаические пласты в исламской оболочке. Башкиры, будучи приверженцами ханафитского масхаба, отличающегося терпимостью к местным традициям и признающего народный обычай (урф) одним из источников права, сумели органично соединить доисламские обрядовые практики с исламскими. В результате архаические элементы – вера в парциальную

душу, культ предков, тотемистические имена-обереги, магические действия с железом и острыми предметами – дожили до наших дней, прикрытые исламскими молитвами и ритуальными формулами [Фатыхова, 1991].

Важно подчеркнуть, что это не «наслоение» разнородных элементов, а функциональный синтез: каждый элемент выполняет свою роль в системе защиты. Система избыточна именно потому, что ставки слишком высоки.

4. Локальная изоляция как фактор консервации. Специфика башкир Челябинской области – их относительная изолированность от основного башкирского этноса с 1930-х гг. При этом обрядовая практика воспринималась как маркер этнической идентичности и сознательно поддерживалась. Информаторы нередко отмечали, что те или иные обряды нужно соблюдать именно потому, что «так делали отцы» или «это по-башкирски».

5. Сравнение со свадебной обрядностью. Почему свадебная традиция менее устойчива? Потому что свадьба – событие желанное, контролируемое и предполагающее агентность участников. Угроза в ней не столь тотальна и непредсказуема [Федянович, 1990; Федорова, 1997]. В родах и на похоронах подобной свободы нет: ребенок рождается, когда ему положено; умирают, как правило, неожиданно. Непредсказуемость события максимизирует тревогу – и тем самым максимизирует ценность обряда как механизма ее снятия.

Обсуждение

Полученные данные согласуются с общетеоретическими представлениями о функциях ритуала. Б. Малиновский в свое время показал, что магические обряды концентрируются именно там, где человек оказывается перед лицом неконтролируемых сил – болезнь или смерть [Malinowski, 1948]. Э. Кассирер рассматривал ритуал как способ символического овладения пространством страха [Cassirer, 1944]. В данном случае полевые материалы по башкирам Челябинской области дают богатую эмпирическую иллюстрацию этих теоретических положений.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в случае исследуемой группы консерватизм обрядности не является чисто пассивным сохранением. Информаторы демонстрируют осознанное, пусть и неотрефлексированное, понимание функций обряда: они соблюдают запреты «чтобы ребенок не заболел», готовят «*яуаплама*» – «чтобы было легче на том свете», устраивают поминки – «чтобы он там нормально устроился». Обряд продолжает жить не как пустая форма, а как действенный инструмент работы с тревогой.

Примечательна также судьба отдельных элементов в современности. Обряд обрезания (*сәннәтләү*), в советский период ушедший в подполье, сегодня возрождается – но уже в форме медицинской операции [Снесарев, 1971]. Обряд продажи ребенка (*бала һатыу*) встречается реже, но знание о нем сохраняется. Напротив, смысл охраны покойника (*мәйетте һаҡлау*) забыт многими информаторами, хотя сам обряд соблюдается. Это показывает, что обряды с более прозрачной связью «действие – цель» устойчивее обрядов, где эта связь утрачена.

Заключение

Родильная и погребально-поминальная обрядность башкир Челябинской области представляет собой сложный синтез доисламских (анимистических, тотемистических, фетишистских) и исламских элементов, сложившийся в условиях ханафитского масхаба, допускающего гибкое сосуществование традиционного обычая и религиозной нормы. Этот синтез оказался исключительно устойчивым.

Главной причиной повышенного консерватизма именно этих двух обрядовых циклов является экзистенциальная тревога человека, неустранимая никакими рациональными средствами. Беспокойство о здоровье и будущей судьбе новорожденного в первые дни его жизни и страх перед неизведанной реальностью загробного мира после смерти порождают устойчивый спрос на ритуальные практики, дающие хотя бы символическое ощущение контроля над непознаваемым. Механизм «магической ответственности» делает отступление от традиции психологически невозможным.

Дополнительным фактором консервации для башкир Челябинской области служит локальная этническая изоляция, превратившая обрядовую практику в маркер идентичности. Это усиливает мотивацию к ее сохранению и передаче следующим поколениям.

Полученные выводы могут быть использованы при разработке общей теории устойчивости традиционных культур в условиях модернизации, а также в прикладных исследованиях этнического самосознания тюркских народов Урало-Поволжья.

Источники и материалы

Полевые записи автора (ПЗА). Зап. Гульсасак Ваисовна Булякова в 2008–2011 гг. в деревнях Аргаяшского и Кунашакского районов Челябинской области Российской Федерации.

Кисляков, Н.А., 1959. *Семья и брак у таджиков: по материалам конца XIX – начала XX в.* М.; Л.: АН СССР, 268 с.

Кузеев, Р.Г., Бикбулатов, Н.В., Шитова, С.Н., 1962. *Зауральские башкиры*. Уфа: ИИЯЛ, 229 с.

Cassirer, E., 1944. *An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. Yale University Press, New Haven, 237 p. (на англ. яз.)

Malinowski, B., 1948. *Magic, Science and Religion and Other Essays*. Free Press, Glencoe, 327 p. (на англ. яз.)

Список литературы

Бикбулатов, Н.В., Фатыхова, Ф.Ф., 1991. *Семейный быт башкир. XIX–XX вв.* М.: Наука, 189 с.

Галаяутдин, И., 2016. *Исламские обряды, связанные с рождением ребенка: Наречение именем, принесение жертвенного животного за ребенка, защита от сглаза*. Казань: Изд-во «Хайр», 44 с.

Мурзабулатов, М.В., 1999. *Брачно-семейные отношения у башкир*. Уфа: ИИЯЛ, 132 с.

Руденко, С.И., 2006. *Башкиры: историко-этнографические очерки*. Уфа: Китап, 373 с.

Салмин, А.К., 2016. *Праздники, обряды и верования чувашского народа*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 687 с.

Снесарев, Г.П., 1971. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте, *Среднеазиатский этнографический сборник*, отв. ред. Н.А. Кисляков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 284 с.

Султангареева, Р.А., 1998. *Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа*. Уфа: Гилем, 243 с.

Солтангәрәева, Р.Ә., Сөләймәнов, Ә.М., 2011. Ерләү йолалары, *Башкорттарҙың ғаилә-көнкуреш йолалары*, төз. Ф.Ф. Хисамитдинова, Р.Ә. Солтангәрәева. Өфө: ҒА ӨҒҮ ТТӘЙ, 37–43 бб. [Султангареева, Р.А., Сулейманов, А.М., 2011. Погребальные обряды, *Семейно-бытовые обряды башкир*, сост. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.А. Султангареева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, с. 37–43] (на баш. яз.)

Сулейманова, М.Н., 2005. *Доисламские верования и обряды башкир*. Уфа: Гилем, 148 с.

Сулейманова, М.Н., 2001. Религиозные верования как отражение сознания людей (на примере доисламских верований башкир), *Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона*, отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: УНЦ РАН, с. 304–305.

Фаттахова, Т.Д., 2012. Традиционные родильные обряды у Саратовских башкир, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 7 (261), История. Вып. 49, с. 13–20.

Фатыхова, Ф.Ф., 1986. Поминальный обряд у башкир, *Источники по истории и культуре Башкирии*. Уфа: БФ АН СССР, с. 110–115.

Фатыхова, Ф.Ф., 1991. Культ предков у башкир, *Этническая история и культура народов СССР, Тезисы докладов Всесоюз. науч. конф. молодых ученых*. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, с. 154.

Федорова, В.П., 1997. *Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья*. Курган: Курганский гос. ун-т, 283 с.

Федянович, Т.П., 1990. Семья и семейно-родственные связи как фактор сохранения традиции в семейных обрядах (на примере народов Среднего Поволжья), *Семья: Традиции и современность*. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, с. 51–65.

References

Bikbulatov, N.V., Fatykhova, F.F., 1991, *Family life of the Bashkirs: 19th–20th centuries*. Nauka, Moscow, 189 p. (In Russ.)

Galyautdin, I., 2016, *Islamic rituals related to the birth of a child: Naming, sacrificing an animal for the child, protection from the evil eye*. “Hair” publ., Kazan, 44 p. (In Russ.)

Murzabulatov, M.V., 1999, *Marital and family relations among the Bashkirs*. Institute of History, Language and Literature, Ufa, 132 p. (In Russ.)

Rudenko, S.I., 2006, *Bashkirs: historical and ethnographic essays*. Kitap, Ufa, 373 p. (In Russ.)

Salmin, A.K., 2016, *Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people*. Chuvash Book Publ., Cheboksary, 687 p. (In Russ.)

Snesarev, G.P., 1971, On the question of the origin of the Sunnat-toi holiday in its Central Asian version, *Central Asian Ethnographic Collection*, ed. N.A. Kislyakov, Nauka. Leningrad branch, Leningrad, 284 p. (In Russ.)

Sultangareeva, R.A., 1998, *Family and household ritual folklore of the Bashkir people*. Gilem, Ufa, 243 p. (In Russ.)

Sultangareeva, R.A., Suleymanov, A.M., 2011, Funeral rites, *Bashkir family and household rituals*, comp. F.G. Hisamitdinova, R.A. Sultangareeva, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, pp. 37–43. (In Bash.)

Suleymanova, M.N., 2005, *Pre-Islamic beliefs and rites of the Bashkirs*. Gilem, Ufa, 148 p. (In Russ.)

Suleimanova, M.N., 2001, Religious beliefs as a reflection of people's consciousness (on the example of pre-Islamic beliefs of the Bashkirs), *Problems of cultural genesis of the peoples of the Volga-Ural region*, ed. I.M. Akbulatov, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, pp. 304–305. (In Russ.)

Fattakhova, T.D., 2012, Traditional birthing rites among the Saratov Bashkirs, *Bulletin of Chelyabinsk state university*, no. 7 (261), History. Issue 49, pp. 13–20. (In Russ.)

Fatykhova, F.F., 1986, The Bashkir Funeral Rite, *Sources on the History and Culture of Bashkiria*, Bashkirskij filial Akademii Nauk Soyuz Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik, Ufa, pp. 110–115. (In Russ.)

Fatykhova, F.F., 1991, The cult of ancestors among Bashkirs, *Ethnic history and culture of the peoples of the Union of Soviet Socialist Republics, Abstracts of the All-Union Scientific Conference of Young Scientists*, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, p. 154. (In Russ.)

Fedorova, V.P., 1997, *Wedding in the system of calendar and family customs of the old believers of the Southern Urals*. Kurgan State University, Kurgan, 282 p. (In Russ.)

Fedyanovich, T.P., 1990, Family and family relations as a factor in preservation of traditions in family rituals (on the example of the peoples of the middle Volga Region), *Family, traditions and modernity*, Institut etnologii i antropologii Akademii Nauk Soyuz Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik, Moscow, pp. 51–65. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Гульсасак Ваисовна Булякова, кандидат исторических наук, Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0004-7654-7798>; e-mail: gulsasak-@mail.ru

Information about the author

Gulsasak V. Bulyakova, Cand. Sc. (History), Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0004-7654-7798>; e-mail: gulsasak-@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 09.06.2026

Принята к публикации / Accepted 15.06.2026

Предметы из кожи в собрании Национального музея Республики Башкортостан: типология и культурное значение

Зиля Фасимовна Нигматуллина

Национальный музей Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: fond-nmrb@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена систематизации и анализу коллекции кожаных предметов башкирского народа, хранящейся в фондах Национального музея Республики Башкортостан. Актуальность исследования обусловлена отсутствием комплексного источниковедческого анализа кожаных артефактов башкир, несмотря на значительную роль изделий из кожи в хозяйственной деятельности, быту и обрядовой практике народа. Научная проблема заключается в неразработанности типологии, неопределенности хронологических рамок бытования отдельных типов предметов, а также в недостаточной изученности их культурно-семиотического значения. В ходе камеральной работы с музейным собранием (всего проанализировано более ста единиц хранения) выявлены и атрибутированы предметы из кожи, датируемые концом XVIII – XX вв. На основе функционального принципа разработана рабочая типология, включающая пять групп: сосуды для изготовления, хранения и перевозки кумыса; конская сбруя; предметы охотничьего и воинского снаряжения; приспособления для бортничества; традиционная обувь (мужская, женская, детская). Внутри каждой группы выделены подвиды с учетом конструктивных особенностей, размеров и технологий изготовления. В фондах музея имеются и другие аналогичные предметы, не включенные в настоящую выборку, что свидетельствует о значительно большем объеме коллекции и открывает перспективы для дальнейших исследований. Особое внимание уделено редким образцам охотничье-воинского снаряжения (колчаны, налучья, дробовницы), датируемым концом XVIII в. и являющимся самыми ранними этнографическими экспонатами башкирского собрания музея. Охарактеризованы технологии выделки кожи (очистка скребками, вычинка кисло-молочными продуктами, копчение, сшивание конским волосом) и приемы декорирования (тиснение, металлические бляхи с серебрением, чернением и инкрустацией). Раскрыто семиотическое и социокультурное значение кожаных предметов: кожа как преимущественно «мужской» материал, ее связь с культом коня (*Акбузам*) в башкирской мифологии, сакральная функция амулетов-оберегов (*бетегу*). Результаты исследования могут быть использованы в музейной практике для систематизации фондовых коллекций, составления каталогов и экспозиций, а также в учебных курсах по этнологии и материальной культуре народов Урало-Поволжья.

Ключевые слова: башкиры, кожаные изделия, кожаные предметы, кожевенное ремесло башкир, кумысная посуда, Национальный музей Республики Башкортостан, музейная коллекция, этнография, атрибуция

Для цитирования: Нигматуллина, З.Ф., 2026. Предметы из кожи в собрании Национального музея Республики Башкортостан: типология и культурное значение, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 244–255. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.22>

Leather objects in the collection of the national museum of the Republic of Bashkortostan: typology and cultural significance

Zilya F. Nigmatullina

National Museum of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation
E-mail: fond-nmr@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the systematisation and analysis of the collection of leather artefacts belonging to the Bashkir people, held in the collections of the National Museum of the Republic of Bashkortostan. The relevance of this research stems from the lack of a comprehensive source-based analysis of Bashkir leather artefacts, despite the significant role that leather goods played in the economic activities, daily life and ritual practices of the people. The research challenge lies in the lack of a developed typology, the uncertainty surrounding the chronological periods during which specific types of objects were in use, and the insufficient study of their cultural and semiotic significance. During desk-based research on the museum collection (over one hundred items were analysed in total), leather artefacts dating from the late 18th to the 20th centuries were identified and attributed. Based on a functional approach, a working typology was developed comprising five groups: vessels for the production, storage and transport of kumys; horse harness; items of hunting and military equipment; beekeeping tools; and traditional footwear (for men, women and children). Within each group, sub-types have been identified, taking into account design features, dimensions and manufacturing techniques. The museum's collections also contain other similar items not included in this selection, which attests to the significantly larger scale of the collection and opens up prospects for further research. Particular attention is paid to rare examples of hunting and military equipment (quivers, bowcases, shotbags) dating from the late 18th century, which are the earliest ethnographic exhibits in the museum's Bashkir collection. The techniques used in leather tanning (scraping, tanning with sour-milk products, smoking, and stitching with horsehair) and decorative methods (embossing, metal plates with silver covering, blackening and inlay) are described. The semiotic and sociocultural significance of leather objects is explored: leather as a predominantly 'masculine' material, its connection with the cult of the horse (Aqbuzat) in Bashkir mythology, and the sacred function of amulets and talismans (betu). The findings of this study can be utilised in museum practice for the systematisation of collections, the compilation of catalogues and exhibitions, as well as in teaching courses on ethnology and the material culture of the peoples of the Ural-Volga region.

Keywords: Bashkirs, leather goods, leather items, Bashkir leather craft, kumys vessels, National Museum of the Republic of Bashkortostan, museum collection, ethnography, attribution

For citation: Nigmatullina, Z.F., 2026, Leather objects in the collection of the national museum of the Republic of Bashkortostan: typology and cultural significance, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 244–255. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.22>

Введение

Изучение материальной культуры башкирского народа является одним из приоритетных направлений отечественной этнологии. В рамках этой проблематики особого внимания заслуживают предметы из кожи, которые на протяжении столетий играли важнейшую роль в хозяйственной деятельности, быту и обрядовой практике башкир. Кожа как материал обладала уникальными свойствами: прочностью, долговечностью, пластичностью и доступностью в условиях полукочевого скотоводства. Несмотря на значительное место кожаных изделий в традиционной культуре башкир, комплексного источниковедческого анализа коллекций кожаных предметов, хранящихся в музеях, до настоящего времени не проводилось. Восполнение этого пробела является актуальной задачей, особенно в контексте сохранения и актуализации нематериального и материального культурного наследия народов России.

Основная научная проблема исследования заключается в отсутствии систематизированной типологии кожаных предметов башкир, а также в недостаточной изученности их культурно-семиотического значения. Большинство кожаных артефактов, хранящихся в фондах Национального музея Республики Башкортостан (далее – Национальный музей РБ, НМ РБ), до сих пор не введено в полноценный научный оборот. Отсутствует единая классификация, не определены хронологические рамки бытования отдельных типов предметов, не выявлены региональные

особенности их изготовления и декорирования. Решение этой проблемы позволит не только реконструировать технологические процессы и функциональное назначение кожаных изделий, но и глубже понять мировоззренческие аспекты традиционной культуры башкир.

Первые упоминания о кожевенном ремесле башкир и его повсеместном распространении встречаются в работах ученых-академиков XVIII в. – И.Г. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, которые фиксировали способы выделки кожи и основные сферы ее применения [Георги, 1799; Лепехин, 1802; Паллас, 1786]. В фундаментальном труде С.И. Руденко «Башкиры: историко-этнографические очерки» содержится подробное описание коптилен для кожи и отдельных видов кожаных изделий [Руденко, 2006]. Другие исследователи обращались преимущественно к вопросам орнамента кожаных изделий и классификации утвари из кожи [Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964: 195–198; Бикбулатов, Кузеев, Шитова, 1976: 44–54; Шитова, 1979: 146–169].

Имеется значительное число исследований, посвященных кожевенному ремеслу и изготовлению различных предметов из кожи – материала, который, обладая удивительной эластичностью, требует при этом высокой трудоемкости обработки и применялся в быту у самых разных народов [Курбатов, 2012]. Значительный вклад в изучение экономических аспектов развития отрасли внесла диссертационная работа О.П. Сайфутдиновой, в которой на широкой источниковой базе прослеживаются процессы становления, трансформации и организации кожевенного производства на территории Башкирии во второй половине XIX – первой трети XX в. [Сайфутдинова, 2023]. Этот же автор освящал историю развития и технологии обработки кожи как стратегического материала, в том числе на примере башкирского кожевенного дела – от традиционных способов выделки шкур, описанных академиком И.И. Лепехиным, до трансформации кустарного производства в контексте отечественной и мировой промышленности [Сайфутдинова, 2020: 83–89].

В последние десятилетия усиливается интерес к кожевенному ремеслу, а специальных работ, посвященных анализу музейных коллекций кожаных предметов, практически не появлялось. Настоящее исследование призвано частично восполнить этот пробел.

Целью данной статьи является систематизация и типологическая характеристика предметов из кожи башкир, хранящихся в фондовом собрании Национального музея РБ, а также определение их культурного значения в традиционном обществе. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявить и атрибутировать кожаные предметы башкирского происхождения в коллекциях НМ РБ; разработать рабочую типологию выявленных предметов по функциональному назначению; определить хронологические рамки бытования отдельных типов кожаных изделий; охарактеризовать технологии выделки кожи и приемы декорирования, применявшиеся башкирскими мастерами; раскрыть семиотическое и социокультурное значение кожаных предметов в жизни башкирской семьи и общества.

Методологическую основу исследования составил комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы этнологии, источниковедения и музееведения. В работе использованы следующие методы: метод музейной камеральной обработки – систематизация и атрибуция предметов из фондов НМ РБ (всего проанализировано более 120-и единиц хранения); типологический метод – группировка предметов по функциональному назначению и технологическим признакам; историко-сравнительный метод – сопоставление башкирских кожаных изделий с аналогичными предметами у народов Средней Азии, Южной Сибири и Поволжья; семиотический метод – интерпретация декора и формы предметов как знаков культурной информации.

Работа с музейным собранием включала визуальный осмотр предметов, фотофиксацию, изучение книг поступлений и учетной документации. Всего в ходе исследования было выявлено и систематизировано 123 кожаных предметов, датируемых концом XVIII – XX в.

Сравнительный анализ

А.А. Бадмаев на материалах агинских бурят исследовал кожевенное ремесло как сложившуюся систему производства, о чем свидетельствуют существовавшая специализация мастеров, устоявшиеся приемы заготовки и обработки сырья, разнообразие инструментария и высокохудожественный ассортимент изделий. Автор показал, что в кожевенном деле агинских бурят сочетались две традиции – центральноазиатская (вымачивание, дымление, крашение, тиснение) и русская (заквашивание сырья, скребло-коса). Башкирское кожевенное дело, подобно агинскому, базировалось на глубокой переработке сырья от домашних животных, однако в отличие от бурятского материала, где зафиксирована утрата традиции изготовления кожаных сосудов уже к XIX в., башкирская коллекция Национального музея РБ сохранила редчайшие образцы кумысной утвари, что позволяет реконструировать не только технологию [Бадмаев, 1998: 90–101]. В публикации по хакасскому кожевенному промыслу дается развернутая характеристика традиционных способов выделки шкур диких и домашних животных, обработки меха, а также приемов декорирования и пошива кожаных и меховых изделий [Кыржинаков, 2020: 144–149]. Данный исследовательский подход во многом созвучен задачам изучения башкирского

кожевенного дела. Как и хакасы, башкиры традиционно использовали для изготовления кожаных предметов как шкуры домашних животных (в первую очередь лошади), так и диких зверей – об этом свидетельствуют как этнографические источники (например, упоминания в фольклоре шуб из меха выдры (башк. *кама тун*), лошади (башк. *йылкы тун*), так и музейные коллекции. Сходство проявляется и в технологическом цикле: и у хакасов, и у башкир применялись трудоемкие методы выделки, включая обработку продуктами молочнокислого брожения и копчение в специальных коптильнях. Однако если в хакасской традиции акцент часто делается на сохранении элементов новации в ремесле, то для башкирского материала первостепенное значение имеет систематизация музейных коллекций и введение в научный оборот конкретных артефактов. Исследование кыргызского кожевенного промысла фиксирует его ведущую роль в прикладных ремеслах кочевников конца XIX – начала XX в., когда из шкур домашних животных изготавливались практически все необходимые в быту вещи – одежда, утварь, конское снаряжение [Капалбаев, 2016: 279–282]. Автор констатирует угасание этой традиции в наши дни. По тем же принципам было организовано и башкирское кожевенное ремесло: кыргызы и башкиры сходны в использовании шкур домашнего скота (в первую очередь лошади) для производства кумысной посуды, конской сбруи, охотничье-воинского снаряжения и обуви.

Характеристика и анализ кожаных предметов из фондов Национального музея Республики Башкортостан

Обработкой шкур (башк. *тире эшкартеу*) домашних и диких животных занималась каждая семья. При выделке кожи мужчинам помогали и женщины. Верхнюю одежду, головные уборы шили женщины из разных шкур (овчина, шкура выдры и др.). Например, дубленые овечьи шубы (башк. *толон*), сшитые шерстью вовнутрь, уже в сельских домах быта широко практиковали и в конце XX в., когда наблюдался дефицит верхней, особенно мужской, одежды. В фольклоре шубы из шерсти выдры, лошади (башк. *кама тун*, *йылкы тун*) отмечаются как элемент достатка и роскоши [История..., 2012].

Обработка кожи, как одно из древнейших ремесел, была хорошо известна башкирам и имела важное значение в жизни народа. Данный факт подтверждается и по набору предметов в музейном фонде. В процессе выявления и изучения предметов из кожи, принадлежавших башкирам, хранящихся в фондовой коллекции, весь массив выявленных материалов может быть классифицирован по нескольким тематическим группам:

1. сосуды для изготовления, хранения и перевозки кумыса;
2. конская сбруя;
3. предметы охотничьего и воинского снаряжения;
4. приспособления для бортничества;
5. обувь.

Рис. 1. Кумысные сосуды: ведра (*bashkunak, kunak*), фляга (*gullah*). Кожа, конский волос / очистка, вымачивание, сушка, раскрой, сшивание, дымление. Первая четверть XX в. Национальный музей Республики Башкортостан, № НМ РБ ОФ 3699, 3700, 3704. Фото О.В. Стариковой.

Fig. 1. Kumys vessels: buckets (*bashkunak, kunak*), flask (*gullah*). Leather, horsehair / cleaning, soaking, drying, cutting, stitching, steaming. The first quarter of the 20th century. The National Museum of the Republic of Bashkortostan, no. NM RB OF 3699, 3700, 3704. Photo by O.V. Starikova.

Применение кожаных изделий особенно широко было распространено в восточных и южных районах проживания башкирского народа (зауральские районы Башкортостана, Челябинская область), где издревле занимались полукочевым скотоводством, и сырья было достаточно. Кожаная посуда башкир для изготовления, хранения и перевозки кумыса достаточно разнообразна, и по назначению, и по названиям она схожа с изделиями народов Средней Азии и Южной Сибири (рис. 1). Во время перекочевок сосуды из кожи были наиболее удобны и легки для перевозки кумыса.

Очищенная от шерстяного покрова специальными скребками (башк. *кырғыс*), затем вычищенная кисломолочными продуктами (башк. *эсегән һөт, катык, эремсек*) кожа оставлялась сушиться. Далее она прокапчивалась в коптильне (башк. *ыслык, ыстык*), и после этого кроился и сшивался конским волосом (башк. *ат кылы*) сосуд для кумыса. Выделка кожи была довольно трудоемким и длительным процессом. Для изготовления кумысной посуды использовалась вся кожа лошади, где шкура головы, шеи, ног снималась целиком, без разрезов. Цельная шкура снималась также с телят, овец и коз.

Кобылье молоко доилось в небольшие ведра (башк. *күнәк*) высотой 15–20 см и 25 см в диаметре [Фонд НМ РБ, № НМРБ ОФ 3699, 3705, 3790]. Такие ведра были удобны для доярки, которая доила кобылиц в положении стоя. К тому же доение, как правило, происходит примерно каждые полчаса, и молоко доится небольшими порциями. После этого продукт сливался в самый большой сосуд-мешок (башк. *һаба*) для сбивания и брожения, который был сшит из кожи туловища лошади [Там же, № НМ РБ ОФ 3701].

Экземпляр, привезенный из экспедиции 1970 г. из д. Этбармас Зианчуринского района от А.Н. Халитова, имеет заплатку из кожи [Там же, № НМРБ ОФ 6422/2]. Видимо, ведро (башк. *башкүнәк*) какое-то время использовалось для хранения сыпучих продуктов. Кумысная посуда ценилась в семьях как реликвия, как память, ее хранили и берегли.

Ведра (башк. *көрәгә, башкүнәк*) предназначались для доения кумыса, фляги (башк. *дәмбәй, куллык, ботлок*) – для хранения, а более меньшего размера (башк. *мортай, турһык, яндау*) с ручками из ленты кожи или сплетенными конскими волосами – для перевозки [Там же, № НМ РБ ОФ 3600, 3698, 3700, 3703, 3704, 3718, 3791, 4911]. *Куллык* шили из кожи передних, *ботлок* – задних ног лошади (башк. *кул* ‘рука’, *бот* ‘нога’). Сосуды различаются и формой, и размерами. Определенного размера для того или иного сосуда не было, все зависело от размера и формы лоскута кожи.

То, что в музейном фонде отложилась кумысная утварь из кожи, которая применялась в основном до середины XIX в., включает эти экспонаты в число редких и наиболее ценных.

Редкими являются и предметы охотничье-воинского снаряжения, такие как колчаны, налучники, маленькие сосуды для пистонов и картечи, дробовницы. Эти вещи были изготовлены в конце XVIII в., и они в числе самых ранних в этнографической коллекции башкир Национального музея РБ. Связано это с тем, что, когда произошел упадок скотоводческого хозяйства, началось распространение изделий из дерева фабрично-заводского производства, была отменена линейная служба башкир на южной границе Российской империи, охота утратила свое значение, кожевенное ремесло башкир пришло в упадок и изготовление кожаных предметов почти прекратилось.

В отличие от кожаной посуды, охотничье-воинское снаряжение и конская сбруя отчасти орнаментировались и украшались металлическими накладками.

В собрании музея имеются два налучья и три колчана, т.е. кожаные чехлы для лука и стрел. Исторически известно о башкирских воинах, вооруженных луками и стрелами, которые участвовали в военных кампаниях России против наполеоновской Франции в 1807–1814 гг. [Рахимов, 2013]. Искусно владевших луками и стрелами башкир французы прозвали “северными амурами”. Предметы вооружения были приобретены музеем до 30-х гг. XX в. Вполне возможно, что они когда-то принадлежали воинам башкирских кавалерийских полков. Колчаны и налучья были приобретены на нынешних территориях Зилаирского, Хайбуллинского районов Башкортостана и в д. Аязгулово Аргаяшского района Челябинской области. В любом случае, художественно выполненные предметы – редчайшие образцы башкирского вооружения.

Отдельный комплект составляют колчан со стрелами (башк. *ук-һазак*) и налучье (башк. *ян-һазак, йәйә-һазак*), сшитые из коричневой кожи, одинаково орнаментированные тисненым рельефным узором [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 3877/1-7]. Изделия орнаментированы только с лицевой стороны, колчан имеет деревянный каркас. Основной узор трехчастный и окаймлен, что напоминает оформление башкирских безворсовых ковров и тканых занавесей.

Тисненый рельефный узор нанесен на еще один колчан, который вдобавок украшен полосами позолоты, что придает изделию особую нарядность [Там же, № НМРБ ОФ 3915].

Помимо тиснения кожи, для декорирования колчанов и налучьев башкиры применяли металлические бляхи и пластины (башк. *көмөрә, көмбәз*). Налучник, сшитый из цельного куска кожи, сложенного пополам, украшен круглыми бляхами разных размеров [Там же, № НМ РБ ОФ 4871]. Место соединения краев украшено продолговатыми четырьмя бляхами. В верхней части имеется подквадратная пластина, повторяющая контуры изделия. Бляхи не только разного размера, но и отличаются выпуклостью, инкрустациями из красного камня и формой. При изготовлении блях применены серебрение, насечка, чернение. Предмет был куплен в 1929 г. у жителя д. Аязгулово Челябинской области Абдрахманова.

Высокохудожественным является кожаный колчан, записанный в книге поступлений как предмет, изготовленный еще в XVII в. [НМ РБ. КП № 3. № НМ РБ ОФ 4760]. Металлические пластины, выложенные по краям, точно повторяют контуры кожаной выкройки. Нижнюю часть колчана украшает широкая посеребренная пластина с чернением, с тремя круглыми бляхами с бирюзовой вставкой по центру. В центре изделия выложена одна большая круглая бляха с пятью вставками из красных и зеленых бусин. Также имеются шесть более маленьких блях. В своей работе С.И. Руденко указал, что такие налучье и колчан были в наличии у башкир рода сызгы и катый [Руденко, 2006: 69].

Из охотничьих ружейных принадлежностей в фонде сохранились кожаные мешочки для дроби, пулек или пистонов [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 3606, 6570/2; 6570/3].

У башкир, как и у многих других народов, текстиль – это женский, а кожа мужской материал. Он присутствовал в жизни кочевника-башкира, скотовода, охотника и степного воина как сырье, как один из основных материалов для изготовления убора лошади. А конь – верный спутник и священное животное для башкира. Башкирский фольклор и башкирская мифология богата образами боевого коня, крылатого коня (башк. *Акбузат*), который с рождения сопровождает своего хозяина, разговаривает с ним на человеческом языке, летает, перемещается во времени и т. д. Одним словом, конь для башкира – это неотъемлемая часть жизни, так продолжалось много столетий. Без помощи лошадиной силы у башкир не осуществлялся ни один жизненно необходимый производственный процесс. И охотникам, и бортевикам, и пастухам, и земледельцам помогала лошадь. Поэтому лошадям, будь они гужевым, верховым транспортом или скакуном, оказывался соответствующий почет (кормить, мыть, чистить, стричь, подковывать, обьезжать). Каждая башкирская семья могла себе позволить иметь в своем хозяйстве лошадей. Данный факт подтверждают и подворные карточки сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., где помимо крупного и мелкого рогатого скота буквально в каждой семье были лошади [НА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 1091, 1093, 1116, 3525, 3587, 3993].

Конское снаряжение башкиры тщательно готовили и украшали. Выделывали кожу для ремней, применяли кузнечные металлические кольца, ювелирные накладки, деревянные седла украшались резьбой. Но основным материалом в убранстве коня является кожа.

Конскую упряжь башкиры изготавливали из лошадиной и коровьей шкуры. К сожалению, в музейном собрании отложились только части упряжи. Детали конской сбруи состоят из пяти предметов [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 20146/1-5]. Это фрагментарно представленная узда (башк. *йүгән*), где кожаный ремень соединен металлическими накладками, в одной детали есть пряжка прямоугольной формы, другая часть украшена металлическими накладками, которые соединяют части ремня, также имеется ремень с полусферическими бляхами.

Кожаные ленты-ремни узды соединялись металлическими кольцами, застегивались подпрямоугольными пряжками, украшались круглыми, полусферическими бляхами, а основу составляла кожа. Кожаные ремни также использовались в соединении деталей деревянного седла.

В фонде хранятся деревянные хомуты (башк. *камыт*), обтянутые кожей, кнуты, сплетенные из кожаных лент [Там же, № НМ РБ ОФ 7245/1-2, 8361, 15587, 15598, 15599, 21780/61, 22984].

Из принадлежностей бортевика в фонд предметов из кожи определены плетеные ремни длиной до 4 м, предназначенные для лазания на дерево [Там же, № НМ РБ ОФ 5309, 6955, 21780/62, 22395]. Такими прочными плетеными ремнями (башк. *кирәм*) башкир-пчеловод обхватывал себя вокруг пояса и дерева, на которое собирался подниматься. Бортевик ногами упирался в ствол дерева, а спиной в *кирәм*. Далее, делая зарубки, поднимался к борти за медом или же наверху в полулежащем положении делал дупло для диких пчел, т. е. долбил дерево [Бикбулатов и др., 2002: 62–63].

С выделкой и обработкой кожи было тесно связано и сапожное ремесло. Среди башкир были сапожных дел мастера – *итексе*. Но почти в каждой семье шили повседневную обувь, и кожа и домашней, и фабричной выделки была одним из основных материалов, помимо меха, шкуры, войлока и сукна.

Опираясь на ранее известные сведения в литературных источниках, собственные экспедиции, музейные коллекции, о традиционных видах обуви у башкир в своих монографиях наиболее

полно написали С.И. Руденко и С.Н. Шитова [Руденко, 2006: 150–151; Шитова, 1995: 136–158]. Традиционная обувь башкир, как и у многих других народов, является неотъемлемой частью комплекса народной одежды. В Национальном музее РБ хранятся сапоги (башк. *итек, сарык*), башмаки и туфли (башк. *ката, тугфлей*) кустарного производства. Также есть фабричные чулочные сапоги *ситек* из черной мягкой кожи, которыми широко пользовались в XX в. башкиры старшего поколения [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 15928/1-2, 20696/1-2, 21780/1-2, 21780/11-12, 21780/15-16, 21780/17-18, 21780/19-20, 21780/47-48, 21780/55-56]. Если их ранее носили с кожаными башмаками или калошами на твердой подошве, то в XX в. одевали с резиновыми калошами.

Сапоги у башкир были самые разнообразные: на твердой и мягкой подошве, с каблуком и без, с текстильными голенищами, однотонные и мозаичные. Сапоги из черной кожи на твердой подошве на низком каблуке из нескольких слоев кожи, с широким голенищем до колен были основной обувью, особенно южных и юго-восточных башкир [Там же, № НМ РБ ОФ 16692/1-2]. Такие сапоги носили и мужчины, и женщины. Надевали такие сапоги с вязаными носками (башк. *бэйләм ойок, бэйләнгән ойок, ойокбаи*), суконными чулками (башк. *тула ойок*) или портянками (башк. *силгау, сылгау*). В музее на хранении имеется только одна пара таких сапог.

Широко распространены были среди башкир сапоги с мягкими голенищами. Такие шились из черной или коричневой, мягкой, иногда подкрашенной кожи. Судя по изделиям, колодка была одна, т.е. в паре сапоги были одинаковые для обеих ног. И было принято при разноске время от времени менять их с одной ноги на другую. Башкирские сапоги, как правило, в основном с широким округлым носком [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 5283/1-2, 14163/1-2, 18996/1-2, 20636/1-2, 29924/1-2].

Башкиры, как мужчины, так и женщины, носили мягкие сафьяновые сапоги, украшенные цветной мозаикой и контурной вышивкой. Обычно орнаментация покрывала всю поверхность сапожек. Многие исследователи подчеркивают роль казанских мастерских в распространении ичигов у народов Поволжья, Казахстана и Западной Сибири. Но С.Н. Шитова не исключает, что и у других тюркских народов, в том числе и у башкир, исконно производилась такая обувь [Шитова, 1995: 145]. В музее имеются женские сапожки ручной работы на мягкой подошве, расшитые лоскутками кожи синего, коричневого цветов, укрепленные цветными шелковыми нитями, отмеченные как башкирские [Фонд НМ РБ, № НМ РБ ОФ 6563/1-2]. Есть и другие образцы сафьяновых сапог, орнаментированных растительным узором [Там же, № НМ РБ ОФ 14155/1-2].

К производству традиционной обуви башкир приступило объединение «Башобувь» в 70-х гг. XX в. Результатом стали кожаные, велюровые мужские и женские сапоги, на каблуках и без каблуков, с национальным орнаментом, но широкого распространения они не получили [Там же, № НМ РБ ОФ 10743/1-2, 10744/1-2, 10754/1-2, 21780/5-6, 21780/13-14, 21780/27-28, 23871/1-2, 23872/1-2].

Помимо сапог, башкиры носили еще и низкую кожаную обувь (башк. *башмак, ката, кун кәлуш, тугфлей*). На башмаки надевали и мягкие сапоги *ситек*. В Национальном музее сохранились две пары *ката*. Первая пара в виде кожаных калош с невысокими холщевыми голенищами [Там же, № НМ РБ ОФ 19139/1-2]. Носок и задник сшиты из двух кусков кожи и пришиты к кожаной подошве. Под пятку подшит дополнительный кусок кожи. Так же из толстой черной кожи домашней выделки сшиты глубокие женские башмаки [Там же, № НМ РБ ОФ 19412/1-2]. Голенища сшиты из черного сатина и отделаны лентами из красной, бледно-зеленой и темно-синей ткани.

У башкир был распространен еще один вид обуви с кожаным носком и суконными голенищами (башк. *сарык*), которые подвязывались шнурками (башк. *куныс бауы, куңыс бауы*) [Там же, № НМ РБ ОФ 3143, 3145]. Сарыки были мужские, женские и детские [Там же, № НМ РБ ОФ 3139/1-2, 3140/1-2, 3141/1-2, 3142/1-2, 3395/1-2, 6476/1-2, 6490/1, 13623/1-2]. В Национальном музее хранится коллекция сарыков из ранних поступлений музея. Обувь датируется концом XIX – началом XX в. Это удивительно нарядная своеобразная обувь была распространена в основном у восточной группы зауральских башкир (рис. 2). Сарыки были приобретены у жителей Учалинского района БАССР, Аргаяшского района Челябинской области. Нарядность сарыкам придают белые суконные голенища, сзади украшенные цветной, часто красной, арочной рельефной аппликацией [Там же, № НМ РБ ОФ 3137/1, 8325/1-2, 13611/1-2].

В музее сохранились две пары удивительно красивых стильных туфель кустарной работы [Там же, № НМ РБ ОФ 6562/1-2, 21780/33-34]. Как правило, туфли у башкир были с глубоким носком, низким задником и на каблуках. Туфли на каблуках сшиты из коричневой кожи с использованием разноцветных ниток. Закругленный аккуратный носик украшен восьмилепестковым цветком, центр которого декорирован металлической вставкой. Средней высоты каблук, устойчивый, набран из кусков кожи. В документах указано, что изделие сшито в начале XX в.

Рис. 2. Женская обувь (*saryk*). Кожа, нити, сукно / раскрой кожи, кройка голенища, аппликация, сшивание. Первая половина XX в. Национальный музей Республики Башкортостан, № НМ РБ ОФ 13612/1-2. Фото О.В. Стариковой.

Fig. 2. Women's shoes (saryk). Leather, threads, cloth / leather cutting, boot cutting, applique, stitching. The first half of the 20 th century. The National Museum of the Republic of Bashkortostan, no. NM RB OF 13612/1-2. Photo by O.V. Starikova.

Вторая пара туфель не менее нарядная. Узорные туфли на невысоких так называемых венских каблуках, напоминающих рюмку, на подкладе, расшиты и на носике, и на заднике растительным орнаментом разноцветными кусочками кожи. Туфли-лодочки с почти заостренным носиком и с открытыми боками (рис. 3).

Рис. 3. Туфли женские (*tuffle*). Кожа, нитки / крой, сборка, аппликация, сшивание. Первая половина XX в. Национальный музей Республики Башкортостан, № НМ РБ ОФ 21780/33-34. Фото О.В. Стариковой.

Fig. 3. Women's shoes (tuffle). Leather, thread / cut, gather, applique, stitching. The first half of the 20 th century. The National Museum of the Republic of Bashkortostan, no. NM RB OF 21780/33-34. Photo by O.V. Starikova.

Из лоскутков кожи изготавливали маленькие треугольные футляры для вкладывания суры из Корана, различных целебных трав для нательных амулетов-оберегов (башк. *бетей*) [Там же, № НМ РБ ОФ 28124].

При каталогизации предметов из кожи образцом может стать каталог государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного художественного музея-заповедника, где дана классификация экспонатов, их описание и характерные особенности [Древнерусские..., 2012]. Примером для дальнейшего пополнения коллекции может стать Музей Кожевенного Ремесла в г. Углич Ярославской области, где представлены макеты станков и приспособлений этапов выделки и производства кожи [Музей Кожевенного Ремесла].

Кожаные предметы занимали определенное место в жизни башкир, без них не обходилась ни одна семья. Наличие в музейном собрании самых разнообразных экспонатов из кожи, датируемых концом XVIII – XX вв., которые отличаются функционалом, формой, свидетельствует о том, что обработка шкур и изготовление кожаных предметов были одним из традиционных элементов культуры башкирского народа.

Заключение

В ходе камеральной работы выявлено и атрибутировано 123 единицы хранения, представляющих собой предметы из кожи, бытовавшие у башкир в период с конца XVIII до 70-х гг. XX в. Данный массив впервые введен в полноценный научный оборот. Во-вторых, разработана рабочая типология выявленных предметов по функциональному назначению, включающая пять основных групп: 1) сосуды для изготовления, хранения и перевозки кумыса; 2) конская сбруя; 3) предметы охотничьего и воинского снаряжения; 4) приспособления для бортничества; 5) обувь. Внутри каждой группы выделены подвиды с учетом конструктивных особенностей, размеров и технологий изготовления. В-третьих, установлены хронологические рамки бытования отдельных типов изделий. Кумысная утварь из кожи, применявшаяся преимущественно до середины XIX в., представляет собой наиболее редкую и ценную часть коллекции. Предметы охотничье-воинского снаряжения (колчаны, налучья, дробовницы) датируются концом XVIII в. и являются самыми ранними этнографическими экспонатами башкирского собрания НМ РБ. Обувные изделия и элементы конской упряжи относятся преимущественно к концу XIX – первой половины XX в. В-четвертых, охарактеризованы технологии выделки кожи и приемы декорирования. В-пятых, раскрыто семиотическое и социокультурное значение кожаных предметов. Выявлено, что кожа в башкирской традиционной культуре являлась преимущественно «мужским» материалом, в отличие от текстиля, ассоциировавшегося с женским началом. Наиболее тесно кожаные изделия связаны с культом коня – центрального образа башкирской мифологии и фольклора.

Результаты исследования вносят вклад в ряд направлений этнологической науки. Во-первых, они дополняют и конкретизируют существующие представления о материальной культуре башкир, в частности о кожевенном ремесле, которое до настоящего времени оставалось менее изученным по сравнению с ткачеством, вышивкой или обработкой дерева. Во-вторых, разработанная типология кожаных предметов может служить методологической основой для аналогичных исследований коллекций в других музеях (Республики Башкортостан, Челябинской области, Оренбургской области, Пермского края). Для сравнительного анализа можно рассмотреть аналогичные исследования в других музеях России [Саттарова, 2023]. В-третьих, семиотический анализ декора и формы предметов расширяет понимание символических кодов традиционной культуры башкир и их связи с мифологическими представлениями. В-четвертых, введенные в научный оборот музейные предметы становятся новыми источниками по этнографии башкирского народа, что особенно важно в условиях постепенной утраты аутентичных артефактов.

Полученные результаты могут быть использованы, в первую очередь, в музейной практике – для корректировки атрибуции и систематизации фондовых коллекций, составления каталогов и экспозиционных планов. Предложенная в работе типология может быть принята за основу при описании и классификации кожаных предметов в других музейных собраниях.

К числу наиболее актуальных перспективных направлений можно отнести сравнительно-типологический анализ кожаных изделий башкир с аналогичными предметами у других народов Урало-Поволжья (татар, чувашей, марийцев, удмуртов), а также у народов Средней Азии и Южной Сибири (например, казахов или алтайцев). Такой анализ позволит уточнить степень культурного взаимодействия и заимствований в кожевенном ремесле.

Также историко-технологическое исследование способов выделки кожи с привлечением естественно-научных методов (микроскопия, спектральный анализ, радиоуглеродное датирование) даст возможность более точно датировать предметы, не имеющие документального подтверждения, и реконструировать утраченные технологические приемы.

Изучение коллекций кожаных предметов башкир в других музеях (Республики Башкортостан, Челябинской, Оренбургской областей, Пермского края) позволит создать сводный электронный (или печатный) каталог и выявление региональных особенностей.

Таким образом, коллекция кожаных предметов Национального музея Республики Башкортостан представляет собой ценный и перспективный источниковый комплекс, дальнейшее изучение которого обещает новые открытия в области этнологии, материальной культуры и музееведения.

Источники и материалы

Авижанская, С.А., Бикбулатов, Н.В., Кузеев, Р.Г., 1964. *Декоративно-прикладное искусство башкир*. Уфа: Полиграфкомбинат, 260 с.

Георги, И.Г., 1799. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов*. Ч. 1. СПб., 146 с.

Древнерусские кожаные изделия и обувь из коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог, 2012. Сост. Н.А. Кокорина. Владимир, 40 с.

Музей Кожевенного Ремесла: сайт. URL: <https://kozhremeslomuzeum.tilda.ws/home> (дата обращения: 04.04.2026).

Лепехин, И.И., 1802. *Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771–1802 гг.* Ч. 2. СПб., 359 с.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. р-473, оп. 1, д. 1091, 1093, 1116, 3525, 3587, 3993.

Национальный музей Республики Башкортостан. Книга поступлений № 3 (НМ РБ. КП № 3), № НМ РБ ОФ 4760.

Паллас, П.С., 1786. *Путешествие по разным провинциям Российского государства*. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 571 с.

Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: справочник, 2017. В 2 кн. Кн. II. Методики научного описания тематических групп этнографических памятников. СПб.: Нестор-История, 256 с.

Фонд Национального музея Республики Башкортостан (Фонд НМ РБ). № НМ РБ ОФ 3137/1, 3139/1-2, 3140/1-2, 3141/1-2, 3142/1-2, 3143, 3145, 3395/1-2, 3600, 3606, 3698, 3699, 3700, 3701, 3704, 3703, 3705, 3718, 3790, 3791, 3877/1-7, 3915, 4760, 4871, 4911, 5283/1-2, 5309, 6422/2, 6476/1-2, 6490/1, 6562/1-2, 6563/1-2, 6570/2, 6570/3, 6955, 7245/1-2, 8325/1-2, 8361, 10743/1-2, 10744/1-2, 10754/1-2, 13623/1-2, 13611/1-2, 14155/1-2, 14163/1-2, 15587, 15598, 15599, 15928/1-2, 16692/1-2, 18996/1-2, 19139/1-2, 19412/1-2, 20146/1-5, 20636/1-2, 20696/1-2, 21780/1-2, 21780/5-6, 21780/11-12, 21780/13-14, 21780/15-16, 21780/17-18, 21780/27-28, 21780/19-20, 21780/33-34, 21780/47-48, 21780/55-56, 21780/61, 21780/62, 22395, 22984, 23871/1-2, 23872/1-2, 28124, 29924/1-2.

Список литературы

Бадмаев, А.А., 1998. Кожевенное ремесло агинских бурят, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 90–101. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1998/02/eoarchive_1998_2_090_badmaev.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

Бикбулатов, Н.В., Кузеев, Р.Г., Шитова, С.Н., 1976. *Прикладное искусство, Народное творчество башкир*, под ред. Р.Г. Кузеева и Н.В. Бикбулатова. Уфа: БФАН СССР, с. 5–58.

Бикбулатов, Н.В., Юсупов, Р.М. Шитова, С.Н., Фатыхова, Ф.Ф., 2002. *Башкиры: Этническая история и традиционная культура*. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 248 с.

История башкирского народа, 2012. В 7 т. Т. 2. Гл. ред. М.М. Кульшарипов, Уфа: Гилем, 416 с.

Капалбаев, О.Э., 2016. Кыргызское традиционное ремесло по выделке кожи (конец XIX – начало XX века), *Молодой ученый*, № 16 (120), с. 279–282. URL: <https://moluch.ru/archive/120/26591> (дата обращения: 05.04.2026).

Курбатов, А.В., 2012. *Кожевенное ремесло в средневековой России*. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 53 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kozhevennoe-remeslo-v-srednevekovoi-rossii/read> (дата обращения: 05.04.2026).

Кыржинаков, А.А., 2020. Кожевенное дело хакасов: традиции и современность, *Вестник Томского государственного университета*, № 461, с. 144–149. <https://doi.org/10.17223/15617793/461/17>

Рахимов, Р.Н., 2013. Северные амурь, *Военная история башкир: энциклопедия*. Уфа: Башкирская энциклопедия, с. 315.

Руденко, С.И., 2006. *Башкиры: историко-этнографические очерки*. Уфа: Китап, 376 с.

Сайфутдинова, О.П., 2020. Кожевенные изделия – стратегический материал: история развития и технологии обработки, *Проблемы востоковедения*, № 1, с. 83–89. <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10113>

Сайфутдинова, О.П., 2023. *Кожевенное производство на территории Башкирии во второй половине XIX – первой трети XX в.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kozhevennoe-proizvodstvo-na-territorii-bashkirii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-pervoi-treti-xx/read> (дата обращения: 05.04.2026).

Саттарова, Л.И., 2023. *Татарская узорная кожа: ремесло, традиция, искусство*. Казань: Татарское книжное издательство, 119 с.

Шитова, С.Н., 1995. *Башкирская народная одежда*. Уфа: Китап, 240 с.

Шитова, С.Н., 1979. Утварь из кожи у башкир, *Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в.*, отв. ред. Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов. М.: Наука, с. 146–169.

References

Badmaev, A.A., 1998, Leather craft of the Aginsky Buryats, *Ethnographic Review*, no. 2, pp. 90–101. URL: https://eo.ica.ras.ru/wp-content/uploads/1998/02/eoarchive_1998_2_090_badmaev.pdf (accessed: 02.04.2026). (In Russ.)

Bikbulatov, N.V., Kuzeev, R.G., Shitova, S.N., 1976, Applied art, *Folk art of Bashkirs*, eds. R.G. Kuzeev, N.V. Bikbulatov, Bashkirskij filial Akademii nauk Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik, Ufa, pp. 5–58. (In Russ.)

Bikbulatov, N.V., Yusupov, R.M., Shitova, S.N., Fatykhova, F.F., 2002, *Bashkirs: Ethnic history and traditional culture*. Bashkir Encyclopedia publ., Ufa, 248 p. (In Russ.)

History of the Bashkir people, 2012. In 7 vols. Vol. 2. Ed. M.M. Kulsharipov. Gilem, Ufa, 416 p. (In Russ.)

Kapalbaev, O.E., 2016, Kyrgyz traditional leather craft (late 19th – early 20th century), *Young Scientist*, no. 16 (120), pp. 279–282. URL: <https://moluch.ru/archive/120/26591> (accessed: 04.05.2026). (In Russ.)

Kurbatov, A.V., 2012, *Leather craft in medieval Russia*. Dissertation abstract ... Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 53 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/kozhevennoe-remeslo-v-srednevekovoi-rossii/read> (accessed: 04.05.2026). (In Russ.)

Kyrzhinakov, A.A., 2020, Leather Production by the Khakas People: Traditions and Modernity, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, no. 461, pp. 144–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/461/17>

Rakhimov, R.N., 2013, Northern amurs, *Military history of Bashkirs: an encyclopedia*, Bashkir Encyclopedia, Ufa, p. 315. (In Russ.)

Rudenko, S.I., 2006, *Bashkirs: historical and ethnographic essays*. Kitap, Ufa, 376 p. (In Russ.)

Saifutdinova, O.P., 2020, Leather products as strategic material: history of development and processing technologies, *The Problems of Oriental Studies*, no. 1, pp. 83–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10113>

Saifutdinova, O.P., 2023, *Leather production in Bashkiria in the second half of the 19th – first third of the 20th century*. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences. Kazan, 23 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/kozhevennoe-proizvodstvo-na-territorii-bashkirii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-pervoi-treti-xx/read> (accessed: 04.05.2026). (In Russ.)

Sattarova, L.I., 2023, *Tatar patterned leather: craft, tradition, art*. Tatar Book publ., Kazan, 119 p. (In Russ.)

Shitova, S.N., 1995, *Bashkir folk clothing*. Kitap, Ufa, 240 p. (In Russ.)

Shitova, S.N., 1979, Bashkir leather utensils, *Economy and culture of Bashkirs in the 19 – early 20 century*, eds R.G. Kuzeev, N.V. Bikbulatov, Nauka, Moscow, pp. 146–169. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Зиля Фасимовна Нигматуллина, кандидат исторических наук, Национальный музей Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0009-0000-6082-4122>; e-mail: fond-nmrb@mail.ru

Information about the author

Zilya F. Nigmatullina, Cand. Sc. (History), National Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0009-0000-6082-4122>; e-mail: fond-nmrb@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026

Научная статья / Scientific article

УДК / UDC 63: 94(571.13)«1941/1945»

<https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.23>**Некоторые аспекты развития сельского хозяйства Хакасии
в годы Великой Отечественной войны****Валентина Николаевна Тугужекова**

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Российская Федерация
E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

Владимир Арнольдович Печерский

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Российская Федерация
E-mail: volody75.75@mail.ru

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот источников в статье исследуются некоторые аспекты развития аграрного сектора Хакасии в годы Великой Отечественной войны. В военные годы сельское хозяйство Хакасской автономной области пришло в упадок, государственный план развития животноводства был выполнен колхозами области за 1942 г. по крупному рогатому скоту на 89,3 %, по лошадям на 87 %, по овцам на 92,2 %, свиньям на 77,3 %, птицам на 47,2 %. Одной из основных причин невыполнения плана развития животноводства и снижения поголовья скота в 1943 г. являлся падеж скота. Особенно больших размеров он достиг в 1943 г. В части продуктивности животноводства область начиная с 1943 г. регрессировала. Совершенно не проводились работы по улучшению лугов и пастбищ, сочными кормами скот не обеспечивался. Плохо выполнялись планы поставок яиц, кожсырья и шерсти. Обком обвинил местные партийные, советские и заготовительные органы в том, что в результате их попустительства значительное количество колхозов и индивидуальных сдатчиков не участвовали в сдаче мяса в первом квартале 1945 г. Не лучшим образом обстояли дела и в земледелии. Ремонт тракторов шел с серьезным отставанием от графика «благодаря исключительной неорганизованности и низкой производительности труда». На 1 февраля 1942 г. план ремонта тракторов был выполнен на 51,6 %. Особенно тяжело обстояли дела с ремонтом тракторов в Ширинском и Шарыповском районах – в МТС на их территории реставрация старых деталей и изготовление новых были организованы плохо. Исключительно слабо шли засыпка и очистка семенного материала. Всего по области на 1 февраля 1942 г. засыпали 90,6 % семян, а очистили 55,6 %, проверили на всхожесть 68,9 %, из них некондиционными оказалось 24 000 ц. Учитывая трудности, сложившиеся в сельском хозяйстве страны, начиная с весеннего сева 1944 г. государство возобновило выдачу хозяйствам ссуд на приобретение семян.

Ключевые слова: Хакасия, Великая Отечественная война, сельское хозяйство, животноводство, земледелие, колхозы, совхозы

Для цитирования: Тугужекова, В.Н., Печерский, В.А., 2026. Некоторые аспекты развития сельского хозяйства Хакасии в годы Великой Отечественной войны, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 256–266. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.23>

Some aspects of the development of agriculture in Khakassia during the Great Patriotic War

Valentina N. Tuguzhekova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History,
Katanov Khakass State University,
Abakan, Russian Federation
E-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

Vladimir A. Pechersky

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History,
Abakan, Russian Federation
E-mail: volody75.75@mail.ru

Abstract. Drawing on sources introduced into academic discourse for the first time, this article examines certain aspects of the development of the agricultural sector in Khakassia during the Great Patriotic War. During the war years, agriculture in the Khakass Autonomous Region fell into decline; the state plan for the development of livestock farming was fulfilled by the region's collective farms in 1942 to 89.3 per cent for cattle, 87 per cent for horses, 92.2 per cent for sheep, pigs by 77.3 per cent, and poultry by 47.2 per cent. One of the main reasons for the failure to meet the livestock development plan and the decline in livestock numbers in 1943 was livestock mortality. It reached particularly high levels in 1943. In terms of livestock productivity, the region began to regress from 1943 onwards. No work whatsoever was carried out to improve meadows and pastures, and livestock were not provided with succulent fodder. Quotas for the supply of eggs, raw hides and wool were poorly met. The Regional Committee accused the local Party, Soviet and procurement bodies of allowing, through their negligence, a significant number of collective farms and individual suppliers to fail to participate in meat deliveries during the first quarter of 1945. The situation in agriculture was no better. Tractor repairs were falling seriously behind schedule 'due to exceptional disorganisation and low labour productivity'. As at 1 February 1942, 51.6 per cent of the tractor repair target had been met. The situation was particularly dire with regard to tractor repairs in the Shirin and Sharypov districts – at the machine-tractor stations in those areas, the restoration of old parts and the manufacture of new ones were poorly organised. The sowing and cleaning of seed were proceeding at an extremely slow pace. Across the region as a whole, as at 1 February 1942, 90.6 per cent of the seed had been sown, 55.6 per cent had been cleaned, and 68.9 per cent had been tested for germination; of this, 24,000 centners were found to be substandard. In view of the difficulties facing the country's agriculture, from the spring sowing of 1944 onwards, the state resumed granting loans to farms for the purchase of seeds.

Keywords: Khakassia, the Great Patriotic War, agriculture, livestock husbandry, agriculture, collective farms, state farm

For citation: Tuguzhekova, V.N., Pechersky, V.A., 2026, Some aspects of the development of agriculture in Khakassia during the Great Patriotic War, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 256–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.23>

Введение

В годы Великой Отечественной войны аграрный сектор экономики пришел в упадок: уменьшилось количество колхозов, совхозов и МТС в западной части СССР, значительно сократились посевные площади и поголовье скота. В этих условиях в тыловых регионах начала создаваться новая сельскохозяйственная база.

Хакасия – преимущественно животноводческий регион, но в новых условиях пришлось сделать упор на земледельческой отрасли – увеличивать посевы и внедрять новые сельскохозяйственные культуры.

Главным показателем успешности экономики в советский период являлось выполнение плановых заданий. В военный период этот показатель значительно упал, снижаясь от года к году, соответственно снабжение армии и тыла продукцией сельского хозяйства на порядок сократилось.

В данной статье на основе впервые вводимых в научный оборот источников рассматривается ряд аспектов развития аграрного сектора Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны.

Проблемы развития сельскохозяйственного производства в военное время привлекают внимание исследователей еще со времен самой войны. Интерес к теме не затихает до сих пор. Заметным событием в исторической науке последних лет стал выход монографии В.В. Кондрашина «Сельское хозяйство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны» [Кондрашин, 2025]. В поле зрения автора такие вопросы, как хлебозаготовки, сельскохозяйственное производство в годы войны, трудовая активность и патриотизм крестьянства, материальное положение колхозников. В.В. Кондрашин использует широкий круг источников, в основном документы из центральных и региональных архивов.

В постсоветские времена ученые уделили основное внимание изучению сельского хозяйства различных регионов в военные годы. Сразу два автора подготовили работы, посвященные сельскому хозяйству Бурят-Монгольской АССР [Мотревич, 2023; Ильиных, 2025]. Данный регион интересен, прежде всего, тем, что здесь, как и в Хакасии, в аграрном секторе преобладало животноводство. Также В.П. Мотревич исследовал совхозное производство в военное время [Мотревич, 2020].

Сельское хозяйство соседнего с Хакасией Кузбасса нашло отражение в статьях Т.Ю. Хромовой и А.Г. Чупина [Хромова, 2016; Чупин, 2025].

В год 80-летия Победы вышло немало работ, посвященных сельскому хозяйству в годы Великой Отечественной войны. Так, в статье Н.А. Баззаева исследуется тема сельского хозяйства Южно-Осетинской АО в военный период [Баззаев, 2025]. Автор изучает такие вопросы, как помощь трудящихся Южной Осетии фронту сельскохозяйственной продукцией, путем сбора теплой одежды, обуви и медикаментов для бойцов. Местные жители активно участвовали в облигационных кампаниях, жертвовали деньги на строительство танков, самолетов и другие виды вооружения [Баззаев, 2025: 19].

Спецификой Южной Осетии являлось то, что она была прифронтовым регионом, поэтому массовые мобилизации происходили в период битвы за Кавказ, когда было мобилизовано 3 717 чел. [Баззаев, 2025: 20].

Статья В.А. Перцева посвящена кадровому обеспечению сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны [Перцев, 2025]. Часть территории Воронежской области была оккупирована, а на всей территории области в 1942–1943 гг. велись боевые действия.

Период оккупации и боевых действий причинили значительный вред народному хозяйству региона. Были разрушены многие промышленные предприятия, колхозы и совхозы, машинно-тракторные станции (МТС) Колоссальный ущерб нанесли военные события демографической основе Воронежской области [Перцев, 2025: 148].

Н.В. Ахмадиева в своей публикации изучила земледелие в Башкирской ССР в военное время [Ахмадиева, 2025].

Башкирия занимала лидирующее место в уральском регионе по производству сельскохозяйственной продукции и пополнению производственных фондов страны. Поэтому в уральском секторе аграрной экономики положение Башкирии оставалось стабильным на протяжении всей войны [Ахмадиева, 2025: 9].

Развитие аграрного сектора Красноярского края, в состав которого входила Хакасия, показано в работе В.К. Кутышевой [Кутышева, 2021].

В 2025 г. в Красноярске состоялся Сибирский исторический форум, посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. На этой конференции в числе прочих были представлены доклады, посвященные истории сельского хозяйства в военные годы, прежде всего Красноярского края [Павлюкевич, 2025; Трубников, 2025; Шпедт, 2025; Шушканова, 2025].

Основная часть

К началу Великой Отечественной войны основной отраслью сельского хозяйства Хакасии оставалось животноводство. Государственный план развития животноводства был выполнен колхозами области за 1942 г. по крупному рогатому скоту на 89,3 %, по лошадям – на 87 %, по овцам – на 92,2 %, свиньям – на 77,3 %, птицам – на 47,2 %. По совхозам области: крупному рогатому скоту – на 75 %, по овцам – на 53,6 %, свиньям – 54,5 %.

Вследствие плохой подготовки и проведения зимовья скота за январь 1943 г. по колхозам области пало, было забито и продано 1 972 голов крупного рогатого скота, 12 890 овец, 6 007 свиней. Особенно большой отход овец за январь 1943 г. был допущен в Усть-Абаканском районе, где пало, было забито и продано 4 430 овец или 6,1 % от всего общественного стада, и в Боградском районе – 2 628 овец или 4,2 % [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. 2, оп. 1, д. 939, л. 21].

Неудовлетворительно обстояли дела с поставками молока и молочных продуктов. За первый квартал 1942 г. в целом по области планы поставок молока были выполнены только на 21,8 %, масла – на 66,8 %, сыра – на 34,0 % [Там же, д. 401, л. 60].

Анализ отчетов колхозов и райзо (районных заготовительных организаций) показал, что причиной невыполнения, наряду с указанными, было разбазаривание молока. По всем тыловым районам страны в первом квартале 1942 г. план поставок молока по всем категориям хозяйств был выполнен немногим более чем на четверть.

Особенно тяжело обстояло дело с животноводством в 1943 г. в Боградском районе. Партийное руководство области обвинило в этом местный райком. Первый секретарь Боградского райкома Башкин, по мнению обкома, передоверил работу по руководству сельским хозяйством второму секретарю, и районной заготовительной организации и второму секретарю Худякову был объявлен выговор [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. 2, оп. 1, д. 939, л. 112 об.].

Падеж скота, разбазаривание, забой и продажа колхозного скота наблюдались в колхозах области в течение всего 1943 г. За первые 9 мес. 1943 г. в коллективных хозяйствах продали и забили 61 791 голов всех видов скота, и к началу октября 1943 г. поголовье колхозного скота сократилось против 1 января 1943 г. на 148 263 голов или на 30,4 %. В совхозах Хакасии план развития животноводства за первые 9 мес. 1943 г. выполнили: по крупному рогатому скоту – на 66,6 %, овцам – 73,9 %, свиньям – 11,4 %, лошадям – 86,3 %.

Проблема обеспеченности колхозного скота кормами не решилась и осенью 1943 г. Общая обеспеченность колхозов грубыми кормами составляла 76,4 % вместо требуемых 287 667 т., заготовили 184 894 т.

По совхозам области поголовье скота обеспечили кормами на 70 %. Особенно угрожающее положение с кормами было в Бейском и Усть-Абаканском районах. Отдельные колхозы Усть-Абаканского района «Коминтерн», «1 мая» имели 5–7 % запасов кормов. 6 колхозов Бейского района имели запасы ниже 30 %.

В результате стали поступать сигналы об истощении и гибели скота. В колхозе им. К.Е. Ворошилова Аскизского района в результате отсутствия противопожарных мероприятий сгорело 4 000 ц сена. В колхозе «Новый путь» Саралинского района огонь уничтожил кошару с 2200 ц кормов [Там же, л. 152–152 об.].

Снижение урожайности кормовых культур, наступившее вследствие ухудшения агротехнических мероприятий, напрямую повлияло на состояние животноводства, спровоцировав истощение и гибель скота.

Таблица 1. Падеж взрослого скота всех видов

Table 1. Mortality of adult cattle of all types

Виды скота	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.	
	Количество голов	Процент к поголовью	Количество голов	Процент к поголовью	Количество голов	Процент к поголовью	Количество голов	Процент к поголовью
Лошади	2 773	6,5	2 176	4,7	2 414	5,8	5206	13,7
Крупный рогатый скот	6224	9,2	10 886	13,1	8 593	10,3	10970	14,4
Овцы	79917	16,8	54131	9,7	69 733	12	61981	12,2
Свиньи	12372	35	10230	21	10 293	19,4	5864	17,4
Всего	101286	16,3	77423	10,4	91 033	12	84021	13

Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 940, л. 29 об.

Процент падежа животных по отношению к поголовью рос практически по всем видам скота. Исключение составляли только лошади, по которым процент падежа в 1941 г. сократился. В первый военный год в Красную Армию и в промышленность было мобилизовано большое число этих животных, поэтому на оставшихся в хозяйствах пришлось большее количество кормов.

Сокращение молодняка шло более быстрыми темпами, нежели взрослых животных. Детеныши были более подвержены болезням, и эпидемии военного времени серьезно ударили по ним.

Как видно, одной из основных причин невыполнения плана развития животноводства и снижения поголовья скота в 1943 г. являлся падеж. Особенно больших размеров он достиг в 1943 г. в Бейском, Боградском и Усть-Абаканском районах, где ежегодно допускался исключительно высокий отход как молодняка, так и взрослого скота. Большой падеж скота в отдельных районах в обкоме объясняли тем, что советские, партийные и земельные органы не занимались развитием

общественного животноводства в колхозах, не организовывали теплой и сытой зимовки скоту, не обеспечили надлежащих условий для приема нарождающегося молодняка.

Таблица 2. Падеж молодняка всех видов

Table 2. Mortality of young stock of all species

Виды молодняка	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		Всего за 4 года
	Количество голов навешего скота	Процент к поголовью	Количество голов навешего скота	Процент к поголовью	Количество голов навешего скота	Процент к поголовью	Количество голов навешего скота	Процент к поголовью	
Жеребята	406	6,3	533	14,4	533	13,2	293	14,3	1765
Телята	3 461	19,9	4995	29,9	4847	28,8	4363	33,3	17666
Ягнята	18 776	10	36952	18,4	40942	19,9	23445	20,1	120115
Поросята	5 863	25,5	8105	25,6	8129	23,9	3318	20,3	25415
Всего	28 506	12	50585	20	54451	21	31419	18,7	164 961

Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив», ф. 2, оп. 1, д. 940, л. 29 об.

Второй серьезной причиной невыполнения государственного плана развития животноводства являлось разбазаривание, забой, продажа на сторону и хищения скота.

Таблица 3. Разбазаривание скота в Хакасской автономной области

Table 3. Squandering of livestock in the Khakass Autonomous Region

Виды скота	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		Всего за 4 года
	Было разба- зарено	Процент к общим потерям скота	Было разба- зарено	Процент к общим потерям скота	Было разба- зарено	Процент к общим потерям скота	Было разба- зарено	Процент к общим потерям скота	
Лошади	406	11,6	4046	40,2	1845	33,2	3986	39	10 283
Крупный рогатый скот	3009	23,3	6807	25,6	3892	18,1	7207	16,2	20915
Овцы	20776	16	82135	42,2	44822	21,6	48335	14,3	196 068
Свиньи	9758	46,5	16662	55,2	20126	56,4	16401	56,8	62947
Всего	33 949	20,3	109650	41,9	70685	26	75929	18	290213

Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 930, л. 31.

Процент разбазаривания был достаточно велик в общем числе потерь скота, доходя до 40,2 % по общему числу поголовья в 1941 г. Это объяснялось объективными причинами. Тяжелая экономическая обстановка, сложившаяся в колхозах, провоцировала руководство хозяйств производить незаконный убой скота для продажи мяса на сторону или для собственных нужд. Это был единственный способ пополнить скудную колхозную кассу или просто накормить колхозников.

В части продуктивности животноводства область начиная с 1943 г. регрессировала. Совершенно не проводились работы по улучшению лугов и пастбищ, сочными кормами скот не обеспечивался. Силосные культуры полностью отсутствовали, закладываемый силос из дикорастущих трав был низкого качества, и правильное его скармливание животным не производилось. Пастбища использовались плохо. Не были организованы нагульные и откормочные операции. Этим объяснялось низкое качество сдававшейся государству продукции.

Удой на одну корову начал снижаться еще в довоенный период, но в 1942 г. этот показатель стал расти, а в 1943 г. вновь снижаться. Очевидно, состояние кормовой базы в области и эпидемиологическая обстановка в разные годы менялись.

Серьезные проблемы хозяйства области испытывали в мясозаготовках. Нарушение сроков поставок мяса, плохая организация нагула и откорма скота стали причиной того, что выполнение плана мясopоставок производилось скотом низкой упитанности.

Таблица 4. Продуктивность скота в Хакасской автономной области

Table 4. Livestock productivity in the Khakass Autonomous Region

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.
Удой на фуражную корову в литрах	813	704	770	733
Настриг на овцу в кг	1,911	1,730	1,572	Нет данных

Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 930, л. 32.

Плохо выполнялись планы поставок яиц, кожсырья и шерсти. Обком обвинил местные партийные, советские и заготовительные органы в том, что в результате их попустительства значительное количество колхозов и индивидуальных сдатчиков не участвовали в сдаче мяса в первом квартале 1945 г. Например, в Бейском районе за первые 3 месяца 1945 г. 55 % колхозов и 89 индивидуальных хозяйств не сдали государству ни одного килограмма мяса.

В ответ на такую работу бюро обкома постановило: «Обязать райкомы, райисполкомы, райзаги, в целях выполнения плана сдачи мяса государству в установленные сроки скотом выше средней упитанности, организовать в колхозах нагул и откорм крупного рогатого скота, овец и свиней. Обеспечить выполнение плана во втором квартале 1945 г., организовать выполнение колхозами и индивидуальными хозяйствами обязательств по сдаче яиц государству» [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 1100, л. 283 об.–285].

В условиях начала войны руководители Хакасской автономной области, районов, совхозов, колхозов, МТС, рядовые труженики села приложили максимум усилий для сбора урожая и сдачи его государству. Так, колхоз «Трудовое Знамя» в 1941 г. в соответствии с плановым заданием сдал государству 3 600 пудов зерна пшеницы, сверх плана в фонд обороны колхозники сдали дополнительно 3 000 пудов.

Колхоз «Большевик» сдал государству 6 тыс. пудов зерна, в фонд обороны – 4,8 тыс. пудов. В колхозе «Красноармеец» Бейского района ряд колхозников, работая на отгрузке зерна, на 100 % перевыполняли норму выработки.

Во всех хозяйствах Хакасии для ускорения уборки урожая в условиях нехватки людей работали круглосуточно, в две смены. Для поощрения людей за работу в ночное время выдавали продуктовые пайки в двойном размере, что положительно сказывалось на моральном и материальном положении тружеников села. Так, в колхозе «Первое мая» Белоярского сельсовета ночью выкашивали вручную по три гектара зерновых. Постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О привлечении учащихся 7–10-х классов неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам» было разрешено применение в сельском хозяйстве труда подростков.

Для ускорения перевозки собранного урожая в ряде колхозов использовали труд подростков, их привлекали и на уборочные работы. Подростки трудились наравне со взрослыми, иногда и значительно опережая их результаты. Например, Матрена Сагалакова из колхоза «Вторая пятилетка» Аскизского района ежедневно вязала по 815 снопов.

Таким образом, не все хозяйства Хакасии оказались одинаково подготовленными к работе в военное время. Часть колхозов и совхозов не смогли найти резервы для того, чтобы не снизить темпы работ в экстремальных условиях. В таких хозяйствах значительно были увеличены сроки уборки урожая, что естественно привело к потерям зерна.

Это в большой степени было характерно для 1941 г., но, естественно, те же трудности и проблемы стояли перед хакасской деревней все военные годы. И, тем не менее, в 1941 г. колхозы и совхозы Хакасии сдали государству 1,02 млн ц хлеба, это лишь на 0,34 млн ц меньше, чем в 1940 г.

Подготовка к первому весеннему севу военного времени шла напряженно. Бюро крайкома обязало область организовать «большевистскую подготовку к севу». В обкоме необходимость должной подготовки к севу мотивировали рядом причин: 1) посевная 1942 г. должна была пройти в крайне сжатые сроки с наилучшей и качественной подготовкой почвы, проведением комплексных агротехнических мероприятий и предпосевного полива в колхозах, имевших орошаемые земли; 2) поскольку посевная 1942 г. должна была пройти в условиях военного времени, при недостатке

тягловой силы, при большом объеме работ по обработке почвы, так как подготовленные земли составляли всего 38,2 % от запланированных посевных площадей.

Решению этих задач препятствовал ряд трудностей. Ремонт тракторов шел с серьезным отставанием от графика «благодаря исключительной неорганизованности и низкой производительности труда». На 1 февраля 1942 г. план ремонта тракторов был выполнен на 51,6 %. Особенно тяжело обстояли дела с ремонтом тракторов в Ширинском и Шарыповском районах – в МТС на их территории реставрация старых деталей и изготовление новых были организованы плохо. Слабо шел ремонт и прицепного инвентаря.

Недостаток техники приводил к тому, что в сельском хозяйстве пришлось вернуться к живому тяглу. Было подсчитано: в ходе весенних полевых работ 1942 г. на каждую лошадь придется 10 га в переводе на мягкую пахоту, и это только при условии освобождения лошадей от других работ, что было невозможно.

Исключительно слабо шли засыпка и очистка семенного материала. Всего по области на 1 февраля 1942 г. засыпали 90,6 % семян, а очистили 55,6 %, проверили на всхожесть – 68,9 %, из них некондиционным оказались 24 тыс. ц.

Срыв своевременной засыпки семян происходил «благодаря преступной затяжке обмолота». Так, в Шарыповском и в Боградском районах сортировочные машины не использовались с полной нагрузкой, а неочищенные семена часто подвергались порче, их посевные качества снижались [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 861, л. 67].

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 г. «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1943 г.» признавалось, что «в трудных условиях военного времени, при значительном отвлечении на нужды обороны тракторов, лошадей, транспортных средств, при резком сокращении снабжения сельского хозяйства запасными частями, горючим, минеральными удобрениями, а также в условиях мобилизации в Красную Армию значительной части квалифицированных работников колхозы и совхозы значительно увеличили посевы основных продовольственных культур – зерна, картофеля, овощей и сахарной свеклы» [Решения партии и правительства..., 1968: 97].

В соответствии с этим Постановлением всего посева яровых и озимых без укосной площади многолетних трав посева прошлых лет сделали 202 735 га. Из них только зерновых и зернобобовых яровых и озимых – 188 355 га. Укосная площадь многолетних трав – 4 200 га. Всего яровых и озимых культур с укосной площадью – 206 935 га [Там же, д. 934, л. 156 об.].

За время войны структура посевных площадей в Хакасии изменилась.

Таблица 5. Структура посевных площадей Хакасской автономной области в гектарах

Table 5. Structure of sown areas of the Khakass Autonomous Region in hectares

Дата	Зерновые	Картофель	Овощи	Кормовые	Технические культуры всего	В том числе	
						Свекла	Рыжик
1939 г.	170 052	521	135	4244	1040	-	-
1942 г.	203 973	1 258	392	4141	6006	2236	2014
1943 г.	163 680	962	375	3384	4942	2809	1229
1942 г. процент к 1939 г.	120	241	291	97,7	577	-	-
1943 г. процент к 1939 г.	96,3	184,6	278,5	79,7	475,2	-	-

Составлено по: ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 1024, л. 22 об.

Резкое увеличение посевов технических культур и внедрение сахарной свеклы в военное время объяснялось огромными потерями посевных площадей данных культур на временно оккупированных территориях. Столь масштабный рост одних видов культур за такое короткое время не мог произойти без уменьшения посевов других культур. Отсюда снижение посевных площадей зерновых и кормовых культур.

Проверка состояния весенних полевых работ в колхозах Усть-Абаканского, Аскизского и Ширинского районов и сообщения с мест свидетельствовали о крайне неудовлетворительном развертывании весеннего сева 1943 г. Несмотря на неоднократные указания обкома и крайкома в ряде районов по колхозам запаздывали с началом полевых работ и «допускали вредную раскачку».

Особенно медленно развертывалась пахота. Во многих колхозах обнаружили существенные недостатки в организации труда полеводческих бригад, а конское тягло и сельхозинвентарь в работу полностью не были включены. Работа тракторного парка шла исключительно плохо. В силу этого на 18 апреля по колхозам области заборонено лишь 4 236 га, вспахано – 925 га [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 861, л. 163 об.].

Учитывая трудности, сложившиеся в сельском хозяйстве страны, начиная с весеннего сева 1944 г. государство возобновило выдачу хозяйствам ссуд на приобретение семян. 27 сентября 1944 г. было принято Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мерах помощи сельскому хозяйству Хакасии». Это Постановление сыграло большую положительную роль в дальнейшей работе земледельцев. С 1944 года начался медленный постепенный подъем сельского хозяйства Хакасии. И, несмотря на то, что план сева яровых культур колхозами области был выполнен на 79,3 %, технических культур – на 63,6 %, валовые сборы зерна – увеличились.

Однако положение в земледелии было далеко от идеала. Весной 1944 г. колхозам Хакасии отпустили 66 887 ц семян. С них списали задолженности по хлебу в количестве в 277 450 ц. Но урожайность на полях, несмотря на рост, по-прежнему оставляла желать лучшего. В 1944 г., как и в 1943 г., урожай зерновых (как в среднем по области) получен 3,9 ц с га – это в 3–4 раза ниже против доведенного, а в таких районах, как Бейский, Ширинский и Богградский, урожай ниже, чем в среднем по области. В результате не был выполнен план хлебозаготовок, колхозы не обеспечили себя семенами, а колхозники не были обеспечены хлебом.

Причины получения низкого урожая состояли в следующем: в колхозах и совхозах области была сильно запущена агротехника, не соблюдались севообороты, не вносились в почву удобрения, накапливалась влага. Не проводились элементарные аграрные мероприятия, и из-за этого снижалась урожайность.

Плохо работали МТС, которые зачастую не выполняли договоры с колхозами. В 1944 г. машинно-тракторные станции области работали несколько лучше, чем в 1943 г., план 1944 г. они выполнили на 75 % вместо 60 % в 1943 г. Но вследствие плохо проведенного ремонта тракторов и комбайнов в ремонтную кампанию 1943 г. в самый ответственный момент в разгар сельскохозяйственных работ в период уборки урожая из 811 тракторов работало 250–300, а из 510 комбайнов работало 200 [ГКУ РХ «Национальный архив», ф. П-2, оп. 1, д. 1027, л. 101–103].

Заключение

Таким образом, аграрный сектор в годы войны испытал огромные трудности. Мобилизация большого количества мужчин, прекращение производства сельскохозяйственной техники, сокращение посевных площадей и поголовья скота привели к резкому падению уровня сельскохозяйственного производства.

Животноводство и земледелие были тесно связаны друг с другом. Упадок в земледелии спровоцировал недостаток кормов для скота, а спад в животноводстве – нехватку тягловой силы, значение которой серьезно возросло после фактической демеханизации сельского хозяйства в условиях прекращения производства сельскохозяйственной техники и запасных частей к ней.

Упадку в сельском хозяйстве способствовали и незаконные действия колхозников. В условиях фактического голода руководство коллективных хозяйств само находило выход для снабжения подчиненных. Та же продукция, которая шла на внутриколхозные нужды, не доходила до других потребителей.

Помощь государства аграрному сектору была явно недостаточной для успешного развития этой отрасли экономики. Село оказалось фактически предоставлено само себе и было отброшено в своем развитии на много лет назад.

Несмотря на это труженики сельского хозяйства внесли посильный вклад в дело снабжения фронта и тыла продовольствием и другой сельскохозяйственной продукцией.

Источники и материалы

Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»), ф. П-2, оп. 1, д. 401, 861, 930, 934, 939, 940, 1024, 1027.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1968. Сб. док. за 50 лет, т. 3, сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 754 с.

Список литературы

Ахмадиева, Н.В., 2025. Растениеводство в колхозах Башкирии в годы Великой отечественной войны, *Известия УФИЦ РАН. Серия История. Филология. Культура*, т. 2, № 1, с. 8–16. <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.1.01>

Баззаев, Н.А., 2025. Южная Осетия в годы Великой Отечественной войны: Труженики сельского хозяйства – фронту, *Великая Отечественная война: историческая память и вызовы современности. Материалы Всеросс. науч. конф. (с междунар. участием)*. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, с. 18–22.

Ильиных, В.А., 2025. Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны: динамика, организационно-хозяйственная структура, *Историко-экономические исследования*, т. 26, № 1, с. 7–28. [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2025.26\(1\).7-28](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2025.26(1).7-28)

Кондрашин, В.В., 2025. *Сельское хозяйство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны*. М.: Политическая энциклопедия, 374 с.

Кутышева, В.К., 2021. Проблемы сельского хозяйства Красноярского края в годы Великой Отечественной войны, *Великая Отечественная войны: пространство исторической памяти и славы. Материалы краевого молодежного исследовательского проекта, посвящ. 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Красноярск, с. 108–111.

Мотрович, В.П., 2020. Совхозное производство в Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (по данным сводных годовых отчетов), *Историко-экономические исследования*, т. 21, № 1, с. 117–143. [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2020.21\(1\).117-143](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2020.21(1).117-143)

Мотрович, В.П., 2023. Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны (по материалам Постановлений СНК СССР), *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: Байкальский государственный университет, с. 220–228. <https://doi.org/10.17150/978-5-7253-3124-0.25>

Павлюкевич, Р.В., 2025. Динамика численности скота в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны, *Мы ковали Победу: материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: ООО «Типография КАСС», с. 302–306.

Перцев, В.А., 2025. Кадровое обеспечение сельского хозяйства Воронежской области в годы Великой Отечественной войны, *Теория и практика инновационных технологий в АПК. Материалы науч.-практич. конф.*, отв. ред. Е.Ю. Колбнева. Воронеж: Воронежский гос. аграрный ун-т им. Императора Петра I, с. 147–155.

Трубников, Ю.Е., 2025. Сельское хозяйство Приенисейской Сибири в годы Великой Отечественной войны, *Мы ковали Победу: материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: ООО «Типография КАСС», с. 422–426.

Хромова, Т.Ю., 2016. Аграрный сектор Кузбасса в годы войны, *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. Спецвыпуск № 2*. URL <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-2/31-spets02/443-00192>. - ISSN 2413-4066

Чупин, А.Г., 2025. Аграрная политика советско-партийных органов власти в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), *Археология. История. История и теория искусств. Материалы 63-й Междунар. науч. студенческой конф.* Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т, с. 299–300.

Шпедт, А.А., 2025. Состояние сибирского земледелия в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время, *Мы ковали Победу: материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: ООО «Типография КАСС», с. 513–517.

Шушканова, Е.А., 2025. Сибирское село в годы Великой Отечественной войны через призму районной периодики, *Мы ковали Победу: материалы Сибирского исторического форума*. Красноярск: ООО «Типография КАСС», с. 518–522.

References

Akhmadieva, N.V., 2025, Crop production on collective farms of Bashkiria during the Great Patriotic War, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 2, no. 1, pp. 8–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.1.01>

Bazzaev, N.A., 2025, South Ossetia during the Great Patriotic War. Agricultural workers to the front, *The Great Patriotic War. Historical memory and modern challenges. Materials of the All-Russian Scientific Conference (with international participation)*, Advertising and Information Agency on Caucasian Mineral Waters, Pyatigorsk, pp. 18–22. (In Russ.)

Il'inykh, V.A., 2025, Agriculture of the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War: Dynamics, Organizational-Economic Structure, *Journal of Economic History & History of Economics*, vol. 26, no. 1, pp. 7–28. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2025.26\(1\).7-28](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2025.26(1).7-28)

Kondrashin, V.V., 2025, *Agriculture of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War*. Political Encyclopedia, Moscow, 374 p. (In Russ.)

Kutyshcheva, V.K., 2021, Agricultural Problems of Krasnoyarsk Territory in the Great Patriotic War, *The Great Patriotic War: the space of historical memory and glory. Materials of the Regional Youth Research Project dedicated to the 75th Anniversary of the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945*. Krasnoyarsk, pp. 108–111. (In Russ.)

Motrevich, V.P., 2020, State farm in Eastern Siberia in the years of the Great Patriotic War (according to consolidated annual reports), *Journal of Economic History & History of Economics*, vol. 21, no. 1, pp. 117–143. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2020.21\(1\).117-143](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2020.21(1).117-143)

Motrevich, V.P., 2023, Agriculture Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War (Based on the Resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR), *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, Baikal State University, Irkutsk, pp. 220–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.17150/978-5-7253-3124-0.25>

Pavlyukevich, R.V., 2025, Dynamics of livestock numbers in the Krasnoyarsk territory during the Great Patriotic War, *We forged Victory: Proceedings of the Siberian Historical Forum*, Limited Liability Company "Tipografiya KASS", Krasnoyarsk, pp. 302–306. (In Russ.)

Pertsev, V.A., 2025, Staffing of agriculture in the Voronezh Region during the Great Patriotic War, *Theory and practice of innovative technologies in the military-industrial complex. Proceedings of the Voronezh Scientific Conference*, ed. E.Y. Kolbnev, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, pp. 147–155. (In Russ.)

Trubnikov, Yu.E., 2025, Agriculture of Yenisei Siberia during the Great Patriotic War, *We forged Victory: Proceedings of the Siberian Historical Forum*, Limited Liability Company "Tipografiya KASS", Krasnoyarsk, pp. 422–426. (In Russ.)

Khromova, T.Y., 2016, The Agricultural Sector of Kuzbass In The Years Of War, *Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University, special issue no. 2*. (In Russ.) URL <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-2/31-spets02/443-00192>. - ISSN 2413-4066

Chupin, A.G., 2025, Agrarian policy of the Soviet-party authorities in Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945), *Archaeology. History. History and theory of arts. Proceedings of the 63rd International Scientific Student Conference*, Novosibirsk State University, Novosibirsk, pp. 299–300. (In Russ.)

Shpedt, A.A., 2025, The state of Siberian agriculture during the Great Patriotic War and the post-war period, *We forged Victory: Proceedings of the Siberian Historical Forum*, Limited Liability Company "Tipografiya KASS", Krasnoyarsk, pp. 513–517. (In Russ.)

Shushkanova, E.A., 2025, Siberian village during the Great Patriotic War through the prism of regional periodicals, *We forged Victory: Proceedings of the Siberian Historical Forum*, Limited Liability Company "Tipografiya KASS", Krasnoyarsk, pp. 518–522. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests.

Сведения об авторах

Валентина Николаевна Тугужекова, доктор исторических наук, профессор, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-5206-1070>; e-mail: vtuguzheкова@yandex.ru

Владимир Арнольдович Печерский, кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-8969-0604>; e-mail: volody75.75@mail.ru

Information about the authors

Valentina N. Tuguzhekova, Doct. Sc. (History), Professor, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-5206-1070>; e-mail: vtuguzhekova@yandex.ru

Vladimir A. Pechersky, Cand. Sc. (History), Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-8969-0604>; e-mail: volody75.75@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 06.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 02.06.2026

Принята к публикации / Accepted 09.06.2026

Историография возникновения нефтеперерабатывающего кластера «Второе Баку» в годы Великой Отечественной войны

Гульнара Нургалеевна Хужахметова

Институт истории и государственного управления
Уфимского университета науки и технологий,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: Suve@mail.ru

Аннотация. Изучаются вопросы возникновения понятия «Второе Баку». Рассматриваются подходы и интерпретации значимости этой нефтегазоносной области в исторической литературе. Приводятся мнения советских, российских и азербайджанских исследователей по этому вопросу. В азербайджанской историографии вопрос передислокации части оборудования и кадров на восток имеет несколько мнений. Критические оценки передислокации базируются на ряде аргументов: кадровый голод: массовый вывоз квалифицированных буровиков, инженеров и оборудования в районы «Второго Баку». Неэффективные технологии и спорные методы сохранения добычи. Противоположная точка зрения, государственная необходимость, указывает на то, что создание мощных баз на востоке СССР было стратегическим спасением для всей нефтяной отрасли страны в условиях оккупации западных районов. Операция «Блау» – это стратегическое летне-осеннее наступление войск нацистской Германии на южном направлении Восточного фронта. Одной из главных целей операции был захват ресурсов: взятие под контроль нефтяных месторождений Грозного и Баку. А также заблокировать ключевую транспортную артерию СССР и изолировать центральные районы страны от Кавказа. Приводятся исторические факты о возникновении и использовании термина «Второе Баку». Раскрываются некоторые вопросы создания единого центра управления нефтяной отраслью, значимые инновационные открытия в области нефтедобычи и переработки. Отмечается, что «Второе Баку» сыграло важную роль в снабжении фронта и тыловых регионов топливом. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения истории энергетики в России. Описываются перспективы углубленного анализа роли нефтяной промышленности региона в победе советского народа, подчеркивая недостаток внимания к важным вопросам в современных исследованиях. Выявляется необходимость расширения исследований в области «Второго Баку» времен Великой Отечественной войны, обращая внимание на сложности обработки большого объема материала. Исследование имеет важное значение для понимания вклада нефтяной промышленности, в том числе и Башкортостана, в победу Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Второе Баку, нефтегазоносная область, нефтяная промышленность, нефтеперерабатывающий завод, Операция «Блау», историография

Для цитирования: Хужахметова, Г.Н., 2026. Историография возникновения нефтеперерабатывающего кластера «Второе Баку» в годы Великой Отечественной войны, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 267–273. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.24>

Historiography of the emergence of the “Second Baku” oil refining cluster during the Great Patriotic War

Gulnara N. Khuzhakhmetova

Institute of History and Public Administration
of the Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation
E-mail: Suve@mail.ru

Annotation. This paper examines the origins of the term ‘Second Baku’. It reviews the approaches and interpretations of the significance of this oil-and-gas bearing region in historical literature. The views of Soviet, Russian and Azerbaijani researchers on this issue are presented. In Azerbaijani historiography, there are differing views on the redeployment of some equipment and personnel to the east. Critical assessments of the redeployment are based on a number of arguments: a shortage of personnel, namely the mass transfer of skilled drillers, engineers and equipment to the ‘Second Baku’ regions. Inefficient technologies and controversial methods of maintaining production. The opposing viewpoint, based on national necessity, argues that the establishment of powerful bases in the east of the USSR was a strategic lifeline for the country’s entire oil industry amidst the occupation of the western regions. Operation ‘Blau’ was a strategic summer–autumn offensive by Nazi German forces on the southern sector of the Eastern Front. One of the operation’s main objectives was the seizure of resources: taking control of the oil fields in Grozny and Baku. It also aimed to block a key transport artery of the USSR and isolate the central regions of the country from the Caucasus. Historical facts regarding the origin and use of the term ‘Second Baku’ are presented. The text explores certain aspects of the creation of a unified control centre for the oil industry, as well as significant innovative breakthroughs in the fields of oil production and refining. It is noted that ‘Second Baku’ played an important role in supplying fuel to the front and rear regions. The need for further study of the history of the energy sector in Russia is justified. The prospects for an in-depth analysis of the role of the region’s oil industry in the Soviet people’s victory are described, highlighting the lack of attention paid to important issues in contemporary research. The need to expand research into ‘Second Baku’ during the Great Patriotic War is identified, drawing attention to the challenges involved in processing a large volume of material. This study is of great significance for understanding the contribution of the oil industry, including that of Bashkortostan, to the Soviet Union’s victory.

Key words: the Great Patriotic War, Second Baku, oil and gas region, oil industry, oil refinery, Operation Blau, historiography

For citation: Khuzhakhmetova, G.N., 2026, Historiography of the emergence of the “Second Baku” oil refining cluster during the Great Patriotic War, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 267–273. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.24>

Введение

В настоящее время наблюдается рост интереса к историческим исследованиям в области энергетики и экономики. Повышается востребованность более глубокого изучения производственных процессов, в том числе добычи нефти, нефтепереработки и транспортировки нефти в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования заключается в рассмотрении историографии возникновения и развития термина «Второе Баку» как нефтеперерабатывающего кластера. Необходимо проанализировать мнения советских, российских и азербайджанских историков по вопросам возникновения, действия и целесообразности проведения кадровой политики этого нефтеносного региона.

Основные вопросы исследования: дать определение условных обозначений нефтегазоносных областей СССР; определить значение и вклад региона «Второе Баку» в Победу в Великой Отечественной войне; обозначить историографию вопроса и затронуть дискуссионные моменты.

Методы исторического исследования традиционно делятся на две большие группы: общие методы научного исследования и специальные исторические методы. При проведении исследования использовали общие методы: анализ и синтез исторических явлений, сравнительно-сопоставительный метод. Специальные методы исследования: исторический метод, историко-генетический метод, периодизация, нарративный метод и др.

Основная часть

Истории освоения советских нефтегазовых провинций получили условные обозначения, их было три: «Первое Баку», «Второе Баку» и «Третье Баку». Каждый последующий регион становится все более масштабным и стратегически важным для страны. «Первым Баку» называют историческое месторождение нефти в Азербайджане, которое существовало с древности на Апшеронском полуострове. Наиболее интенсивное освоение этой области приходится на вторую половину XIX в., первую половину XX в. [Агакишиев, 2011]. Перед началом Великой Отечественной войны была открыта новая нефтегазоносная область между Волгой и Уралом, которая получила название «Второе Баку» [Губкин, 1940]. «Третье Баку» – условное обозначение для других крупных

нефтедобывающих регионов Советского Союза, например, Западно-Сибирской нефтегазоносной области. Эта область была обнаружена в конце 50-х гг. XX в. [Запивалов, Шпильман, 1963]. Академик И.М. Губкин также высказывался о ресурсном потенциале Арктики, которую условно можно называть «Четвертым Баку» [Губкин, 1940].

«Второе Баку» – широко распространённое название Волго-Уральской нефтегазоносной области, которая начала осваиваться в конце 30-х гг. XX в. Само определение дано академиком АН СССР И.М. Губкиным в конце 30-х гг. XX в. и связано с особенностями географического расположения, геологического строения и условиями залегания нефти в регионе: «Среднее Поволжье, Прикамье и районы, расположенные между Волгой и Западным Уралом» [Губкин, 1940: 10]. На нефтяных месторождениях между Волгой и Уралом создавалась вторая (после Кавказа) крупная база нефтяной промышленности СССР [Хужахметова и др., 2026: 160].

«Второе Баку» – это нефтегазоносный регион, который объединил Башкирию, Татарию, а также Куйбышевскую (Самарскую), Молотовскую (Пермскую) и Чкаловскую (Оренбургскую) области и др. В годы Великой Отечественной войны, в условиях угрозы захвата Кавказа, этот район стал главным топливным щитом страны, обеспечив фронт стратегическим горючим.

Ниже представлена разбивка «Второго Баку» по регионам, сыгравшим ключевую роль в годы Великой Отечественной войны:

1. Башкирская АССР стала абсолютным лидером среди регионов «Второго Баку». Здесь было добыто около 5 млн тонн нефти. Туймазинский нефтепромысел стал крупнейшим в СССР, обеспечивая фронт авиационным бензином Б-70 и Б-78. Уфимский и Ишимбайский нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) были переведены на выпуск военной продукции. Сюда же были эвакуированы специалисты и оборудование из Баку и Грозного (например, трест «Азнефтеразведка»).

2. Куйбышевская область являлась одним из главных форпостов советской нефтедобычи в военное время. Осенью 1942 г. сюда направили более 5 тысяч бакинских специалистов. В результате уже к 1943 г. добыча нефти выросла на 42 %. За рекордно короткий срок был построен Сызранский НПЗ, который первым же эшелонам отправил топливо сражающемуся Сталинграду.

3. Молотовская область приняла эвакуированные заводы нефтяного машиностроения (включая завод им. Мясникова) из Азербайджана. Форсированная разведка позволила открыть новые месторождения, которые укрепили топливную базу Красной Армии.

4. В Татарской АССР война ускорила геологоразведочные работы на юго-востоке республики, что заложило основу для открытия знаменитого гигантского месторождения «Ромашка» в 1943 г. Месторождения Татарии стали важным резервом для быстрого восстановления энергетического потенциала страны.

5. Чкаловская область. В г. Орск был эвакуирован крупный Батумский нефтеперерабатывающий завод, обеспечивавший горючим войска и технику на южном и восточном направлениях.

Таким образом, в годы войны работали следующие предприятия: Сызранский НПЗ, Краснокамский НПЗ – крекинг-завод, Ишимбайский НПЗ, Уфимский НПЗ – крекинг-завод, Саратовский крекинг-завод им. С.М. Кирова, Московский НПЗ и др. Идет процесс формирования нефтехимического территориального кластера, т. е. масштабного объединения, охватывающего всю технологическую цепочку от добычи до глубокой переработки углеводородов. Нефтехимия в годы войны стала стратегическим драйвером. Из-за потери традиционных нефтеносных баз Баку и Северный Кавказ находились под угрозой оккупации в 1942 г., фокус сместился на Урало-Поволжье и глубокую переработку. Главной задачей стало обеспечение фронта высокооктановым топливом и синтетическим каучуком.

Так, в 1940 г. в БАССР был создан единый центр по управлению нефтяной отраслью – «Башнефтекомбинат» – Башкирский нефтяной комбинат Наркомата нефтяной промышленности СССР (1940–1945 гг.). В комбинат входили 17 предприятий: Башнефть, Уфимский НПЗ, Туймазанефть, Ишимбайский нефтеперегонный завод, трубопровод Уфа–Ишимбаево и др. [Энергия Великой Победы, 2015].

Летом и осенью 1941 г. в Башкирию перебазировались трест «Азербайджанская нефтеразведка», Бакинский завод нефтяного машиностроения, также были размещены ряд строительных организаций, в том числе стройтрест № 3, Строительное управление Наркомстроя СССР, трест «Нефтемашзаводпроект» [История Башкортостана..., 2006: 267]. В самом начале войны была перебазирована из Сураханов в Пермскую область Экспериментальная контора турбинного бурения «Азнефти» (ЭКТБ). Осенью 1942 г. туда же была перебазирована контора бурения треста «Кировнефть». Из Баку на восток были перебазированы все девять контор бурения, нефтеразведочные и нефтестроительные тресты со всем персоналом и оборудованием.

В Куйбышевскую область в распоряжение трестов «Сызраньнефть» и «Бугурусланнефть» были направлены в полном составе коллективы контор бурения трестов «Орджоникидзефть», «Карачухурнефть» и «Карадагнефть», коллектив треста по разведке Прикуринской низменности и Кировабадского района [Султанов, 2005: 253].

В азербайджанской историографии вопрос передислокации части оборудования и кадров на восток имеет несколько мнений. Азербайджанский геолог, профессор Ч.А. Султанов считает такое решение «грубейшей ошибкой ГКО СССР» [Султанов, 2005: 253]. Критические оценки передислокации базируются на ряде аргументов: 1. Кадровый голод: массовый вывоз квалифицированных буровиков, инженеров и оборудования в районы Сибири и Средней Азии (создание «Второго Баку») поставил под угрозу бесперебойную работу самих бакинских скважин. 2. Неэффективные технологии: из-за перебоев с вывозом сырья на фронт применялись спорные методы сохранения добычи, включая многократную прокачку нефти по трубам для снятия легких фракций (бензина) и закачку остатка обратно в пласт, что ухудшало коллекторские свойства месторождений. 3. Угроза для фронта: резкое снижение потенциала Баку в первые годы войны, когда добыча упала до минимальных значений, могло иметь критические последствия для снабжения армии горюче-смазочными материалами.

Противоположная точка зрения – государственная необходимость, указывает на то, что создание мощных баз на востоке СССР было стратегическим спасением для всей нефтяной отрасли страны в условиях оккупации западных районов. С 28 июня по 24 ноября 1942 г. немецкое командование перешло к реализации Операции «Блау» (нем. *Fall Blau* – «Синий вариант»). Так называлось стратегическое летне-осеннее наступление войск нацистской Германии на южном направлении Восточного фронта. Главные цели операции: 1. Захват ресурсов: главной экономической целью Гитлера было взятие под контроль нефтяных месторождений Грозного и Баку, а также богатых сельскохозяйственных регионов Дона и Кубани. 2. Стратегический перерез: выход к Волге в районе Сталинграда, чтобы заблокировать ключевую транспортную артерию СССР и изолировать центральные районы страны от Кавказа. 3. Разгром сил: окружение и уничтожение советских войск на южном крыле фронта.

Несмотря на глубокое продвижение немецких войск вглубь советской территории, масштабные потери Красной Армии и выход вермахта к Волге и Главному Кавказскому хребту, операция «Блау» завершилась стратегическим провалом Германии.

Современные российские исследователи Е.В. Бодрова и В.В. Калинов считают, что сложности в процессе создания «Второго Баку» были связаны с тем, что из Азербайджана не было отправлено на Восток страны запланированного количества рабочих, служащих и ИТР. К 15 ноября 1942 г. туда переехало лишь 62 % от намеченного числа. От планируемого эксплуатационного и бурового оборудования удалось перебазировать максимум 10–12 % [Бодрова, Калинов, 2021: 73; Бодрова, Калинов, 2016].

Историк Э.Б. Мурадалиева считает, что в исторической литературе преувеличена роль «Второго Баку» в плане обеспечения фронта и тыла продуктами нефтедобычи и нефтепереработки: «А результат был таков, что потери в нефтедобыче в Баку за годы войны составили примерно 20 млн тонн. После переброски в районы в системе Азнефтекомбината осталась единственная контора бурения. Кроме того, транспортные затруднения в Баку привели к скоплению там большого количества нефти и нефтепродуктов [Мурадалиева, 2005: 166–165].

Более умеренной точки зрения придерживается исследователь Бакинской нефтяной промышленности И.А. Агакишиев, который не сомневается в необходимости проведения комплекса работ по освоению региона «Второе Баку» [Агакишиев, 2011: 83].

В историографии есть ряд работ, посвященных изучению вклада нефтяной промышленности СССР и «Второго Баку» в Победу во Второй мировой войне. В этих работах даются общие характеристики этой нефтегазоносной области. Монография А.Д. Будкова и Л.А. Будкова [Будков, Будков, 1985] посвящена изучению нефтяной промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны в СССР. По их мнению, создание новой нефтяной базы – Второго Баку – являлось первостепенной и неотложной государственной задачей. Важное государственное значение Урало-Волжского нефтяного района определялось тем, что в годы первых двух пятилеток выявилась необходимость с точки зрения географического расположения и развития производительных сил страны создания нефтяных баз в Центре и на Востоке страны. Ориентация исключительно на южные нефтяные районы сдерживала развитие производительных сил СССР.

БАССР уделяется особое внимание как наиболее мощному кластеру «Второго Баку»: «В 1941 г. Башкирская АССР по добыче нефти на Востоке СССР занимала первое место. Почти 80 % нефти, добываемой во Втором Баку, приходилась на Башкирию» [Будков, Будков, 1985: 50].

В коллективной работе «Энергия Великой Победы» также анализируется весь спектр энергетической промышленности военного времени: нефтяная, газовая, угольная. Рассматриваются нефтеперерабатывающие заводы «Второго Баку», отмечается вклад каждого предприятия в Победу. Роль Уфимского нефтеперерабатывающего завода в период битвы за Сталинград была очень важна: «Мощности Уфимского НПЗ позволяли перерабатывать более 1–1,5 млн тонн нефти с глубиной отбора до 70 %» [Энергия Великой Победы, 2015: 463].

Обзорная работа ректора Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина профессора В.Г. Мартынова и проректора этого же вуза Н.Н. Голунова [Мартынов, Голунов, 2020] посвящена анализу нефтегазовой отрасли в годы войны. Авторы перечисляют инновации, которые успешно реализовывались нефтяниками в годы войны: «гидроразрыв пласта», «наклонно-направленное бурение», «методы увеличения нефтеотдачи», «химические обработки призабойной зоны», «солянокислотных обработок карбонатных коллекторов» [Мартынов, Голунов, 2020]. В статье Е.Н. Алдашовой рассматриваются некоторые малоизученные вопросы развития нефтяной промышленности в годы войны в области «Второго Баку». Так, установлено, что «деятельность треста «Башнефтекомбинат» и его подразделений способствовала повышению результатов научных исследований БНЭ АН СССР, развертыванию работ производственных учреждений нефтяной отрасли, сосредоточенных на территории Башкирской АССР в военный период» [Алдашова, 2011: 60].

Истории нефтедобывающей промышленности Башкортостана в 30–90-е гг. XX в. посвящены работы Р.М. Зиязетдинова [Зиязетдинов, 2010], А.Я. Стрельцова. В их совместной работе «Создание и развитие нефтяной промышленности Башкортостана» [Стрельцов, Зиязетдинов, 2001] мы не встречаем понятия «Второй Баку». В работе Р.М. Зиязетдинова 2010 г. это понятие появляется и становится предметом исследования: «Еще в довоенные годы БАССР превратилась в центр «Второго Баку» [Зиязетдинов, 2010: 3].

В работе Э.Р. Гималетдиновой обоснован важный вывод: «Второе Баку» вместе с Азербайджаном стало основой нефтяной базы страны, мощнейшим нефтеперерабатывающим центром СССР [Гималетдинова, 2015: 73].

Заключение

«Второе Баку» с момента своего открытия и формирования инфраструктуры становится мощным нефтехимическим кластером, который спас страну от топливного коллапса в самый критический период 1941–1945 гг. Усилиями эвакуированных азербайджанских нефтяников и местных рабочих в Волго-Уральском регионе были добыты миллионы тонн нефти, что обеспечило работу каждого пятого советского танка и самолета.

Различные точки зрения в историографии на оценку мероприятий ГКО по перемещению оборудования и инженерно-технических работников бакинских и грозненских нефтяных промыслов и заводов в предприятия «Второго Баку» связаны с постсоветским переосмыслением общей истории. В связи с этим требуются дальнейший анализ и более глубокое изучение обозначенной темы.

Источники и материалы

Запивалов, Н.П., Шпильман, К.А., 1963. *Будет сибирское Баку*. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 53 с.

Список литературы

Агакишиев, И.А., 2011. *История бакинской нефтяной промышленности и второй нефтяной бум (вторая половина XIX – начало XXI вв.)*. М.: Вердана, 243 с.

Алдашова, Е.Н., 2011. История становления нефтедобывающей отрасли на территории Башкирской АССР в 1930-х – первой половине 1940-х годов, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 9 (224). История. Вып. 44, с. 52–62.

Бодрова, Е.В., Калинов, В.В., 2021. К истории становления нефтепереработки в Урало-Поволжье в годы Великой Отечественной войны, *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, № 3 (72), с. 72–84. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46501285_33224770.pdf (дата обращения: 13.07.2025).

Бодрова, Е.В., Калинов, В.В., 2016. Эволюция государственной политики в нефтяной отрасли промышленности в годы Великой Отечественной войны, *Вестник Нижневартковского государственного университета*, № 3, с. 3–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gosudarstvennoy-politiki-v-neftyanyy-otrasli-promyshlennosti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения: 13.07.2025).

Будков, А.Д., Будков, Л.А., 1985. *Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны*. Под ред. И.Я. Вайнера. М.: Недра, 248 с.

Гималетдинова, Э.Р., 2015. Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность Республики Башкортостан в годы Второй мировой войны, *Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело»*, № 2, с. 24–35. URL: https://ogbus.ru/files/ogbus/issues/2_2015/ogbus_2_2015_p24-35_GimaletdinovaER_ru.pdf (дата обращения: 13.07.2025).

Губкин, И.М., 1940. *Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку)*. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 138 с.

Зиязетдинов, Р.М., 2010. *Нефтедобывающая промышленность Башкирской АССР (1930–1991 гг.)*. Уфа: АН РБ, Гилем, 376 с.

История Башкортостана с древнейших времен до наших дней, 2006. В 2 т. Т. 2: История Башкортостана. XX век. Под ред. И.Г. Акманова. Сост. И.Г. Акманов, С.Ф. Касимов. Уфа: Китап, 600 с.

Мартынов, В.Г., Голунов, Н.Н., 2020. Нефтегазовые вехи Великой Победы: малоизвестные истории Великой Отечественной войны, *Деловой журнал «Neftegaz.RU»*. № 3, 5. Апрель. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/otrasl-v-istorii/543122-neftegazovye-vekhi-velikoy-pobedy-maloizvestnye-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 08.03.2025).

Мурадалиева, Э.Б., 2005. *Кровь земная – нефть Азербайджана и история*. Кн. 1. Баку: Мутарджим, 256 с. URL: http://elibrary.bsu.edu.az/files/books_135/N_137.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

Стрельцов, А.Я., Зиязетдинов, Р.М., 2001. *Создание и развитие нефтяной промышленности Башкортостана (1930–1960 гг.)*. Уфа: Изд-во БГАУ, 210 с.

Султанов, Ч., 2005. *Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти?* Баку: Нафта-Пресс, 371 с.

Хужахметова, Г.Н., Рахимов, Р.Н., Гарипова, З.Ф., 2026. Проблемы транспортировки нефти в БАССР в годы Великой Отечественной войны в зеркале заводских СМИ и газеты «Красная Башкирия», *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*, т. 12 (78), № 1, с. 158–169. URL: <https://sn-histor.cfuv.ru/проблемы-транспортировки-нефти-в-бас/> (дата обращения: 13.07.2025).

Энергия Великой Победы, 2015. М.: Экспертус, 253 с. URL: https://www.gubkin.ru/university_life/pobeda-75/energiya_Velikoy_Pobedy.pdf (дата обращения: 13.07.2025).

References

Agakishiev, I.A., 2011, *History of the Baku oil industry and the Second Oil Boom (second half of the 19th – early 21st Centuries)*. Verdana, Moscow, 244 p. (In Russ.)

Aldashova, E.N., 2011, The history of the formation of the oil industry in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s and the first half of the 1940s, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 9 (224). History. Iss. 44, pp. 52–62. (In Russ.)

Bodrova, E.V., Kalinov, V.V., 2021, On the history of the formation of oil refining in the Ural–Volga region during the Great Patriotic War, *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, no. 3 (72), pp. 72–84. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46501285_33224770.pdf (accessed: 13.07.2025). (In Russ.)

Bodrova, E.V., Kalinov, V.V., 2016, Evolution of state policy in the oil industry during the Great Patriotic War, *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 3, pp. 3–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gosudarstvennoy-politiki-v-neftyanoy-otrasli-promyshlennosti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (accessed: 13.07.2025). (In Russ.)

Budkov, A.D., Budkov L.A., 1985, *The oil industry of the USSR during the Great Patriotic War*, ed. I.Ya. Vainer. Nedra, Moscow, 248 p. (In Russ.)

Gimaletdinova, E.R., 2015, Oil extracting and oil refining industry of Bashkortostan during the Second World War, *Electronic scientific journal “Oil and gas business”*, no. 2, pp. 24–35. URL: https://ogbus.ru/files/ogbus/issues/2_2015/ogbus_2_2015_p24-35_GimaletdinovaER_ru.pdf (accessed: 13.07.2025). (In Russ.)

Gubkin, I.M., 1940, *Ural-Volga oil-bearing region (Second Baku)*. Publishing house of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, 138 p. (In Russ.)

Ziyazetdinov, R.M., 2010, *The oil industry of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1930–1991)*. Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Gilem, Ufa, 376 p. (In Russ.)

The history of Bashkortostan from ancient times to the present day, 2006. In 2 vols. Vol. 2: The history of Bashkortostan. The 20th century. Ed. I.G. Akmanov. Comp. I.G. Akmanov, S.F. Kasimov. Kitap, Ufa, 600 p. (In Russ.)

Martynov, V.G., Golunov, N.N., 2020, Oil and gas milestones of the Great Victory: little-known stories of the Great Patriotic War, *Neftegaz.RU Business Journal*, no. 3, 5. April. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/otrasl-v-istorii/543122-neftegazovye-vekhi-velikoy-pobedy-maloizvestnye-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (accessed: 08.03.2025) (In Russ.)

Muradalieva, E.B., 2005, *The blood of the Earth – oil of Azerbaijan and its history*. Book 1. Mutardzhim, Baku, 256 p. URL: http://elibrary.bsu.edu.az/files/books_135/N_137.pdf (accessed: 30.09.2025). (In Russ.)

Streltsov, A.Ya., Ziyazetdinov, R.M., 2001, *Creation and development of the oil industry in Bashkortostan (1930–1960)*. Bashkir State Agrarian University, Ufa, 210 p. (In Russ.)

Sultanov, Ch., 2005, *Would the USSR and Europe have survived fascism if Baku oil had been lost?* Nafta-Press, Baku, 371 p. (In Russ.)

Khuzakhmetova, G.N., Rakhimov, R.N., Garipova, Z.F., 2026, Problems of oil transportation in Bashkir ASSR during the Great Patriotic War reflected in factory media and the newspaper “Krasnaya Bashkiriya”, “*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences*”, vol. 12 (78), no. 1, pp. 158–169. URL: <https://sn-histor.cfuv.ru/проблемы-транспортировки-нефти-в-башк/> (accessed: 30.09.2025). (In Russ.)

Energy of the Great Victory, 2015, Ekspertus, Moscow, 253 p. URL: https://www.gubkin.ru/university_life/pobeda-75/energiya_Velikoy_Pobedy.pdf (accessed: 13.07.2025). (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Гульнара Нургалеевна Хужахметова, кандидат философских наук, доцент, Институт истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-4970-5509>; e-mail: Suve@mail.ru

Information about the author

Gulnara N. Khuzhakhmetova, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor, Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-4970-5509>; e-mail: Suve@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 27.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026

Подписано в печать 29.06.2026

Вышел в свет 09.07.2026

Бумага офисная. Формат 60×84/8

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 16,19. Уч.-изд. л. 13,25

Тираж 500 экз. Распространяется бесплатно. Заказ № 150

Адрес типографии Ордена Знак Почета ИИЯЛ УФИЦ РАН:
450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71.

Тел.: +7 (347) 235-50-60, E-mail: izv-i-f-c@mail.ru

